

207

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

8'93

НА БОЕВОМ ПОСТУ

ТАК НАЧИНАЮТ "ПРОФИ"

Фото А.АЛЕКСАНДРОВА

В НОМЕРЕ:

■ АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

СТЕПАШИН С. "Через два-три года мы увидим совершенно новые внутренние войска," 2

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

КИСЛЫЙ Ю. ... И созреют плоды мира . 7
 ПЕТРОВ А. Хоть и не царь, и не Бог... . 10
 КАРПОВ Б. Яковлев. Это школа 13
 АСТАПЧУК А. Лучше поздно, чем никогда 19
 Письма в редакцию 21

* * *

НИКОЛАЕВ С. Факел российского солдата 23
 ЧИШЕР Р. Заслон (спецподразделения английской полиции) 26
 СЫСОЕВ Н. "В помощь исполнению законов," (Из истории внутренней и конвойной стражи России) 29

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

РЫЧАГОВ В. Полуденный туман 34
 ПУГАЧЕВ В. "Здесь ни о чем расспрашивать не надо..." (стихи) 41
 СЕЙЕРС Л. Д. Чье тело? (роман, продолжение) 43

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

БАРАНОВСКИЙ В. Сэн'э — путь жизни . . 58
 Советы домашнему мастеру 60
 Шахматный клуб 61
 Клуб знакомств "Возможна встреча," . . 62
 Кроссворд 64

Главный редактор

ЛУКИЕНКО Л. И.

Редакционная

коллегия:

АМЕРХАНОВ В. Ш.

(зам. главного

редактора),

АФАНАСЬЕВ В. В.,

БОНДАРЕВ П. Т.,

ВОЛКОВ О. Л.,

ВОРОЖЦОВ В. П.,

ДУРБАЖЕВ В. А.,

ЕРХОВ Е. И.,

ЗАЙЦЕВ А. П.,

КАВУН С. Ф.,

КАРЕВ А. Н.

(ответственный

секретарь),

КАРПОВ Б. В.,

КОЗЛОВ И. Т.,

КОНДРОЕВ В. В.,

КОРОВНИКОВ А. В.,

КОТЛЯРОВ А. П.,

КУДРЯШОВ В. И.

КУЗЬМИН Н. П.,

МАЛЮТИН С. Н.,

ОВЧИННИКОВ В. В.,

ПРОКОПЕНКО Н. Н.,

СЕНКОСЕНКО Л. Ф.

(зам. главного

редактора),

СМИРНОВ Л. Л.,

УШАР А. Г.,

ФЕДОСЕЕВ В. Ф.,

ЧЕРНЫШОВ П. П.,

ЯКУБОВСКИЙ В. И.

Учредитель — МВД России.

Издатель — Главное управление
командующего внутренними войсками:
111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9а.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420. Имеет приложения: газету «Ситуация» и сборник учебно-методических материалов «Войсковой вестник».

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал «На боевом посту», 1993

Сдано в набор 15.06.93 г. Подписано к печати 28.07.93 г.
Формат бумаги 70x108/16 Усл. печ. л. 5,6.
Уч.-изд. л. 8,8. Зак. № 1893. Тираж 12000.
Цена по каталогу 50 руб., в розницу — свободная.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда»
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Художественное оформление

Э. П. Копылова.

Корректоры

Е. А. Богданова,

Н. В. Емельяна.

На первой странице обложки:
фото А. Александрова.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд, 8.
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

**Председатель
Комитета по вопросам
обороны
и безопасности
Верховного Совета
Российской Федерации
С.В. СТЕПАШИН
отвечает на вопросы
нашего
корреспондента.**

комсомольской работе; прошел должность заместителя командира учебного подразделения. В Ленинградском университете защитил кандидатскую диссертацию, работал преподавателем, заместителем начальника кафедры в родном училище. С 1988 по 1990 год вместе с курсантами находился на Кавказе. В то время учебный процесс зачастую прерывался, и курсанты не столько учились, сколько несли боевую службу в горячих точках. К сожалению, не обошлось и без потерь — двое наших замечательных парней погибли от бандитских пуль в Сухуми.

Возвратившись из длительной командировки, я с удивлением узнал, что курсанты выдвинули меня кандидатом в народные депутаты России. Такая перспектива мне, честно говоря, в голову не приходила. Но, поразмыслив некоторое время, я все же решил на такой шаг, да и ребят разочаровывать не хотелось. Предвыборная борьба была трудной. И в том, что я в ней победил, неоценимая заслуга моих учеников — курсантов. Они провели огромную работу среди населения, ведь мне пришлось бороться и с представителями Народного фронта, и с обкомом КПСС. Кстати сказать, после предварительных результатов предвыборной кампании мне недвусмысленно дали понять из обкома, что я должен снять свою кандидатуру, так как депутатский мандат, за который я вел борьбу, по их расчетам, предназначался вовсе не заместителю начальника кафедры военного училища, а начальнику управления КГБ Ленинграда. Но я не сдался, и вместе с моими помощниками и избирателями мы взяли верх.

— А что было потом?

— Стал народным депутатом России. Затем меня избрали в Верховный Совет. Рабо-

"ЧЕРЕЗ ДВА-ТРИ ГОДА МЫ УВИДИМ СОВЕРШЕННО НОВЫЕ ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА"

— Сергей Вадимович, немало лет своей жизни вы посвятили службе во внутренних войсках...

— И, представьте, это были не самые худшие годы!

— Вот поэтому нашим читателям будет небезынтересно познакомиться с вашей биографией. Если можно, расскажите, пожалуйста, о себе.

— Биография, в общем-то, обычная. Окончил в 1973 году Высшее политическое училище МВД в Ленинграде. Служил во внутренних войсках, в частях по охране важных государственных объектов и специальных грузов: был заместителем командира роты, помощником начальника политического отдела по

тал в комитете А. Руцкого, возглавляя подкомитет по Вооруженным Силам. Несколько позже из него образовали Комитет по безопасности. Распад СССР привел к необходимости создания собственной армии, и наш комитет получил название Комитета по вопросам обороны и безопасности.

После известных событий в августе 1991 года мне было поручено возглавить государственную комиссию по расследованию деятельности КГБ. Когда комиссия закончила свою работу, тогдашний шеф Агентства федеральной безопасности В. Иваненко предложил вместе с ним заняться реформированием АФБ. Он — как практик, я — как председатель Комитета Верховного Совета России, возглавлявший комиссию. Вот почему меня

назначили заместителем генерального директора АФБ — начальником управления по Ленинграду. Затем АФБ переименовали в МБ, а мне пришлось еще в течение года трудиться и в Верховном Совете, и в Министерстве безопасности. Понимая, что так долго продолжаться не может, я написал заявление с просьбой освободить меня от должности председателя Комитета по вопросам обороны и безопасности, но Верховный Совет принял иное решение и отозвал меня из исполнительной структуры.

— Сергей Вадимович, в предвыборную борьбу вы вступили в звании подполковника. Теперь вы, наверное, уже генерал?

— Да, генерал-лейтенант.

— Скажите, какие из предложений возглавляемой вами госкомиссии по расследованию деятельности КГБ реализованы?

— Предложений было несколько. Некоторые из них удалось провести сразу. Был ликвидирован такой всемогущий монстр, как КГБ, а вместо него образовано несколько самостоятельных структур: Служба внешней разведки, Министерство безопасности, Федеральное агентство правительственной связи и информации, Главное управление охраны высших органов государственной власти... Была проведена очень серьезная работа по деидеологизации и деполитизации спецслужб, чтобы больше никогда не допускать серьезных нарушений, имевших место прежде. Первое главное управление КГБ в свое время, например, принимало непосредственное участие в свержении Амина в Афганистане. Пресловутое Пятое управление госбезопасности занималось политическим сыском. Все это сегодня запрещено. Произошло значительное омоложение состава сотрудников спецслужб. Правда, не обошлось и без неоправданных кадровых потерь. В тот период немало хороших офицеров, опасаясь, что мы повторим ошибку стран Восточной Европы, где подобные силовые структуры были полросту разогнаны, уволились из органов безопасности. Но все-таки, несмотря на жесткое давление, когда многие горячие головы требовали ликвидировать КГБ, мы сумели сохранить наши спецслужбы.

После реформирования КГБ Комитетом по вопросам обороны и безопасности была подготовлена законодательная база — законы «О безопасности», «О внешней разведке», «О федеральных органах государственной безопасности», — которая позволяет сегодня создать все необходимые условия (и материальные, и правовые) для того, чтобы потенциал российских спецслужб был реализован. Однако нестабильность политической ситуации в России, и особенно противостояние между верхними эшелонами законодательной и исполнительной власти, ставит наши силовые структуры в неловкое положение.

— В 1990 году, одержав убедительную победу на выборах, вы стали народным депутатом России. С той поры прошло три года. В какой мере вам удалось выполнить обещания, данные избирателям?

— Если бы мы стали жить лучше, чем в 1990 году, когда проходили выборы, то я бы мог сказать, что свои обещания выполнил. Но как можно об этом говорить сегодня?! Хотя по многим позициям, с теоретической точки зрения, моя предвыборная программа может считаться выполненной. Судите сами. В первом пункте программы говорилось о необходимости добиваться суверенитета Российской Федерации. В то время многие республики бывшего СССР считали, что Россия их объединяет. В РСФСР ждали обратное. Каждый тянул одеяло на себя, и требовалось в экономических взаимоотношениях расставить все точки над «i». Но, к сожалению, цена нашему суверенитету оказалась слишком высокой. Распада СССР могло бы не произойти. Однако бывшее руководство Союза во главе с М. С. Горбачевым сделало все, чтобы подвести страну к августу 1991 года. Проводя в течение нескольких лет двурушническую политику, оно вдруг, словно очнувшись от глубокого сна, решило за два-три дня все вернуть на прежние места. Чем это закончилось, хорошо известно. А ведь была возможность прийти хотя бы к конфедеративному устройству государства — реформировав серьезно центр, но оставив связи, объединяющие экономическое пространство. При таких условиях экономическая реформа пошла бы значительно быстрее и менее болезненно. Поэтому, если говорить о выполнении первого пункта моей предвыборной программы, то он оказался даже перевыполненным, но, увы, со знаком минус.

Получив депутатский мандат, я, как человек военный, стремился работать в той области, которая мне наиболее близка и в которой я компетентен. Так и вышло. Три года я занимаюсь вопросами, в достаточной степени мне знакомыми. И нам удалось немало сделать. Впервые в истории российской государственности создана и продолжает совершенствоваться законодательная база в интересах укрепления обороны и безопасности. За один только год у нас принято столько законов по Вооруженным Силам, сколько не было принято за всю многовековую историю нашего Отечества. Недавно «Белый дом», на Краснопресненской набережной посетил делегации из Германии и Англии. Они были удивлены тем, что в нашей стране появились зачатки нормального парламентского контроля за спецслужбами. Такого нет пока нигде, кроме США. Впрочем, у американцев контролировать спецслужбы начали лишь в 1975 году, и то после скандала, связанного с ЦРУ. Поэтому я считаю, что реализовать свою предвыборную программу мне наиболее удалось в законодательной области.

Теперь о том, что мне не удалось сделать (правда, это зависит не только от меня), — помочь моим избирателям, а многие из них люди пожилого возраста, улучшить жилищные условия. Нехватка жилья — общая трагедия страны. И решать эту проблему нам предстоит еще очень долго.

Подводя итоги вышесказанного, я бы отметил то, что, несмотря на критику в адрес Верховного Совета Российской Федерации и съезда народных депутатов, у нас в стране впервые предпринята попытка создать про-

образ будущего парламента России, который, несомненно, у нее будет. И если этот парламент не станет парламентом лавочников и мафиозных структур, что меня серьезно беспокоит, я уверен, мы построим нормальное правовое государство.

— Ваше отношение к съезду народных депутатов?

— Насчет съезда мое мнение не изменилось с самого начала депутатской деятельности. Я считаю, что многие вопросы были бы сняты, если бы первый съезд народных депутатов стал и последним. Его нужно было сразу реформировать в постоянно действующий парламент. Увы, тогда на съезде этого не произошло. Не хватило всего-навсего 18 голосов...

— Сергей Вадимович, каковы, на ваш взгляд, перспективы Советской власти?

— Считаю, что в нашей стране надо вводить новую форму государственного управления и самоуправления. Это — профессиональный двухпалатный парламент и муниципальные органы в городах, районах, поселках. Можно назвать их Советами, можно и муниципалитетами — суть не в этом. Мы же сегодня имеем, по существу, сотни разнокалиберных парламентов, начиная от Москвы и до самых до окраин. Все они принимают законодательные акты, подчас противоречащие друг другу. В будущем, я думаю, в стране будет один законодательный орган — парламент, строго контролирующий выполнение принятых законов, но ни в коем случае не подменяющий исполнительную власть. Органы самоуправления на местах в свою очередь решают насущные проблемы: строительство жилья, дорог, детских учреждений, школ, магазинов и т. д. Подобная система управления работает во всем цивилизованном мире. Особенно хорошо это получается во Франции. Кстати, названное государственное устройство предусматривается и в проектах Конституции, представленных Верховным Советом и Президентом Российской Федерации.

— Являясь председателем Комитета по вопросам обороны и безопасности Верховного Совета Российской Федерации, вы принимаете непосредственное участие в разработке военной доктрины. Это не секрет, в какой стадии находится эта работа и что бы вы могли рассказать о политике нашего государства в военной области?

— Основные положения военной доктрины рассматривались на Совете безопасности, а коллегии Министерства обороны и в нашем комитете. Мы договорились о создании совместной группы от этих трех структур, и, надеюсь, к концу нынешнего года документ будет оформлен как основные аспекты военной доктрины, а не как какой-то ортодоксальный, созданный на века догмат. В этом документе будут определены источники военной опасности. Кроме того, военная доктрина даст зеленый свет для проведения дальнейшей реформы самой армии. То есть мы получим то, что понимается под концепцией военного строительства.

— Выходит, что у нас пока впереди упряжки едет телега?

— Если говорить образно, то именно так и получается. В Вооруженных Силах проводится реформирование, а доктринального документа, обосновывающего, ради чего это делается, нет.

Главная идея основных аспектов военной доктрины заключается в том, что у России не будет врагов в старом понимании. Не будет и ставшего уже привычным противопоставления Востока Западу. Однако, как заявил Президент, источники очень серьезной опасности для нас по-прежнему остаются. В документе они будут четко определены. Применится и структура Вооруженных Сил: приоритет получат высококомобильные соединения и части; возможно, их станет меньше, чем мы имеем, зато качественно они будут несоизмеримо выше. Уделяется серьезное внимание необходимости дальнейшего развития доктрины ядерного сдерживания, при этом мы отходим от прежнего постулата о необходимости нанесения превентивного ядерного удара.

— Сергей Вадимович, бытует мнение, не единожды высказывавшееся в средствах массовой информации, о том, что на сегодняшний день угроза целостности Российской Федерации существует не столько извне, сколько изнутри страны. Очевидно, имеются в виду процессы суверенизации республик и бывших автономий, политическое противостояние некоторых из них центру, ухудшение криминогенной обстановки, межнациональные конфликты, переросшие в ряде случаев в открытое вооруженное противостояние, — это то, что мы уже имеем в России. В этой связи что-нибудь оговаривается в основных аспектах военной доктрины и какой видится вам роль внутренних войск?

— В доктринальном документе очень серьезно рассматриваются вопросы внутренней безопасности. Окончательно пока не определено, должны ли Вооруженные Силы участвовать в стабилизации обстановки в стране с оружием в руках, особенно на Северном Кавказе, или нет. Моя точка зрения на эту проблему однозначна — армия не должна к этому привлекаться. Для поддержания законности и общественного порядка предназначены иные силы, в том числе и внутренние войска. Это их непосредственная задача — обеспечивать конституционные права и защиту российских граждан. Поэтому внутренние войска необходимы стране как воздух.

— И сразу же возникает вопрос об их комплектовании. Как мыслится решать в ближайшее время проблему призыва на срочную службу и какова перспектива комплектования войск по контракту? Надежд на этот принцип много, да и нормативных актов принято достаточное количество, но вот как сделать, чтобы они заработали?

— Комплектование внутренних и пограничных войск — первоочередная задача. На VI съезде народных депутатов России, когда мы рассматривали вопросы военного строи-

тельства, эта позиция была в постановлении "забита", очень жестко. Во-вторых, когда мы говорим о переходе на службу по контракту — для чего нужны очень большие средства, и не только высокая заработная плата, но и обеспечение жильем, другими социальными гарантиями для семей военнослужащих, — я убежден, что этот принцип комплектования в первую очередь должен начаться с внутренних войск.

Что касается службы по призыву, то в Верховном Совете пересмотрена 21 статья Закона "О воинской обязанности и военной службе", и некоторые отсрочки от призыва в армию будут отменены до 1995 года. Мы также вправе рассчитывать на помощь и военной прокуратуры. Были случаи, когда, например, в Москве, в некоторых районах из десяти призывников, не попадающих ни под какие отсрочки, на призывной пункт приходили только двое. А ведь есть закон, предусматривающий меры уголовной ответственности за уклонение от воинской службы. И его надо неукоснительно выполнять.

— Сергей Вадимович, интересно узнать ваше мнение о месте и роли казачьих формирований в армии и на флоте, в пограничных и внутренних войсках.

— К формированию казачьих частей и подразделений я отношусь пока с осторожностью, потому что сегодня, к сожалению, казачество втягивают в политические игры, а это, как известно, чревато тяжелыми последствиями и для самих казаков, и для России. С другой стороны, недооценивать это движение нельзя, тем более что вокруг него объединяется большое количество людей. Но и предоставлять казачество самому себе (варитесь, мол, в собственном соку как знаете) нежелательно, ему необходимо помогать в возрождении, но им нужно и управлять.

Проблему возрождения казачества в России мы обсуждали с Сергеем Шахраем. Тогда я высказал свою точку зрения по поводу казачьих формирований в составе Вооруженных Сил. Если использовать помощь казаков как один из способов комплектования армии, пограничных и внутренних войск, соблюдая Закон "О воинской обязанности и военной службе", то я за такой подход. У нас ведь есть аналоги. В дивизию имени Дзержинского призывники прибывают из одних и тех же областей, и ничего в этом плохого нет. Подобная традиция долгие годы поддерживается и на Кировском заводе в Санкт-Петербурге. Сыновья рабочих этого известного предприятия проходят военную службу в одной из дивизий на Урале. Такой пример достоин подражания. Но когда казаки ходят по улицам в военной форме образца 1914—1916 годов, носят самостийно присвоенные офицерские звания да еще требуют выдать им оружие и разрешить действовать по своим, столетней давности, законам, то это вполне естественно вызывает опасение. Поэтому ни одной из каких-либо партий я бы не советовал разыгрывать казачью карту.

— Насколько мне известно, казаки готовы служить в вооруженных силах пожизненно: от 2 до 5 лет — срочную службу, остальные годы находиться в активном

резерве, но при неременном условии, что за это им вернут отобранные при Советской власти земли и разрешат безалоговую торговлю сельхозпродуктами.

— Вполне возможно, в будущем так и будет. Но пока наше законодательство не предусматривает того, о чем вы сказали. Кто должен давать казакам землю? Откуда ее взять? Недавно я был в Литве, и мне там рассказали о последствиях поспешного решения земельного вопроса. В этой республике разогнали колхозы и совхозы, а земли возвратили бывшим владельцам, основная часть которых проживает в городах и за границей. В результате такой политики в Литве в этом году 1 миллион гектаров плодородных земель оказался просто бросовым. Литовское государство, являвшееся раньше традиционным поставщиком мяса, молока, сметаны и других продуктов в соседние республики, вынуждено ныне импортировать все это из-за рубежа. Так что к раздаче земельных наделов надо подходить очень осторожно.

— Сергей Вадимович, в недавние времена (и вы это хорошо знаете) со стороны государства отношение к внутренним войскам было не очень заботливым. Комплектовались и оснащались они по остаточному принципу, получали из армии устаревшую технику. Я помню, как, будучи курсантом Саратовского высшего военного командного училища, на занятиях по тактической подготовке ходил с однокурсниками в атаку не за настоящим танком, а за ромбовидным куском фанеры, который вместе с его носильщиком олицетворял Т-64. И таких курьезных примеров, свидетельствовавших о бедности внутренних войск, можно привести немало. Что-нибудь изменится в этом плане теперь, ведь войска наши стали воюющими?

— При всей скудности бюджетных ассигнований правительство делает все возможное, чтобы внутренние войска России были обеспечены личным составом, вооружением, бронею и автомобильной техникой по принципу потребности. На этот счет есть жесткая установка Президента и решение VII съезда народных депутатов России о том, чтобы все квоты, предназначенные для внутренних войск, были выполнены. В ГУКВВ разработана программа обеспечения войск, и когда в Минфине рассматривали бюджет, то все наши заявки приняли.

Я уверен, через два-три года мы увидим совершенно новые внутренние войска. Современной боевой техники в армии достаточно, и передать часть ее для нужд войск МВД проблемы не составит. Но подойдет ли она для тех задач, что выполняют, например, оперативные и специальные моторизованные воинские части? Скорее всего, их нужно экипировать и оснащать по подобию спецназа западных стран или известной группы "Альфа".

— наших читателей, в основном солдат и сержантов, интересует, будут ли утверждены какие-либо новые российские награды?

— На заседании Президиума Верховного Совета Российской Федерации этот вопрос обсуждался. Наряду с уже действующими утверждены новые и восстановлены популярные в дореволюционном прошлом награды. Такие, как Георгиевский крест четырех степеней, орден святого Георгия и другие.

— Сергей Вадимович, как военному преподавателю вам особенно близка тема подготовки молодых офицеров. Каким требованиям, на ваш взгляд, должен отвечать современный выпускник военного училища, и в чем, по-вашему, заключается отличие его от выпускников прошлых лет?

— Наверное, не о требованиях надо вести речь, а о качественно новых позициях в подготовке выпускников военных училищ. В стране изменилась политическая ситуация. Идет демократизация общества, что само по себе имеет свои плюсы и минусы. В такой обстановке офицеру намного сложнее работать с подчиненными. Нужно, во-первых, не столько уповать на силу приказа (хотя на принцип единоначалия никто не покушается), сколько уметь убедить солдата добросовестно выполнять свой воинский долг, найти к нему правильный подход.

Во-вторых, в условиях контрактной службы подготовка офицера должна быть на несколько порядков выше, ведь обучать и воспитывать профессионалов сможет только профессионал самого высокого класса.

В-третьих, и это, пожалуй, самое сложное, — в обществе образовался некий идеологический вакуум, что особенно сильно сказывается на военнослужащих. Образа врага в прошлом его понимании не существует, о патриотическом воспитании, похоже, совсем забыли (правда, то, как раньше им занимались, порой набивало оскомину, но хоть что-то да делалось!). Когда-то Бисмарк заметил, что невоюющая армия через два-три года перестает ею быть. Я, разумеется, не призываю ни на кого нападать, но доля истины в этом высказывании есть. Молодые люди должны глубоко осознавать, ради чего их призвали на военную службу, поставили в солдатский строй и дали в руки оружие, в противном случае надежных защитников Отечества из них не получится.

— С тем, что вы сказали, трудно не согласиться. Но опять же для этого нужны разносторонне подготовленные офицеры... Где их взять?

— Пришло время подумать о создании новой формы обучения ратному ремеслу. Возможно, я забегаю вперед, говоря о том, что количество военных училищ будет сокращено, но их действительно слишком много для той армии, которая у нас есть. Реформируя учебную базу, надо попытаться изменить и саму систему обучения. В Англии, например, будущие офицеры два года проходят подготовку в военном колледже, затем обучаются в гражданском вузе. Получив два образования, они становятся более подготовленными к самостоятельной жизни вне казармы, раскрепощенно чувствуют себя среди военных и гражданских лиц. В английской армии нет той огромной дистанции во взаимоотношениях между военнослужащими, ко-

торая существует у нас. Я имею в виду не солдат первого и второго года службы, а наш офицерский корпус. Посмотрите, как скованно чувствует себя молодой лейтенант, прошедший четыре года на казарменном положении, в присутствии полковника, как не уверен в себе майор — выпускник академии — в общении с генералом. И это не их вина. Это наша общая беда, причины которой нужно искать в системе обучения и воспитания военных кадров.

— Сергей Вадимович, как вы относитесь к мнению о том, что в Вооруженных Силах России надо возродить институт священнослужителей?

— Я нормально отношусь к такому явлению. Только пусть это будет делаться не насильственно. Нельзя возродить веру по приказу. У нас сейчас многие ходят в церковь не потому, что глубоко веруют в Бога, в православного, мусульманского, католического, а попросту отдают дань моде. Но если будет большой процент верующих военнослужащих, то почему бы и не иметь полкового священника?! Тем более что религия к злу не призывает, посредством исповеди помогает очиститься от дурных помыслов, откровенно рассказать о наблевшем, снять, как говорится, камень с сердца. Когда солдату, особенно в начальный период службы, есть с кем поговорить, излить свою душу, — это немаловажный фактор.

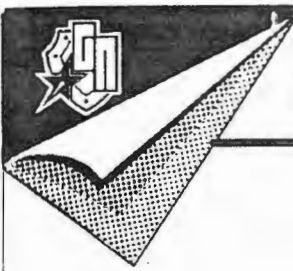
— Недавние события в Томске-7 еще раз показали, что безопасность военнослужащих войск, охраняющих важные государственные объекты, по-прежнему оставляет желать лучшего. Не могли бы вы высказать свою точку зрения по этой животрепещущей проблеме?

— Томск-7 — один из трагических примеров безалаберного отношения нашего государства к собственному народу, в том числе и к военнослужащим. Нам срочно нужны специальный закон об охране важных государственных объектов (кстати, работа над ним уже ведется) и целевая программа, предусматривающая не только охрану объектов, но и меры по защите, обеспечению безопасности людей, работающих и несущих на них боевую службу, в случае взрыва, аварии, при возникновении экологических катастроф, эпидемий, эпизоотий и тому подобных явлений. Я думаю, что правительство такую программу поддержит.

— Сергей Вадимович, может быть, вы сами хотите о чем-то сказать нашим читателям?

— Служба у воинов внутренних войск во все времена была сложной и ответственной, но особенно большую государственную значимость приобретает она в наши дни. И пользуясь случаем, желаю всем нашим солдатам и офицерам крепкого здоровья, счастья, стойкости и выдержки при выполнении своего воинского долга во имя Отечества.

Беседу вел
подполковник А. СИМОНОВ.

ВОЙСКА: проблемы, события, люди

... И СОЗРЕЮТ ПЛОДЫ МИРА

Во время своих командировок в Северную Осетию и Ингушетию не раз слышал о том, как в пекле войны осетины прятали у себя друзей и соседей ингушской национальности, а ингуши — спасали осетин. Но хотелось записать такую согревающую душу историю со слов очевидцев или тех, кто сам проявил не растраченную в кровавой вражде человечность. И вот недавно, вновь побывав в районе чрезвычайного положения, по совету коменданта одного из сел встретился с Хаджибикаром Б. (в целях его безопасности фамилию и населенный пункт не называю).

Хаджибикару — за пятьдесят, но, несмотря на пережитое, выглядит он молодо, крепок, полон энергии. Пятеро детей у него, младшей дочери полтора годика. Хозяйство большое, доставшееся в наследство от отца, деда, прадеда. По словам главы семьи, род его на этой земле живет еще с прошлого века; растущему во дворе ореху, что прадед посадил, ровно 150 лет. И фундаменту дома столько же.

Вот он, бесхитростный и в то же время проникнутый глубокими, мудрыми мыслями рассказ Хаджибикара Б.

— Тяжело вспоминать про все, что мы тут пережили... Ну да ладно. Рано утром жена моя, Шафиат, погнала корову пастись. Вернулась домой — глядь, следом буренка бежит. Что такое, думаю, наверное, напугал кто-то. Вдруг — ушам своим не верю — автоматная очередь. Другая, третья! Господи, что случилось? Вышел к автобусной остановке. Смотрю, провода оборваны, народ в страхе мечется. А овцы в сторонке пасутся себе как ни в чем не бывало, не чувят опасности. Тут КамАЗ с вооруженными людьми в кузове пронесся по дороге — в сторону Владикавказа. А выстрелы все ближе и ближе.

Еще не зная, не представляя масштабов беды, которая обрушилась на село, я поспешил домой. Через час ко мне пришли женщины-осетинки. Соседки. Пятнадцать их было, как сейчас помню, и двое детей с ними. Плачут: "Все наши уходят, спасаются, а мы боимся, стреляют кругом". Покойная мама — недавно похоронил ее, вчера сорок дней было, — говорит мне: "Спрячь их, Хаджибикар, не дай пропасть невинным людям!". Я отвел соседей в пекарню и закрыл в кладовой, за печкой. У меня просторная пекарня. Построил, когда разрешили кооперацией заниматься. По три рубля за большую буханку хлеб продавал, недорого совсем. Вместе со мной в пекарне работал осетин Виталий, мусульманин, отличный парень. Так вот, спрятал, значит, собрал в саду ведро яблок, отнес им. Вечером в дом позвал: замерзнут, думаю. Раз уж взялся помогать людям, надо быть гостеприимным хозяином до конца. Под утро слышим, шум в соседней двухэтажке. Женщины говорят: "Наверное, грабят наши квартиры". Эх, была не была, решил, пойду проверю, может, удастся отговорить грабителей. Пришел. В комнатах все перевернуто, разбросано, но вещи целы. Видимо, искали оружие и деньги. В одной из квартир жил милиционер, который погиб в бою у поселкового отделения. Так у него в комнате, как мне потом рассказывали, вроде бы нашли какие-то стволы.

На другой день с самого рассвета дежурил возле дома. Женщин охранял. Кто приходил — поил чаем во дворе, но в комнаты не приглашал.

Через сутки начался артобстрел. А жена как раз курицу ошпывала, хотела суп сварить для осетинки. Бах! Снаряд в соседний дом попал. Одни руины остались. Шафиат от испуга курицу уронила, а тут кошка откуда ни возьмись, давно за хозяйкой, видать, следила, хватъ наш обед — и была такова. А мама посреди двора с криком крутится на одном месте, к ушам ладони прижала. Контузило, бедную. С тех пор заболела, слегла, и скоро ее не стало.

А обстрел продолжался. Снаряды то на улицах рвутся, то в огородах. «Все, — говорю жене, — надо срочно уезжать. Вдруг снаряд попадет во двор, погибнем!». Пошел к женщинам. Так, мол, и так, я вашей безопасности гарантировать не могу, слышите, что творится. Уезжаю с семьей на «Жигулях», вас с собой забрать не смогу, как сами поместимся в машине, не знаю. «Куда ж нам идти? — кричат. — Вокруг ингуши, возьмут в заложники, мы лучше тут останемся». — «Ну, раз так — оставайтесь».

Вначале я уехал на пруды, что в километре от дома. А мне говорят мужики: «Зря ты, Хаджибикар, сюда семью привез. Трасса рядом, скоро танки пойдут, бой будет. Уезжай скорее!». Ну я тогда своих отвез к родственникам в Назрань, а сам скорее назад, за домом присматривать, чтоб ополченцы не сожгли.

Приехал и говорю женщинам: «Можете, конечно, оставаться и дальше, мне не жалко, но советую по двое — по трое уходить огородами, а потом бродом. Трассой не идите, там наши, не отступили еще». Так и сделали. Только Зина, повариха из колхоза, не поверила мне и пошла на дорогу. Там и взяли ее ингуши, затолкали в машину и — в Назрань. Она давай плакать, кричать. Парень один признал ее — велел шоферу отвезти Зину назад. Вернулись, она побежала к брату в другое село.

Походил я по двору, подумал и решил на время уехать к своим. Оставаться было страшно. На улицах — перестрелки. Горят дома. От жара шифер лопается, и такое ощущение, как будто по тебе из автоматов палят.

Когда через пару дней вернулся, мне рассказали: твой дом хотели сжечь осетинские боевики, а женщины, которых ты прятал, не позволили. Добро за добро, значит. На этом, наверное, даже в страшную годину мир стоит. Да! Дом цел остался — это главное, но пограбить — пограбили. И зерно утащили, что на зиму припас, и ценные вещи. И кто! Сосед мой и друг, через три дома от меня живет. На КамАЗе, говорят, два рейса с сыном сделал, общицал ингушские дома. Сын его в школе был двоечником и хулиганом, а сейчас в милиции служит, важный стал, как лавлин. Правильно русские говорят: «Избави, Боже, от таких друзей, а с врагами я и сам справлюсь».

С кем из осетин раньше не дружил — те настоящими людьми оказались. Вот ведь как бывает на белом свете.

Хасан увидел, что кто-то написал на моих воротах мелом «ингуш», и стер надпись. А ночью не спал, дом мой стерег, чтобы не подождать. Поблагодарил его при встрече. А он: «Тяжело твой должник, Хаджибикар!». И верно.

Дело как было?! На вторую ночь после начала войны, когда я женщин прятал, мама говорит: «Слышишь, скот Хасана мычит — голодный, непоенный. Ступай накорми!». А боязно через дорогу бежать, вдруг стрельба

начнется. «Иди, — настаивает мама, — жалко скотину». Пошел. Накормил, напоил и бегом назад. А Хасан, оказывается, в кукурузе прятался, боялся нас высунуть. Увидел меня и подумал, что я его корову и баранов хочу забрать. А потом смотрит: кормлю скотину. Ну и решил, значит, добром отплатить. И я бы на его месте так сделал.

Так вот целую зиму курсировал между Назранью и нашим селом. Приеду, протопчу в снегу к дому следы, покручусь во дворе, чтоб видели: жив хозяин, — и восвоюсь. А однажды подполковник Геннадий Егоров, комбат из Питера, предупредил меня: «Ты, Хаджибикар, калитку очень смело открываешь, неосторожно: твои недруги запросто взрывное устройство могут подложить. Недавно на самодельной мине подорвался сосед твой — Оздоев».

С тех пор стал, как разведчик, в собственный дом входить — десять раз все осматривать и проверю, пока возьмусь за калитку рукой. И думаю иной раз: наяву это происходит или бреду? А может, я в 1943 год перенесся? Но в 43-м дома ингушей не жгли ни немцы, ни русские.

Лет пять мне тогда было, пацаненок совсем, но многое из того, что видел, в памяти сохранилось. Никогда не забуду, как над селом немецкий самолет кружил. Низко-низко. Дядя Магомет, брат отца, успел настолкнуть в окоп, что во дворе на случай бомбежки и артобстрела вырыли. А немец уже прямо над нашими головами, накренился на крыло и чуть верхушку ореха не задел. Я даже лицо пилота успел разглядеть. Он смотрел на нас и смеялся. А бомбить и расстреливать из пулемета беззащитных людей не стал. Может, боеприпасы экономил для более важного дела, а может, просто пожалел. Увидел, что в окопе детишек полно, и пожалел.

Никогда не забуду доброту и человечность русского офицера из войск НКВД, который помог нашей семье в тот страшный февральский день 1944 года, когда началась депортация ингушей и чеченцев. Он пришел к нам с солдатами обыск производить. Пока бойцы рылись в нашем небогатом скарбе, старший лейтенант отозвал в сторонку маму и говорит тихонько: «Собери, мамаша, теплые вещи и возьми с собой деньги, они вам пригодятся в дороге». Мама всплеснула руками: «О, Аллах, что с нами собираются делать?». Он отвечает: «Выселить вас будут. Составы наготове. Не хочется мне вас в изгнание конвоировать. Но приказ есть приказ, ничего не попишешь».

После обыска мама бросилась в комнату за деньгами. Но под матрацем, где они лежали, было пусто. Как корова языком слизнула. Узнав об этом, офицер построил бойцов и велел им вывернуть карманы. Денег нет. «Разувайтесь!», — приказывает. Бойцы молча стянули кирзачи, и у одного солдата из-за голенища выпала пачка купюр. Старший лейтенант поднял деньги и отдал их маме. А самому стыдно за подчиненного-вора, покраснел. «Не держите на нас зла», — сказал родителям. И, чтобы загладить вину солдата, подарил кисет и флагу. Этот кисет до сих пор у нас хранится как дорогая реликвия. В память о хорошем человеке.

Ох и тяжелое тогда было время! Ингушей называли врагами советской власти, изменниками, из-за горстки негодяев на имени народа поставили позорное клеймо. И все же находилось немало людей, которые сочувствовали и помогали нам в лихую годину. Ибо

простой народ в своей массе выше жестокой, несправедливой политики. Так было раньше и так будет всегда.

С годами зарубцевались нанесенные раны. После реабилитации стала налаживаться нормальная жизнь, изменилось отношение к репрессированным народам. В армии ни разу не слышал оскорбительных слов в свой адрес по поводу выселения ингушей и всего, что с этим связано. И вообще у нас не очень-то обращали внимание на национальность. Главное — как дело знаешь, хороший ли ты товарищ. Служили в нашем подразделении русские, украинцы, татары, еврей, я — ингуш, и была у нас дружная семья, о которой всегда вспоминаю со светлым чувством, кланусь.

Где те золотые, счастливые годы? Только и осталось при нынешнем беспределе вспоминать да вздыхать о застойной эпохе. Ругали ее на все лады при перестройке, выставляют в черном цвете при нынешних разрушительных реформах. Не собираюсь те времена идеализировать, но скажите, положи руку на сердце, можете вы представить, чтобы при Брежневле или Андропове, когда Советский Союз считался могучей державой, руководство допустило кровопролитный межнациональный конфликт, оставило в селах беззащитных людей один на один с вооруженными бандитами и мародерами? То-то же! Во всем виновата сталинщина, пишут. Правильно пишут, никто не спорит. Этот крепкий узел в Пригородном районе Сталиным и Берией завязан. Если б не "отец народов", выселивший нас на чужбину, не возникло бы между ингушами и осетинами спора за территорию. А то у одних отбирали, а другим давали, вот и получилась национальная рознь. Правда, до перестройки старые обиды забываться начали. Раз определила судьба ингушам и осетинам жить по соседству, значит, надо как-то ладить, находить общий язык. И находили! В селе много смешанных браков, только в нашей округе семь-восемь. Это о чем-то говорит, верно? Ну а коль встал вопрос об окончательной ликвидации конфликтного узла, политиком надо было осторожно его распутать, а не подкупать людей голословными обещаниями, учесть интересы обеих сторон, а главное — не допустить кровопролития, грабежей, поджогов, захватов заложников. Где, спрашивается, была власть, когда в моем огороде рвались снаряды и маму контузило? когда в мой дом боевики хотели пустить "красного петуха", и только благодаря женщинам-осетинкам и Хасану семья не лишилась крова?

А ведь на этом наши злоключения не кончились. Два раза в мой дом из гранатомета стреляли (к тому времени я уже своих из Назрани привез), несмотря на то, что никому в селе зла не причинил. К счастью, стрелок нигудышний попался.

Вечером в День Победы приходит ко мне осетин Хасан, не тот, который надпись "ингуш", с ворот стирал, а другой, метров за двести от меня живет, мы с ним всегда были в хороших отношениях. И предупреждает: "Завтра ночью тебя будут взрывать. Давай я детей твоих к себе на время заберу, так будет безопаснее..". Не поверил я: "Завтра высокий гость Виктор Черномырдин прилетает, какие могут быть провокации!..". Он на колени встал: "Пусть твои дети у меня пару дней поживут. Клянусь, твой дом собирается взрывать...". — и фамилию называет. Тут стук в дверь. Открываю — Валера, капитан милиции из Тулы (меня, должен сказать, чуть

ли не каждый вечер то российские милиционеры, то офицеры внутренних войск из комендатуры навещают, спасибо им большое, заботятся о безопасности моей семьи). "О, за одним столом ингуш и осетин, — обрадовался Валера. — Замечательно! О чем толкуете, мужики?". — "Да вот, — говорю, — Хасан клянется — взорвать меня хотят..". — "Кто?". — "Не могу сказать, — прячет глаза Хасан. — И ты, Хаджибикар, не говори. Узнают, что я заложил, не жить мне..". — "Да не слушай ты его, Валера, — успокаиваю. — Какие там покушения!..". — "Нет, давай на всякий случай наряд пришлю..". А я ни в какую: "Не выгодно им сейчас диверсии устраивать, перед Главной правительством позориться..".

На следующий вечер после одиннадцати, как раз "Вести, закончились, пью чай перед сном. И вдруг... Страшный взрыв, грохот! Диван до потолка подлетел. От пыли ничего не видно. Схватил дочку на руки, гляжу, а у нее лицо посинело, из носу — кровь. Но жива, слава Богу. Уложи ее Шафат на диване... Не пережили бы мы этого горя.

Спасло то, что стена не кирпичная, а саманной кладки. Глина самортизировала, и стена не обрушилась, нас не завалило.

Минут через десять прибежал Валера-капитан. "Я же говорил, надо было наряд прислать. Никогда себе этого не прощу!". Сильно переживал.

Приехали солдаты на бэтээре, осветили прожектором сад, но бандита и след простыл. Шесть раз потом в огороде засаду устраивали, хотели поймать подлеца, думали, он еще раз придет меня взрывать, чтобы я испугался и уехал из села навсегда (таким образом всех ингушей хотят из Пригородного района выжить). Но не вернулся боевик. Пока.

Вот так и живем. В страхе! Не знаем, что ждет нас завтра, какую еще подлость недобрые люди устроят?

Часто спрашивают: надолго у вас вражда затянется? А вы как думаете, отвечаю. Разве я смогу быстро забыть, как в меня из гранатомета стреляли, как моя дочка от взрыва чуть не погибла? А дети мои... Старший сын увидит на улице соседа, который наше добро на КамАЗе вывозил, так у него кулаки сжимаются. "Вырасту, — говорит, — отомщу!".

Нет беды страшней той, что пришла на нашу землю, нет!

В старину на Кавказе обычай был: когда женщина видела, что мужчины сошлись в смертельной схватке, бросала между ними платок, и враги вкладывали кинжалы в ножны. Возродись этот обычай — и он, наверное, не помог бы нам выйти из тулика вражды. Изменились люди, нет у них больше ничего святого.

... Нет, подумал я, прощаясь с Хаджибикаром, люди остались прежними. Добрыми и злыми. Бесчестными и порядочными. Жестокими и человечными, умеющими помогать, прощать, каяться. Каких больше? Трудно сказать. Но пока среди них есть такие, как ингуш Хаджибикар и осетин Хасан, жива надежда: из маленького горчичного зернышка — вспомним слова Сына Человеческого — вырастет дерево и созреют на нем — дополним библейскую притчу — плоды мира. Обязательно созреют.

Записал
подполковник Ю. КИСЛЫЙ.

Кто такой комендант в районе чрезвычайного положения? Для местных жителей он — царь и Бог. Они убеждены, что этот военный всемогущ. Эх, если б так было в этой непонятной жизни!

ХОТЬ И НЕ ЦАРЬ, И НЕ БОГ...

Подполковнику Александру Владимировичу Тарану, моему давнему знакомому, достался очень горячий комендантский участок. Колючее слово Карца — название поселка в Промышленном районе Владикавказа — было у всех на устах во время трагических событий осени прошлого года. И до сих пор Карца не остывает, так как находится в самом эпицентре осетино-ингушских трений.

За месяц командировки на Северный Кавказ с ним я встречался не раз, но как-то все на бегу, между делом. Толком и поговорить не получалось. «А то поедем ко мне в Карцу, — предложил как-то Александр Владимирович, — посидим, потолкуем по-человечески...». В гости к коменданту я съездил. Но вот неспешного разговора у нас опять не получилось.

«Волга», — такси, закрепленная за комендатурой, подлетела к гостинице точно в назначенное время — водители привыкли к воинской дисциплине. «В комендатуру?», — спросил водитель и, получив утвердительный ответ, лихо рванул с места. По дороге заскочили на рынок за сигаретами. «Без курева — труба! — смеется комендант. — Пока самый пустяковый вопрос решишь — полпачки как не бывало...».

До Карцы еще ехать и ехать, а рабочий день коменданта уже начался, «Волга», превратилась в командно-штабную машину, и мы вместо традиционной прелюдии о том о сем — о погоде, об общих знакомых — сразу перешли на «рабочую частоту». Смотрел я на седую голову моего однокашника по академии и думал: всего-то четыре года прошло, а как здорово побелели твои виски, Саша...

Машина свернула с Черменского шоссе к Карце, разговор увял — вот и КПП на въезде в поселок. Это одна из самых горячих точек комендантского участка. Подполковник Таран пристально осматривается в набегающие бетонные блоки, пятицистные БТРы, солдат в касках и бронжилетах. Что скажут бойцы, чем обрадует начальник караула?

...Ночь прошла спокойно. Хотя и стреляли. Кто? Омоновцы видели на дороге «Жигули», одиннадцатой модели. Задержать не удалось: как только неизвестные заметили бронетранспортер — убрались восвояси. С десяти вечера и до пяти утра в Карце действует комендантский час. А с нарушителей здесь спрашивают строго.

— Что такое Карца сегодня? — говорит подполковник Таран. — 960 дворов. Из них 240 разрушены и сожжены. Четыре тысячи жителей — около трех с половиной тысяч ингушей, 115 осетин и 373 — русские, армяне, грузины,

татары... А до войны в Карце двенадцать с половиной тысяч жителей было.

В поселке много оружия, но оно в тайниках спрятано. Пьянство процветает, наркомания...

В комендатуре подполковника Тарана уже ждали посетители. Завидев его в коридоре, пошли навстречу. Взяли в окружение и, перебивая друг друга, стали говорить каждый о своем.

— Да подождите минутку, — взмолился Александр Владимирович, — дайте хоть дух с дороги перевести. Всех приму, всех выслушаю — никого не обижу.

Подполковник Таран с боем прорвался в кабинет. Там его уже поджидал капитан милиции Алексей Корешков. Коротко доложил о происшествии за истекшие сутки.

Комендант отдернул шторы. Справа вверху в стекле зияло пулевое отверстие.

— Это еще до меня было, — пояснил Александр Владимирович. — Снайпер стрелял. Вон оттуда, — и показал на развалины за окном.

Позже узнал — комендатуру еще и из гранатомета обстреливали. А из автомата уже и при нем, подполковнике Таране, и при нем же были изъяты в поселке четыре единицы огнестрельного оружия — автомат АК-74 и пистолет ПМ, два охотничьих ружья. Обнаружили восемь бутылок с зажигательной смесью. Как выяснили оперативники, они были предназначены для поджога бронетранспортера охраны и комендатуры.

Подполковник Таран налил чаю. Но чаепитие не состоялось. Зашел заместитель по работе с населением майор Сергей Михайлов:

— Там старик пришел. Просит принять.

Вошел высокий старец в бекеше. С палочкой в руке. Видно было: каждое движение дается ему с трудом. Комендант встал из-за стола. Поздоровался. Предложил гостю стул. Но старик отказался. Остался стоять и комендант.

— У меня сын похоронен за клубом. Хочу перезахоронить его на нашем родовом кладбище.

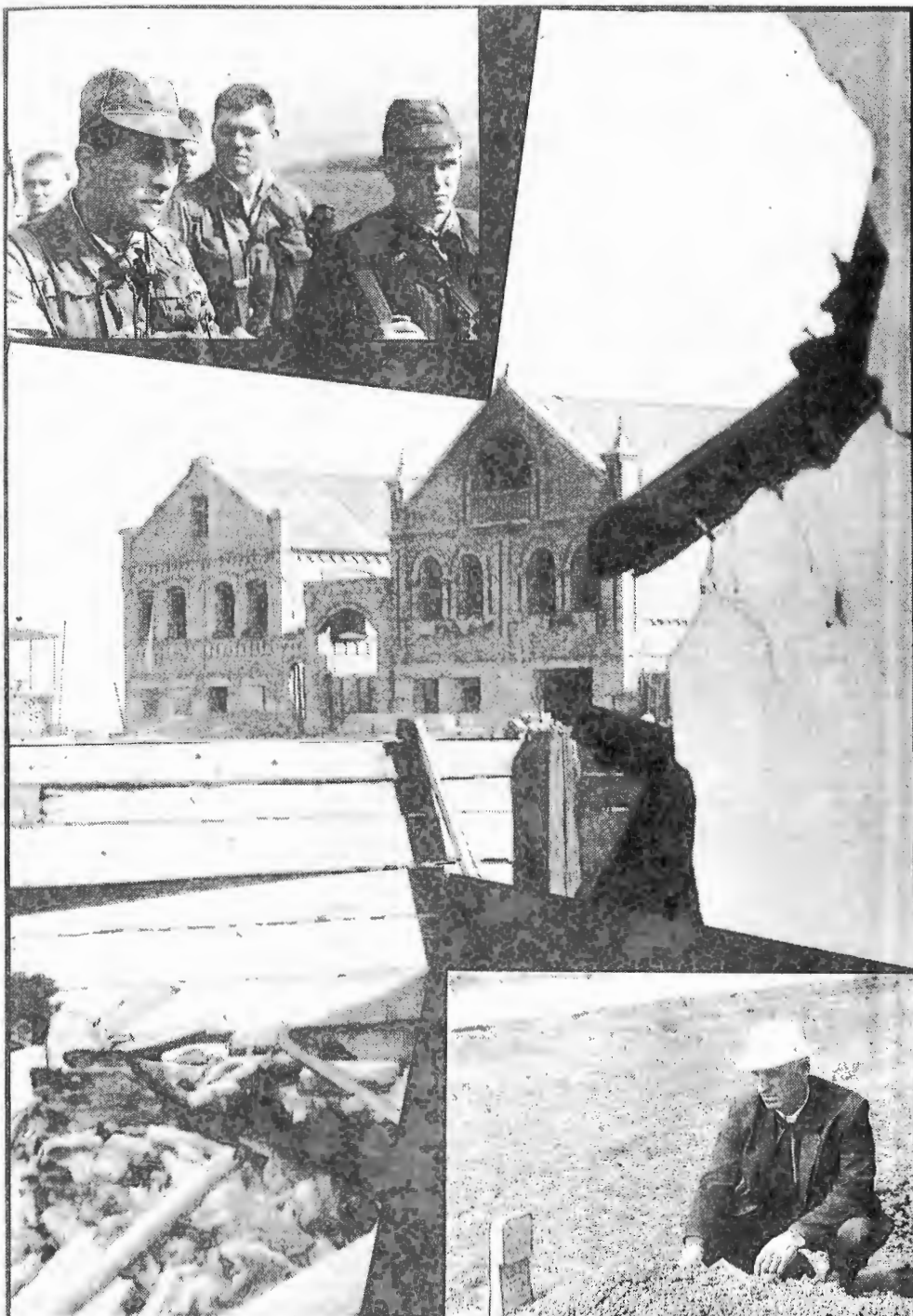
Убитого горем отца успокоили — перезахоронение состоится в ближайшее время.

Не успела закрыться дверь за старцем, появился еще один посетитель, молодой человек — его только что задержали на КПП. Ехал на машине без техпаспорта.

— Принесете документы, — принял решение комендант, — получите свою «восьмерку».

Следом вошла женщина:

— На поселковой улице нет воды. Примите меры. Мы же не можем без воды...

Разрушенные и сожженные дома, свежие могилы, на которых еще не успели поставить памятники, вооруженные посты на дорогах — это сегодняшний мрачный облик некогда цветущего поселка Карца. По всему видно — не скоро вернутся сюда улыбки, изобилие, мир. Сводки поступают одна тревожней другой: "В подвале разрушенной мечети и заброшенном доме в п.Карца Пригородного района Северной Осетии сотрудниками оперативно-следственной группы МВД России обнаружены шесть противотанковых мин ПТМ-72, граната, десять бронебойно-зажигательных патронов и взрывное устройство неустановленного образца..."

Мало жертв? Мало крови? Мало горя?

Очередной посетитель пришел не просить, а требовать: на улице Королева потоп. Вода залила подвалы. И тоже — примите меры.

Командант в ответ ни разу голос не повысил — объяснил, в чем дело. И лишь когда мы остались одни, дал волю своим чувствам:

— Хоть сам надевай резиновые сапоги и в канализацию лезь! Ведь не сегодня авария на Королева случилась — два месяца прошло. Что там аварийная служба — до министра дошел! Знает ведь он, что у людей вода в подвалах, полы гниют и нечистоты улицу заливают. Почему никто ничего толком не делает? Как же — “вражеская территория”. Узнает кто, что врагу помогаешь, — несдобровать...

Да что там Горводопровод — “скорая помощь”, в Карцу и то не едет. Тут как-то женщине плохо стало. Пришлось к “военной хитрости” прибегнуть — сказать, что заболел офицер комендантуры. Бригада “скорой”, по вызову приехала, но как узнала, в чем тут дело, — назад, в машину. Никакие уговоры, никакие призывы к совести и напоминания о врачебном долге, клятве Гиппократы не помогли. Только слово офицера — что не будет больше “ложных” вызовов — возымело действие. Налоследок медики заставили офицеров поклясться, что никто не узнает, какому военному, они помощь оказывали.

Но командант не Бог. Не может подполковник Таран заменить все коммунальные службы, медицинские учреждения, банки и соборы. И рад бы помочь людям — для него без разницы, кто они — осетины или ингуши, — да не может порою пробить бастионы ненависти, отчуждения и недоверия, со знанием дела воздвигнутые националистами обеих сторон. Как не может безучастно взирать на людские беды и горе. Если бы все зависело от него, от команданта!

— Но это все цветочки, — доверительно сообщил Александр Владимирович. — Сегодня из Назрани колонна придет. Сейчас народ валом повалит — похлеще паломничества в святую Мекку будет.

Как в воду глядел — пошел народ. Молодая ингушка со слезами на глазах умоляла команданта разрешить ехать в Назрань — полтора месяца сыну. Болен серьезно. В больницу надо.

А затем:

— У меня мать умерла, — говорит молодой человек. — Пустите на похороны...

— Пустите в Назрань. Срочно в Москву надо, в клинику Федорова. На лечение. Девяносто шесть тысяч рублей заплатили...

— Пустите в Назрань. Четверо детей там остались. Сама местная. Приехала дом проведать.

— Пустите в Назрань, — терзает командантское сердце пожилой мужчина. — В Карце машину обокрали. Приехал разобраться.

— Пустите в Назрань, — просит войти в положение подполковник в отставке, — неужели солдат солдату не поможет. Я в Назрани помощником начальника штаба гражданской обороны работаю. За пенсией приехал — полгода не получал.

А поток посетителей, похоже, и не собирался кончаться.

Дождавшийся очереди гражданин причину своего отъезда объяснил просто: соскучился по дочери. Она живет там. Он — здесь. Семьи у многих разделены. Все по родным и близким скучают. Что непонятно?

В одну из суббот отправил подполковник Таран 49 человек в Назрань. Назад вернулись только 13. Хотя должны были приехать все. Об этом стало известно начальству. Оно ни о каких уважительных причинах и слышать

не хотело. Всыпало команданту за самоуправство по первое число. Теперь же каждому, кто обращался к нему с просьбой включить в списки, подполковник Таран скрепя сердце отвечал:

— Не имею права нарушать распоряжение главы временной администрации.

Обстановка накалялась с каждой минутой. Пробившиеся в кабинет в выражениях не стеснялись, ругали почем зря и команданта, и временную администрацию, и президентов всех рангов.

Когда пришел уважаемый всеми в поселке Захри Мусиев и сделал заявление от имени всех жителей Карцы, подполковник Таран придвинул к нему телефон:

— Звоните кому хотите. Говорите как есть — командант не разрешает вам выезжать из поселка. Готов говорить с любым должностным лицом.

Обзвонили всех, вплоть до главы временной администрации генерал-полковника Ю. Шаталина. Тот выслушал представителя общественности, попросил к телефону команданта и сообщил: “Сегодня в Кисловодске работают делегации Ингушской и Северо-Осетинской республик. Ими будет согласован и порядок передвижения в зоне чрезвычайного положения. Пока же распоряжение главы временной администрации остается в силе”.

Командант положил трубку и обратился к присутствующим при разговоре:

— Вопросы есть?

К сожалению для жителей поселка, колонна в тот день не пришла. Может, бензина не было или водители не нашли (желающих прокатиться в Северную Осетию в Назрани немного), может, по другим каким причинам, не знаю. А вот командант в зоне ЧП в очередной раз оказался в положении между должным и сущим, как между молотом и наковальней.

Возьму на себя смелость утверждать: командант в районе чрезвычайного положения вычислю сразу. Хотите узнать, как? Секрета в этом нет. Особые обязанности — он и политик, и дипломат, и военный, и хозяйственник — накладывают на этих людей особый отпечаток. Они и держатся как-то по-особенному — с подчеркнутым достоинством. Говорят, взвешивая каждую фразу, каждое слово. И главная примета — вокруг них всегда люди. Идут к ним и с горем, и с радостью. У них ищут защиты. Простят помощи и поддержки.

Из офицеров, побывавших в командантской шкуре, можно смело пополнять дипломатический корпус. И они еще фору господам из внешнеполитического ведомства дадут. Хотя в МГИМО не обучались. Их выдержке, такту, долготерпению, непреходящей готовности помочь попавшим в беду людям, умению улаживать, казалось бы, безнадежные конфликты между вставшими на путь вражды и ненависти людьми могут позавидовать и дипломаты со стажем.

... По дороге на “базу”, в гостиницу, подполковник Таран вздохнул с облегчением:

— Немного осталось. Скоро домой, — а потом спросил: — Не слышал, говорят, офицеров комендантур еще на один срок оставят?

Рано или поздно вернется подполковник Таран домой, в свою часть. Хоть и не царь он, и не Бог, а все ж надеются местные жители, что пришлют им команданта и многого, и справедливого. Такого, как подполковник Таран.

Майор А. ПЕТРОВ.
Владикавказ — Москва.

ЯКОВЛЕВ Иван Кириллович (р.1918), ген. армии (1980). Чл. КПСС с 1942. В Сов. Армии с 1939. Окончил Воен. акад. бронетанк. и мех. войск (1949), Воен. акад. Генштаба (1958). Участник сов.-финл. войны 1939-40. В Вел. Отеч. войну ком-р роты, мин. б-на и истр. противотанк. д-на. После войны ком-р танк. полка, зам. ком-ра и ком-р танк. див., нач-к упр. Гл. упр. боевой подготовки Сухопутных войск, зам. команд. войсками МВО. С 1968 нач-к внутренних войск МВД СССР.

(Военный энциклопедический словарь).

ЯКОВЛЕВ.

ЭТО ШКОЛА

ПЕРВЫЙ НАБОР ПОСЛЕ ВОЙНЫ — ЭТО БЫЛИ ОРЛЫ!

Начальник курса полковник Маковский был эх и доволен — любо-дорого поглядеть на хлопцев: сплошь капитаны да майоры, у которых грудь в орденах, как в кольчуге, всем по двадцать пять-двадцать семь, вся жизнь впереди, а значит, будет порядок в танковых войсках.

Полковник медленно шел вдоль строя своих молодцов, пытливо вглядываясь в лица «новобранцев», академии бронетанковых войск, выискивая что-то крайне важное для себя и неизвестное пока для них, вернувшихся с войны.

— Полищук, Иванов, три шага вперед! — одного за другим вызвал из строя самых приметных внешне, у которых обнаружил наметки того, что высматривал глазом опытного командира.

— Яковлев, пять шагов вперед! — Десятки пар глаз рассматривали стройного майора в новенькой, с иголочки форме, сверкающих сапогах. Шесть боевых орденов на широкой груди не оставляли ни малейшего сомнения в том, что воевал он славно: три Красного Знамени, Суворова 3-й степени, Отечественной войны I степени и Красной Звезды.

Полищук, Иванов и еще восемь «орлов», стали командирами групп. Майор Иван Яковлев — заместителем начальника курса...

Скоро слушатели перезнакомились. К традиционному в армейском коллективе вопросу «Откуда родом?», в сорок шестом, первом мирном году, непременно добавляли «Где воевал?».

Тут и выяснилось, что приглянувшийся начальнику курса майор — в общем-то полутанкист, каковыми считались самоходчики. Но это вовсе не означало дискриминации со стороны лихих парней, распевающих «Броня крепка и танки наши быстры». Ивана Яковлева зауважали сразу — не прощелыга, не из «любимчиков» или «везунчиков». В войну отпахал «от», и «до», еще на финской пороку понюхал, еще на той войне был ранен. Начинал минометчиком — принимал взвод 82-миллиметровых, которые позже сменил на 122-миллиметровые. А потом и вовсе стал артиллеристом — истребителем танков. «Сорокапятаку», кто не знал на войне! Легонькие эти пушочки были в общем-то грозным оружием, если расчеты и их командиры следовали правилу — «хочешь жить, умей вертеться». Вертелись, да еще как!

Много лет спустя, уже при больших звездах, побывал он под Киевом, там, где был расположен учебный центр внутренних войск. Загорелись азартом глаза, как воспом-

нил далекий бой в здешних местах, который выиграл не только по всем правилам военного искусства, но и ввиду полного морального превосходства над врагом. Три его батареи стояли подковой, "рогами", навстречу немецким танкам. А меж "сорокапятками", еще две роты противотанковых ружей. Тут уж не просто стенка на стенку, тут в расчет шли и сметка командиров, и ловкость бойцов. Завлекли "панцерников", в подкову и давай молотить — из пятидесяти одного фашистского танка ровно треть осталась ржаветь под ноябрьскими дождями. Иван Яковлев тот бой хорошо запомнил — хоть и был ранен, но в медсанбат не ушел, с забинтованной головой по позициям мотался, подбитые вражьи машины лично сосчитал. Семнадцать! А ранение было уже четвертым.

Врага погнали всерьез, и орудия получил помощнее — 76-миллиметровые. А когда превратился он по воле командования в полутанкиста, принял 259-й отдельный истребительно-самоходный дивизион, то и вовсе всю дивизию тачил за собой — и на броне, и под прикрытием своих "сушек", — самоходок СУ-76. Шустер был Яковлев. Сколько раз врезался в противника, проходил, как нож в масло, в его тылы, докладывал о занятии высотки либо населенного пункта какого, а "сверху", слышал: "А мы не прошли, встретили сопротивление". Яковлев, чаще ходивший не по главным дорогам, а по проселочным, полевым, усмехался про себя и бросал в эфир: "Ждите — только дух переведут мои „орлы“, и мы фрицев с тылу пощекочем. Только вы уж тогда не зевайте".

Огонь и воду проходил он "в натуре": бои за Москву, Волховский болотный фронт, памятное вызволение Киева, наступательный прорыв через Вислу, Сандомирский плацдарм. Из четырех ранений третье оказалось счастливым — так заботливо лечила его во фронтовом госпитале под Ленинградом доктор Зина, что не смог он с ней расстаться, так и пошел по жизни рядом.

Случалось, взлетали на воздух после прямого попадания "сорокапятки", вместе с расчетами. Да и самоходки тоже — отнюдь не крепости на колесах: броня потоньше танковой, башней не повертишь. Так уж вышло, что в весьма уязвимых войсках оказался он неуязвимым. Раз как-то в затишье читал залетную газету в землянке, вдруг — бабах! Снаряд разорвался прямо перед открытой дверью. В руках Ивана Яковлева, любознательного читателя фронтовой прессы, остались два клочка — газету разорвало осколками.

Победу встретил севернее Берлина. В каждом доме немцы первым делом вывешивали в окна белые флаги из простыней, а потом спешили под сень храмов Божьих, страшась сурового возмездия. Славянская мягкая душа склонна к прощению даже врага своего — опять же по причине морального своего превосходства. Но на войне всяко бывало. Однажды, когда взяли пленных, расстрелял их прямо на КП один из офицеров-соседей: "За мать, за сестру!...". У него в Белоруссии немцы сожгли дом, убили всех

родных. Мстил до самого конца. Был отчаянно смел и беспощаден. Так вот гнуло-крутило на войне... Яковлев тогда горько смолчал. Сам он бил врага только в открытом бою, шел на вы.

Победители возвращались домой. Кто-то из друзей одарил Ивана шикарным французским вином, старым, коллекционным. Он же, не очень-то пьющий, но по-крестьянски практичный, сменял заморские бутылки на заморское же сукно, из которого и пошил себе щегольскую форму, достойную заместителя начальника курса прославленной военной академии. Яковлев всегда отдавал должное внешнему виду офицера...

ПРОДОЛЖАЛАСЬ ЖИЗНЬ ПО УСТАВУ

Есть упоение в бою — утверждал поэт. А в повседневной армейской жизни? Послушать Ивана Кирилловича Яковлева, когда рассказывает об учебе своей в двух академиях, о службе в танковых войсках, так нет ничего милее глазу, нежели танковая атака в дыму и султанах взрывов, нет ничего милее слуху, нежели соловьиные трели в лесистых закраинах остывшего после "боя", полигона, где раскинулись на травке вусмерть уставшие, почти оглохшие от канонады бойцы и офицеры. Есть упоение и в службе.

Он считает себя удачливым офицером и удачливым генералом. Да, судьба благоволила: выжил в двух войнах, получил прекрасное военное образование, уверенно продвигался по служебной лестнице (не перескакивая через ступеньки ее, а прочно осваивая одну за другой), снискал уважение многих выдающихся военачальников. Но это все внешняя сторона служения военного человека. А что за кадром, за фасадом армейской биографии?

Про войну говорили — там приходилось вертеться. Уже молодым лейтенантом-взводным Иван Яковлев отметил — прочувствовал — осознал: когда командир паникует, войско его превращается в сброд, толпу. Тогда неуспех, поражение, смерть, позор. Вроде азбучные истины — личный пример командира, принцип "Делай, как я!" — а ведь многие этим пренебрегали вольно или невольно. Он же ни на минуту не забывал, что в ответе не за себя одного. Воюя расчетливо-грамотно, а порою на грани отчаянного риска, он берег людей, потому что любил их. После очередного ранения непременно возвращался в свою часть, потому что патриотизм понимал в большом и малом. Слаживал поредевшие расчеты, из двух-трех разбитых пушечек собирал одну и снова шел вперед...

Не стеснялся спрашивать совета у старших. В то послевоенное время было на кого равняться: генерал армии Герой Советского Союза Иван Григорьевич Павловский, Маршал Советского Союза Филипп Иванович Голиков, генерал армии Герой Советского Союза Владимир Яковлевич Коллачки — легендарные военачальники мудро наставляли и направляли, замечая недюжинные способности Яковлева, его трудолюбие и самоотдачу.

Впервые он крепко задумался над очередным служебным предложением, когда усмотрел в новой высокой должности кабинетную работу, отрыв от личного состава. Но, попав в Главное управление боевой подготовки Сухопутных войск, в котором возглавил программно-уставное управление, понял генерал Яковлев, что творцы уставов и методических разработок могут (и должны) быть в самой гуще военного народа. Ведь расхожие истины — «Устав для воина — закон», «Живи по уставу — завоеешь честь и славу», — это не пропагандистские штучки. Когда порою он слышит сетования на беззаконие, возражает категорично: «Не о беззаконии надо говорить, законы всегда были и есть! Надо добиваться выполнения существующих законов. Для человека в погоне — это уставы».

Неустанно ездил по округам — искал лучшее, передовое, что могло способствовать совершенствованию боевой учебы войск, повышению их боеготовности. Десятки учений, сборов, занятий в военных училищах и академиях. Только для человека очень далекого от армейских реалий слово «уставник» может прозвучать пренебрежительно-одиозно. Военный же люд знает истинный смысл. Уставник — значит педантичный, порою жесткий, требовательный и непреклонный, грамотный, где-то даже заматеревший в служебном рвении, но при всем при том — по настоящему военный человек. Следует заручиться для памяти — в о е н н ы й ч е л о в е к.

Уж кто-кто, а генерал армии А. Белобородов, дважды Герой Советского Союза, в военных людях, наверное, разбирался. Именно он, Афанасий Павлантьевич, в то время командующий войсками Московского военного округа, заметил среди инспектирующих дотошного и рассудительного генерала: «Вижу, Иван Кириллович, что вы природный методист. Не согласитесь ли быть моим заместителем?». Так состоялось очередное назначение.

Столичный округ — это не только праздничные парады и показательные учения в Таманской дивизии. Армейская «напряженка», на которую всегда сетуют и в окраинных округах, здесь умножалась близостью Центра. И это вполне естественно, что именно гарнизоны МВО становились своеобразными лабораториями всего нового, что вырабатывала военная мысль, что предлагала военная наука. Здесь, в МВО, генерал Яковлев был награжден высшей наградой Родины — орденом Ленина. Таким же, какой был и на Знамени округа...

ЧТО ТАКОЕ МООП, ОН НЕ ЗНАЛ

Был месяц май. Цвела сирень. Ясное небо над головой.

Приглашают в ЦК. И предлагают высокую должность начальника... внутренних войск МООП.

— МООП? — невольно вырвалось у генерал-лейтенанта танковых войск.

— Да, Иван Кириллович, Министерства охраны общественного порядка. Слышали про такие войска?

Слышать-то он слышал эту новую невнятную аббревиатуру, но как-то не очень вдумывался в ее истинное глубинное значение. Прежнее «МВД» было понятнее, но, в общем-то, тоже малознакому генералу, без малого тридцать лет прослужившему в Советской Армии. Начал осторожно отговариваться, приводя весомые, на его взгляд, доводы: «Почему я? Я ведь в армии все ступени прошел, все на полигонах, в войсках...».

— Вот именно, в войсках. И внутренние войска должны стать войсками, — хладнокровно убеждали-утверждали в адмодделе. — Вас, Иван Кириллович, рекомендовали. Аттестовали везде положительно. Подумайте.

Все думы передумал он, в сердцах даже задавался вопросом: «Это кто ж так меня подставил?!». В ЦК беседовали два раза часа по три. Итог подвел завотделом Савинкин риторическим вопросом: «А если ЦК найдет нужным?». Так решили его дальнейшую судьбу, оставив в душе изрядную толику смятения и беспокойства.

Министр обороны Маршал Советского Союза А. А. Гречко при встрече сначала грубовато пошутил: «Ты что же это ходишь на работу наниматься, а?». Потом, видя смущение генерала, успокоил: «Надо там помочь. Если что — через годик-другой вернем».

На следующий день аудиенция у Брежнева. Поехали с Савинкиным и Щелоковым. Ровно в девять помощник сказал: «Заходите, товарищи». Генсек был радушен. Пригласил сесть. Вставил в мундштук коротенькую «Новость», прикурил от высокого пламени изящной зажигалки и спросил: «Ну как, товарищ Яковлев с желанием идет?».

— Да нет, сопровотяляется, — Савинкин умело поддержал доброжелательную-настоятельный тон беседы. — Не хочет из армии уходить.

— Товарищ Яковлев, надо идти. — Брежнев сам произнес это приговорное слово «надо», и, хоть все сомнения уже были отринуты, убежденно добавил: — Участок большой, ответственный...

Через два дня вышло постановление Совмина. Предстояла встреча с Алексеем Николаевичем Косыгиным. Генерал Яковлев, как стратег и как тактик, успел уже кое в чем сориентироваться: Председателю Совмина привез схему внутренних войск, первые свои предложения по совершенствованию структуры Главка (в котором тогда не было ни управления боевой подготовки, ни организационно-мобилизационного, ни многого другого, без чего невозможно добиться отлаженного функционирования внутренних войск, выполняющих задачи государственной важности).

Косыгин внимательно изучал разложенную на столе схему, вода по ней карандашом — Главк, дивизии, военные училища... Потом откровенно признался: «Никогда не представлял, что у нас такие серьезные и сложные внутренние войска — махина». Тут-то и сделал новый начальник войск свой первый правильно рассчитанный тактический ход —

предложил-попросил у Предсовмина шестьдесят пять единиц для укрепления Главка.

“Согласиться, — эту резолюцию с подписанием Косыгина долго и с удивлением рассматривали в министерстве: “Не может быть, чтобы прижимистый Косыгин с ходу дал „добро“ на увеличение штатов!”. Довольный Щелоков, правда, пятерых тут же себе прибрал: “Мы же, Иван Кириллович, вместе боролись...”

“Я УВИДЕЛ ВОЙСКА, ЗАБЫТЫЕ БОГОМ И НАЧАЛЬНИКАМИ,,

Это случилось в первой же командировке в Архангельскую область, в известное всем конвойникам и всем осужденным страны Ерцево. Нового начальника внутренних войск встречал здешний Хозяин — начальник Управления лесных ИТУ. Представляется тот полковник внутренней службы, оттирая на задний план войскового полковника — целого комдива. Генерала Яковлева такая бесцеремонность покорила и неприятно поразила. Дальше — больше: Хозяин и на завтрак приглашает... к себе. Яковлев возразил: “Я приехал работать в войсках, там и стану на котловое довольствие. Идем завтракать к нашим”. Полковник внутренней службы не ожидал такого поворота: “Так у нас, товарищ генерал, получше все-таки, а в полку, наверно, еще не готово...” — “Вот и посмотрим!”, — Начальник войск был непреклонен.

И в полку успели подсуетиться — завтрак был накрыт, на столе возвышались... две поллитровки. Разговор был коротким.

— А это здесь зачем?

— Так с дороги, товарищ генерал. По обычаю вроде...

— Плохой это обычай — с утра водку пить. Я себе не позволяю и вам не советую. Уберегите.

“Хорошенькая встреча, — невесело думал начальник войск, завтракая в офицерской столовой безо всякого аппетита. — Погляди, что же за войска мне достались...”

Боже ты мой! Картина, открывшаяся взору генерал-лейтенанта танковых войск, запечатлелась в его памяти на всю оставшуюся жизнь: дверь в казарму насилу открыли — так ее перекосило, на разнокалиберных койках — одеяла всех мастей, в окна вместо стекол... мешки с опилками, в умывальнике вода течет неиссякаемым родником по причине... отсутствия кранов. Что творилось в душе генерала в ту минуту, нетрудно представить. Только после осмотра расположения части он предложил начальнику УЛИТУ: “Давайте теперь ведите к себе...”

До омерзения вежливые обитатели колонии были исключительно в новеньких робах, их коврики в теплом общежитии заправлены одинаковыми одеялами, на подушках сияли белизной наволочки, в изголовьях полотенчики.

Вышли. Яковлев вначале только промолвил: “Я что-то не пойму — кто здесь кто?.. Хорошее выражение — дать разгон. Пра-

вильное выражение, меткое. Если к месту. Так вот тогда Яковлев именно дал разгон. С того разгона, может быть, и началось строительство внутренних войск, которые прежде и за войска-то порою не считали, так — вохра какая-то, полувоенная организация. Досталось всем — начиная от ротных старшин, у которых руки не из того места растут и голова о солдатах не болит, до командира дивизии, который ходит “под УИТУ да УЛИТУ..”, “У нас должно быть самолюбие,, — закончил генерал Яковлев воспитательную беседу. Он так и сказал — “у нас,, не отделяя себя от самой распоследней конвойной роты. Иметь самолюбие — еще один из его принципов...

По возвращении в Москву обо всем доложил министру, настоял на обсуждении отчаянно-бедственного положения внутренних войск страны коллегией министерства. Заседание коллегии состоялось, были приняты жесткие решения. Яковлев повел борьбу за свои войска.

Ему подчинили военные училища: убедил министра в том, что не может курировать подготовку войсковых офицеров гражданский, по сути, человек, упорно называющий часового постовым. Организационно-мобилизационная работа была в глубочайшем загоне, и он откровенно признался Щелокову: “Товарищ министр, мы же с вами сидим на вулкане!..” Тот вскинулся: “А что такое, Иван Кириллович?..” “Да ведь ни ЦК, ни Совмин даже не подозревают, что за мобилизационными планами нет ни людей, ни техники, ни других мобресурсов... В этом государственной важности вопросе члены коллегии целиком и полностью положились на истинно военного — генерала Яковлева и обеспечили свои участки, что называется, засучив рукава.

Ни дня он не страдал ностальгией по службе в танковых войсках, хотя какое-то время звание его так и именовалось — “генерал-лейтенант танковых войск”. Он поставил цель — привести и внутренние войска к нормальной бое, об этом и заявил в первом же нелюбимом разговоре на коллегии. Она так и называется потому, что предполагает коллегиальность в решении всех проблем компетентными коллегами. Яковлев дал понять, что будет добиваться для войск не только равноправия среди прочих главков, но в чем-то и приоритетов.

Требовал порядка и организованности в работе подчиненных, а кое-кто расценил жесткий стиль руководства как “закручивание гаек”. В министерство настроили анонимку: “в войска пришел деспот”. Настроил какой-то недоброжелатель, который наверняка что-то недопонимал, в чем-то сам недоработывал. Яковлев однажды в открытую предложил высказать свои претензии этому “недо,, перед всеми офицерами главка. Зал молчал.

Войска признали в ЦК, Минобороны, в Главной военной прокуратуре. Хотя последнее ведомство и предрекало скачок преступности — внутренние войска, дескать, своей “негатив,, замалчивали, а теперь все выле-

зет. Яковлев парировал: "Да вы поприсутствуйте у нас на сборах, на подведении итогов.. Военный прокурор приглашение принял и позже признался, что такого делового подхода, такой ответственности и принципиальности не встречал ни в одном из военных округов.

Военный совет внутренних войск, созданный генералом Яковлевым, был именно советом — он и правил войсками, и правил войска. В войсках известен анекдот про офицера из Курска, вызванного якобы для доклада на Военном совете после какого-то происшествия. Так вот, утверждает молва, встречает этого майора суровый и бранчливый генерал и спрашивает:

— Кто таков?

— Майор такой-то, — отвечает оробевший офицер. — Из Курска. На Военный совет вызвали. Слушать меня там будут.

— Экий курский соловей нашелся, — рассмеялся генерал. — Военный совет тебе не филармония, не слушать тебя там будут, а драть как сидорову козу, понял?

Анекдоты на "генеральскую, тему завсегда служивых веселили, даже в самую лихую военную пору. Да и появляются они, надо полагать, не на пустом месте. Но, посмеявшись беззлобно над незатейливым диалогом, продолжим тему Военного совета в серьезном ключе, обратившись к воспоминаниям вполне конкретного командира вполне конкретного конвойного полка тоже из недалекой от Москвы провинции.

В том полку случилось пренебрежительное ЧП — трое солдат совершили нападение на часового и, завладев оружием, скрылись. Преступников искали несколько суток: небо над областью барражировали вертолеты, поисковые группы на бронетранспортерах колесили по дорогам, были выставлены временные розыскные посты, словом, несколько суток кряду войска не смыкали глаз. Наконец беглецов изловили, отдали под суд. Пришло время отвечать и для командира полка. Вызвали на Военный совет.

Но надо заметить, что командир полка, кстаи, фронтовик, кроме готовности получить "крепкий втык", обладал еще и тем самым самолюбием, к которому призывал офицеров начальник войска. Когда настал его черед рассказать, "как дошел он до жизни такой, что у него такие картинки в полку стали возможны", полковник четко и внятно доложил, что намерен полк своей вывести в отличные, но вышестоящие начальники в этом ему мешают. Попросили говорить конкретно. Офицер и доложил, сколько солдат ему прислали "на перевоспитание", из московских соединений за последнее время. В том длинном списке значились и трое совершивших преступление (один из них до призыва во внутренние войска был даже судим!). Выходило, что командир части выполнял приказание "сверху", а полк вместо отличного превращался в штрафной. Тучи, сгустившиеся было над головой командира полка из провинции, обрушились градом на генералов-москвичей. По справедливости получилась. Начальник войска разобрался.

Год, наверное, спустя, те же генералы приехали в полк — вручать части переходящее Знамя, а командиру — орден...

ЗА ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ ВЫРАСТАЕТ СОЛДАТ

*"Генерал стоит над нами,
Оробеть при нем не грех —
Он не только что чинами,
Боевыми орденами,
Он годами старше всех" —*

так рассуждал Василий Теркин, а ему, калачу тертому, в сметке не откажешь. Но находились и такие, кто если и робел перед начальником войска, то вовсе не из-за скромности и стеснительности характера, а в испуге держать ответ за бездеятельность. Старались изворачиваться, втирать очки. С мудрейшим Иваном Кирилловичем шутки эти не проходили.

В одной из конвойных частей на Урале спрашивает он как-то у начальника физической подготовки и спорта: "Сколько километров на лыжах прошли солдаты?..". "Доложу через два часа..", — пообещал тот, не моргнув глазом, и представил ведомость, в которой против каждой фамилии свежими чернилами было проставлено — "50 км, 50 км, 50 км...". "И что ж, никто 55 километров не осилил?..", — "Никак нет, у всех поровну..". "Липу, разоблачить было делом нехитрым — начальник войска ведь не только с командованием привык работать, не только в кабинетах сидеть. В любой командировке он обязательно и в караул придет, и на стрельбище съездит. Вот и в тот раз не забыл спросить у солдат, как часто их на лыжню выводили. Оказалось — ни разу! А кое-где и лыж-то не было!

Снова был дан разгон: любителю "липовых" лыж — взыскание, а для тех, кто добросовестно, с пользой для военного дела прошел 200 км, учредили памятный жетон. Многие до сих пор хранят как память о службе скромную, но заслуженную медаль с силуэтом лыжника и надписью: "200 километров на лыжах. ВВ МВД СССР..".

Восемнадцать лет — призывной возраст. Именно за такой срок вызревает в юноше солдат. Столько же простоял бессменно у руля внутренних войска генерал армии Яковлев. Причем ни одного года никак не назовешь застойным. Просто, не может быть застоя в дремлющих войсках, сутки напролет, неделю за неделей, месяц за месяцем выполняющих боевую службу, на боевых постах, с боевым оружием.

Возьмемся перечислить все новшества, инициативы, мероприятия внутренних войска "эпохи Яковлева", — длинный получится список, причем каждый ветеран, генерал или прапорщик, каждый специалист, инженер или медик непременно вспомнит что-то по своей "кафедре"..

Военные училища, перейдя "под войсковое крыло..", стали высшими, открылись новые вузы. Мощное развитие получили инженерно-технические средства, стали созда-

ваться информационно-вычислительные центры. Войска обрели свои авиацию и флот. Открывались новые госпитали, дома отдыха и турбазы. Появились Центральный музей внутренних войск и Ансамбль песни и пляски. Стали проводиться семинары войсковых литераторов. Одна за другой выходили книги о трудной и почетной службе. Иван Кириллович при первой своей беседе в ЦК услышал от одного «мудрого» аппаратчика совет: «Чем меньше будут знать о ваших войсках — тем лучше». «Лучше для кого? — подумалось тогда ему. — Нет, пусть военные и государственные тайны остаются тайнами, а вот о людях наших, о героях, об истории войск надо непременно рассказывать, иначе воспитание на славных традициях — пустой звук».

Не секрет, кое-кто поговаривал, что внутренние войска «выбивают» для себя то одно, то другое благодаря зятю «пятижды героя». А еще, мол, сам министр Щелоков весьма благоволил к Яковлеву — опять из-за связывающего их генсековского зятя.

Не стоит перепевать дразги и сплетни, но точки над «i», поставить следует, хотя иных уж нет, а те далеке... Хотите, читатель, знать собственную изустную оценку генерала армии Яковлева? Пожалуйста: «Щелоков был самый организованный, самый напористый, самый сильный и самый доступный министр... Он доверял мне. Что касается его трагического и позорного конца, то мне кажется, что в случившемся виноваты были больше его жена и дети...».

А оценка бывшему генерал-полковнику из зятяев была короткой: «Пустое место». Выше уже отмечалось — Иван Кириллович разбирается в людях.

Крестьянский сын, он начал свою ратную стезю в Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до генеральских высоких чинов вырос в Советской. В его званиях и наградах — кровь воина и пот труженика. Был делегатом многих партийных съездов, депутатом Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Сегодня, итога то, что прожил, он не отрекнется ни от одного своего дня. На суетящихся смотрит с презрением, ввиду явного морального превосходства. Тяжелее фронтных ран — боль за Россию...

ЖАРКОЕ ЛЕТО И ХОЛОДНАЯ ОСЕНЬ 86-ГО

«Слепой захват», случился в сентябре. Трагические события в Уфимском аэропорту бросили на внутренние войска пятно, смьть которое вряд ли удастся, поскольку погибли невинные люди. Да он и не собирався оправдываться на коллегии МВД, куда скоропалительно вызвали для отыскания «крайних».

Власова знал давно, еще в бытность того вторым секретарем Якутского обкома КПСС. Новый министр внутренних дел, когда представляли его при назначении, казалось, был рад встретить генерала армии Яковлева в числе ближайших своих соратников. Даже

особо подчеркнул тогда, улыбаясь: «Ну, с Иваном Кирилловичем мы знакомы с незапамятных времен!».

Теперь же холодно сверкнул очками: «Почему не выехали в Уфу?». Неужели не знал, что начальник внутренних войск лечился в санатории после командировки в Чернобыль, где с первых дней после аварии войска были в жарком атомном котле? Разве мало было для расследования происшествия, каким бы тяжелым оно ни было, заместителя министра плюс начальника штаба внутренних войск? Оказалось — мало. Посыпались упреки в адрес начальника войск.

Один из новых замов министра брякнул формулировочку: «Ваши внутренние войска — это государство в государстве». Генерал армии, не привыкший быть «мальчиком для битья», парировал бестактность с достоинством: «Вы ведь в министерстве без году неделя, а я на благо этого государства восемнадцать лет тружусь. В войсках много проблем всегда было. Они есть и будут. Мы их видим. Кстати, в Красноярском крае, откуда вы прибыли, войскам очень требовалась помощь. Никак не дождемся».

На Яковлева навалились — наступало поколение перестройщиков...

Он продолжил службу в группе генеральных инспекторов, где его хорошо знали маршалы Куликов, Огарков, Ахромеев. Человек грамотный, заметно проявивший себя во многих военных ипостасях, он до недавнего времени трудился над разработкой важнейших документов, был председателем выпускных государственных комиссий в военных училищах и академиях. Заслужил еще один орден — «За Службу Родине в Вооруженных Силах СССР», III степени.

Во внутренних войсках нередко говорят с почтением и благодарностью: «При Яковлеве войска стали войсками». Именно на внутренних войсках заслужил он второй орден Ленина. Нынешних войсковых генералов он помнит еще комбатами, которым предрекал хороший шаг. С ним и сегодня советуются его воспитанники в генеральских погонах, в самых высоких должностях. Его школа.

Как в космонавтике сложилась школа Королева, в самолетостроении — школа Туполева, в футболе — школа Бескова, в хоккее — Тарасова, в педагогике — Сухомлинского, так и во внутренних войсках говорят о школе Яковлева.

А это означает для прошедших ее достойно высокую надежность государственных людей в военной форме. Это — закалка на годы. За нее Ивану Кирилловичу — сыновняя благодарность. И слова, что дороже всяких наград: «Здравия желаем, товарищ генерал армии!».

Полковник Б. КАРПОВ.
Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда этот номер журнала вышел из печати, генерал армии Иван Кириллович Яковлев отметил свое 75-летие. Редакция присоединяется к многочисленным поздравлениям и желает ему доброго здоровья.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО, ЧЕМ НИКОГДА

Продолжаем разговор, начатый майором М. Кибакиным в статье "Замполит умер... Да здравствует „замполуд“?" (На боевом посту, 1992, № 11-12)

ПОЧТИ ДВА ГОДА прошло с тех пор, как на месте приказавших долго жить военно-политических органов созданы службы по работе с личным составом. Какие перемены произошли за это время? Каждый непредвзято настроенный офицер-воспитатель положит руку на сердце скажет: заметно обмелела бумажная река, в которой раньше с головой тонули политрабтники, меньше стало формализма и заорганизованности, поубавилась тяга к показухе, появилось больше простора для самостоятельности, инициативы, творчества. Это, безусловно, гигантский плюс. И можно было бы вполне резонно заявить тем, кто преобразования в системе политорганов считает чуть ли не вселенской катастрофой: "Не пора ли, уважаемые коллеги, излечиться от ностальгии по „старым добрым временам“?" — если б не минусы, бросающиеся в глаза даже неопытному выпускнику училища.

К сожалению, в ходе реформ, казалось бы, ставивших целью раскрепостить зашоренного идеологическими догмами замполита, поднять на новый уровень воспитательный процесс, остановился механизм (вот парадокс-то!), регулировавший ранее работу с военнослужащими на всех должностных уровнях. Ежели раньше каждому офицеру и прапорщику, имевшему подчиненных, вменялось в обязанность и в индивидуальном, и в массовом порядке "заботиться о запросах и нуждах", "влиять на умы и сердца", и ответственность за выполнение служебного долга на этом исключительно важном участке он нес как по административной, так и по партийной линии, то теперь ношу сию делают одни специалисты по личному составу. Случилось невероятное: работа с людьми, считавшаяся одним из главных слагаемых жизнеспособности армии, возведенная уставом в ранг непреложного требования, стала уделом узкого круга лиц, основная масса командиров и начальников, по-моему, относится к ней с некоторой прохладцей.

Знаю: услышав в свой адрес такое обвинение, многие из них почувствуют себя оскорбленными до глубины души. А ежеднев-

ные инструктажи и совещания, с жаром возражают мне оппоненты, а поощрения достойных и наказания нерадивых — разве это не работа с личным составом? Так-то оно так, да вот только с какого боку. Следуя "инструктивно-совещательной", логике, и обращение государственного деятеля к согражданам с газетной полосы или телеэкрана можно классифицировать как воспитательную работу с населением...

Доходит ли слово начальника до сознания подчиненного (и что это за слово?), воздействует ли положительно, существует ли обратная связь, как обстоит дело с личной примерностью старших во взаимоотношениях с младшими, какова степень близости офицеров и солдат? Лишь ответив на эти и многие другие не менее важные вопросы, составляющие азбуку военной педагогики, можно сказать, насколько субъективные представления руководителя о работе с личным составом соответствуют ее истинному смыслу.

В общем, одно дело пятиминутная накачка на повышенных тонах или нудная нотация перед строем с декларированием прописных истин, и совсем другое — влияние на конкретного человека с его достоинствами и недостатками, радостями и горестями, видение не серой массы, управляемой командой и приказами, а товарищества личностей — уникальных и неповторимых.

И если глубоко и беспристрастно проанализировать причины захлестнувшего ряд воинских коллективов члэпшного вала, то в первую очередь, наряду с объективными факторами, обнаружим вакуум в работе с личным составом.

Ведь что получается? Большинство служб решают ныне свои специфические задачи, не придавая никакого значения тому, что все приказы и распоряжения, спускаемые вниз, выполняют люди. А последствия? Пока, к примеру, отделение боевой подготовки будет петься лишь о высоких результатах огневой, строевой, физической выучки, оперативное — о надежности охраны объектов, тыл — о питании, тепле, вещевом снабжении,

забывая, что оценки, показатели, нормы довольствия — очеловечены, а не абстрактны, что одно становится реальностью, материализуется благодаря личному составу, а другое — призвано служить удовлетворению его интересов, запросов и нужд, — оценочно-показательная кривая в сфере службы, учебы, обеспеченности военнослужащих всеми видами довольствия будет неуклонно ползти вниз.

К сему необходимо добавить: времена пошли смутные, трудные. Заканчивая день, порой не знаешь, что ждет тебя завтра. И многие офицеры сосредоточивают все силы и энергию на разрешении личных (жилищных, финансовых и прочих) проблем, служба — побоку. А в результате страдают и доверенное дело, и подчиненные люди.

Не случайно сверху летит поток тревожных документов: командование войск не на шутку озабочено состоянием работы с личным составом — той самой, что именовалась в «застойные» времена идеологической, политико-воспитательной, — ставит задачу заполнить духовные провалы в солдатских душах, зарядить офицеров на тесный контакт с подчиненными.

САКРАМЕНТАЛЬНЫЙ вопрос: что делать? Ни в коем случае не ратая за возврат к старому, тотальную идеологизацию и политизацию армейской жизни, считаю необходимым возродить требование: работой с людьми заниматься всем миром — и командирам, и штабным офицерам, и техническим специалистам, и тыловикам, и, естественно, «замполюдам» (умение заботиться о подчиненных, воспитывать их, спрашивать с них должно стать одним из главных критериев профессиональной компетентности руководителя). Это во-первых, надо запустить давно заглохший механизм управления социально-воспитательным процессом в части и подразделении. А для этого — поставить в более приоритетное — моральное, материальное, юридическое — положение и управленческие звенья, специально занимающиеся личным составом, и фигуру офицера-воспитателя, вчерашнего замполита.

Общезвестный факт: до 1982 года политотделы и партполитаппараты частей насчитывали до десятка человек. На их нужды выделялись весьма щедрые по тем временам материальные и финансовые средства. Сейчас в отделении по работе с личным составом остались... три штатные единицы. Учитывая отпуски, болезни, учебу и прочее, делами занимается один, в лучшем случае — два офицера. До живого ли тут общения с людьми — основы основ деятельности воспитателя, — если даже техническую, рутинную работу зачастую не успеваешь перелопатить.

И это в то время, когда с молодым пополнением хлопот полон рот: повышенного вни-

мания требует к себе нынешний солдат — слабо закален, привередлив, а подчас и развращен «элементами сладкой жизни». Когда призывы новобранцев из мест дислокации частей ставят на повестку дня вопрос о тесном взаимодействии — в наших же интересах — с родителями юношей, производственными коллективами, где они трудились. Когда нет отбоя от журналистов, которым не терпится резануть неприглядную правду-матку (увы, не всегда правду) о солдатском житье-бытье.

Вот и разрывается на части «замполюд». Хватается нерядко за десять дел сразу и, естественно, ни одного не может толком довести до конца.

Видимо, настала пора пересмотреть численный состав столь нужных войскам «человековедческих», служб, их нормативную базу, позаботиться о целевом материально-техническом и финансовом обеспечении. Тогда можно будет смело сказать: «Да здравствует «замполюд»!» И спросить с него за то, как организовано вовлечение всех офицеров подразделения, части в работу с личным составом.

Знаю: мои суждения далеко не бесспорны. И, уверен, вызовут неоднозначную реакцию у различных категорий командиров и начальников. Вряд ли поддержит меня тот, кто привык работать по принципу «подписано — и с плеч долой», десятой дорогой обходит казарму, как черт ладана страшится контроля над взаимоотношениями «верхов» и «низов». Не надеюсь найти понимания у сторонников жесткой профессиональной специализации (одному — с людьми, другому — с бумагами, третьему — с оружием и техникой). Однако есть немало офицеров на различных командно-штабных должностях, которым порядком надоело затишье на бывшем идеологическом фронте, которые рвутся из кабинетов и канцелярий в массы. Им близки, понятны проблемы и беды нашего брата «замполюда». На них — главная надежда в деле возрождения общественно-воспитательной работы.

Майор А. АСТАПЧУК.

Наш адрес:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд, 8.

МЕНЯ ВЕРНУЛИ К ЖИЗНИ

Уважаемая редакция! Пишет вам бывший солдат, сравнительно недавно покинувший армейский строй — в 1988 году. После службы вернулся в Донбасс, стал трудиться в шахте. Жизнь, казалось, наладилась. И надо же было такому случиться: автомобильная катастрофа, тяжелая травма ноги.

Все последующие годы в основном прошли для меня в больничных палатах: бесконечные обследования, консультации лучших специалистов и... почти два десятка операций. Но болезнь не отступала. В конце концов даже встал вопрос об ампутации ноги.

И когда казалось, что все потеряно, мне повезло. Попал на лечение в госпиталь внутренних войск в городе Сыктывкаре. Военные медики не обнадуживали, не утешали — они честно и профессионально делали свое дело. Через два месяца я ходил без костылей, а еще через четыре можно было говорить об окончательном выздоровлении. В этом заслуга моих спасителей: начальника госпиталя М. Судникова, начальника медчасти О. Матушкина, начальника хирургического отделения А. Ужакина, хирургов В. Ляпина и С. Каштанова, всего медицинского персонала.

...Вскоре я покину стены госпиталя. Огромную благодарность военным медикам не выразить словами. Низкий поклон им. Они вернули меня к жизни.

Александр ОРЛОВ.

В ОДИНОЧКУ МНЕ НЕ СПРАВИТЬСЯ С БЕДОЙ

Уважаемая редакция, долго не решался обратиться к вам, да недуг, все усугубляющийся, заставил поторопиться и взяться за это трудное для меня письмо.

Я прошу помощи! В одиночку мне не справиться с бедой.

Почему пишу вам? Да потому, что многие годы был постоянным вашим читателем и сейчас, находясь в запасе, остаюсь верен журналу "На боевом посту", внутренним войскам, в которых прослужил более двадцати лет до выхода на пенсию.

А теперь что, собственно, заставило бить в колокола? Во время службы приходилось выполнять различные обязанности в самых разных местах. В том числе участвовал в охране объектов с повышенной радиационной обстановкой. Видимо, последнее обстоятельство и повлияло на мое здоровье. В результате пришлось делать

две труднейшие операции: в 1971 году мне удалили щитовидную внутреннюю узловую железу, а затем по этому же поводу "резали" в 1982 году. Увы, лечение и даже хирургическое вмешательство не избавили от недуга. Не помогли ни бабушки-знахарки, ни известные народные целители... Врачи, куда бы я ни обращался в России, разводят руками, дескать, надо делать очередную очень сложную операцию, и желательно за рубежом. Но для этого нужны большие суммы денег, которых у меня, военного пенсионера, нет, и добыть их семье нет никаких возможностей. Вот почему я обращаюсь через журнал к бывшим сослуживцам, кто помнит меня, ко всем военнослужащим внутренних войск, ко всем добрым и милосердным людям с просьбой поддержать меня в критической ситуации. Как говорится, с миру по нитке...

Заранее благодарен тем, кто откликнется на крик моей души.

Я бы, поверьте, никогда не пошел на такой шаг, но иного выхода просто не вижу.

Мои координаты: 433510, Ульяновская область, г. Димитровград, улица Королева, 9, квартира 17, Шашкину Анатолию Михайловичу. Димитровградский сберегательный банк 4272/044, расчетный счет 17860.

СПРАШИВАЛИ — ОТВЕЧАЕМ

За довольно непродолжительное время принято немало законов Российской Федерации, нормативных актов, имеющих основополагающее значение для жизни и деятельности внутренних войск, социальной защищенности военнослужащих. Основные из них, безусловно, — Законы Российской Федерации "О статусе военнослужащих" и "О внутренних войсках Министерства внутренних дел".

Для очень большого числа военнослужащих сверхсрочной службы, прапорщиков буквально поворотным в их военной судьбе стало решение о передаче функций контролерского состава по надзору за осужденными в ведение руководителей исправительно-трудовых учреждений.

Поэтому вполне закономерно, что в редакционной почте много вопросов, касающихся именно этих проблем: выплата денежного содержания, правильность произведенных расчетов, правомерность увольнения по сокращению штатов и других.

На некоторые мы попросили ответить офицера финансового отдела Главного управления МВД Российской Федерации майора МАСЛЕННИКОВА Анатолия Васильевича.

Прапорщик Т. КАМЫШАНОВА пожаловалась в редакцию на то, что при переводе из воинской части в подчинение администрации колонии ей не сделан перерасчет единовременного денежного вознаграждения.

Во исполнение постановления правительства России "О первоочередных мерах по реализации Закона „О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации“ Министерством внутренних дел принято решение произвести доплату единовременного денежного вознаграждения за поддержание высокой боевой готовности войск за 1992 год бывшему личному составу контролерской службы, откомандированному в органы внутренних дел.

Доплату произвести в первом квартале 1993 года в тех воинских частях, в которых они проходили службу до откомандирования, из расчета окладов по должности, которую те занимали, и воинскому званию, увеличенных с 1 января 1993 года.

Прапорщик А. ГАДЖИМУРАДОВ обратился с вопросом, как исчисляется срок службы в качестве прапорщика, если в ней был перерыв (уволен с прежнего места службы по сокращению штатов).

В выслугу лет прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы для выплаты процентной надбавки засчитываются в календарном порядке периоды службы (за вычетом перерывов) на должностях прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы в воинских частях МВД России, в Советской Армии и Военно-Морском Флоте, пограничных, железнодорожных войсках и других воинских формированиях, как бывшего СССР, так и стран СНГ.

При этом прапорщикам, мичманам и военнослужащим сверхсрочной службы, определенным на действительную военную службу из запаса, выслуга лет исчисляется со дня убытия в воинскую часть, указанного в предписании военного комиссариата с зачетом прежней службы в качестве прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы.

Жена военнослужащего З. КОНДРАТЮК рассказывает, что с ее мужем — прапорщиком — при переводе из воинской части в распоряжение администрации ИТК не произвели расчеты, мотивируя тем, что колония задолжала части значительную сумму.

Действия должностных лиц в данном случае абсолютно противозаконны. На основании требований положения о денежном довольствии военнослужащих МВД России военнослужащим, откомандированным в установленном порядке в органы МВД, другие министерства и ведомства, денежное довольствие выплачивается воинской частью по день откомандирования включительно и за время пути следования, не ранее как за три дня до убытия к новому месту службы.

Жалобы и заявления военнослужащих о неудовлетворении их денежным довольствием разрешаются в порядке, установленном временным Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации (гл. 5, ст. 118).

Бывшие военнослужащие В. КАРНАЗЕЕВА, Л. АЛАХИРЕВА, В. КОСОРУКОВА и другие, уволенные по сокращению штатов, интересуются, какие льготы им положены, а также начисляется ли единовременное денежное вознаграждение за выслугу лет в качестве прапорщика, если не выработан полный календарный год.

Согласно Закону "О статусе военнослужащих", введенному в действие с 1 января 1993 года (ст. 22, п. 3), военнослужащим, уволенным с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями, выплачивается единовременное пособие при общей продолжительности военной службы:

менее 10 лет — в размере 5 окладов денежного содержания;

от 10 до 15 лет — в размере 10 окладов денежного содержания;

свыше 20 лет — в размере 20 окладов денежного содержания.

Военнослужащим, награжденным в период прохождения военной службы государственным орденом (орденами), размер единовременного пособия увеличивается на два оклада денежного содержания.

Согласно Положению о денежном довольствии военнослужащих МВД единовременное денежное вознаграждение за непрерывную военную службу не выплачивается прапорщикам, мичманам и военнослужащим сверхсрочной службы, не выслужившим ко дню увольнения с военной службы установленных сроков.

Старший прапорщик запаса В. ЕГОРОВ интересуется, имеет ли он право на единовременное денежное вознаграждение в размере двух должностных окладов, если уволен с военной службы 30 ноября прошлого года.

В данном случае в соответствии с Указом Президента СССР от 6 ноября 1991 года "О материальном стимулировании некоторых категорий военнослужащих Вооруженных Сил СССР", с 1 января 1992 года выплачивается лицам офицерского состава, прапорщикам, мичманам, военнослужащим сверхсрочной службы и военнослужащим-женщинам единовременное денежное вознаграждение за поддержание высокой боевой готовности войск, добросовестное выполнение служебных обязанностей и безупречную дисциплину в размере двух окладов денежного содержания в год.

Заведующие библиотеками воинских частей Г. ОДИНЦОВА И В. АТАДЖАНОВА интересуются, как им должна начисляться заработная плата, исходя из расценок, установленных Единой тарифной сеткой.

Согласно распоряжению Главного управления командующего внутренними войсками от 26 марта 1993 года, заведующим библиотеками воинских частей следует установить 11 (одиннадцатый) разряд Единой тарифной сетки, как работникам, не отнесенным по оплате труда к группе руководящих работников.

К 50-летию победы советских войск на Курской дуге

"Уважаемая редакция! В этом году исполняется 50 лет победы советских войск на Курской дуге и освобождения нашего города от немецко-фашистских захватчиков. Мне как учителю истории известно, что в этом сражении принимала участие 70-я армия, укомплектованная в основном военнослужащими пограничных и внутренних войск. Личный состав этой армии, находясь на одном из главных направлений удара гитлеровских полчищ, проявил несокрушимую стойкость, высокое мужество и героизм, что способствовало разгрому врага. Не могли бы вы один из публикуемых материалов посвятить исторической битве на Курской дуге и участию в ней воинов внутренних войск? Об этом, к сожалению, сегодня так мало пишут.

Татьяна БАСКАКОВА, г. Белгород".

ФАКЕЛ РОССИЙСКОГО СОЛДАТА

14 октября 1942 года Государственный комитет обороны поручил НКВД в сжатые сроки сформировать из военнослужащих пограничных и внутренних войск Отдельную армию. Командующим был назначен генерал-майор Г. Ф. Тарасов. Его заместителем стал бывший начальник войск НКВД по охране тыла Карельского фронта генерал-майор А. Я. Киселев, начальником штаба — генерал-майор В. М. Шаралов, возглавлявший до этого конвойные войска НКВД. Многие командиры соединений, частей и подразделений были также из внутренних войск.

О том, как формировалась армия, рассказывает председатель совета ветеранов 175-й Уральско-Ковельской Краснознаменной, ордена Кутузова 2-й степени стрелковой дивизии (создавалось это соединение под Свердловском в небольшом городке Ревда и первоначально называлось — Уральская стрелковая дивизия войск НКВД) полковник в отставке Ю. С. Улитин.

— В 1942 году я находился в войсках НКВД по охране тыла Карельского фронта. В звании старшего лейтенанта командовал стрелковой ротой. Как и все мои боевые товарищи, рвался на передовую. Однажды меня вызвали в штаб полка и вручили предписание срочно убыть в Свердловск к месту формирования Отдельной армии войск НКВД.

В столицу Урала командировались поодиночке и небольшими группами. Кто прибывал из оперативных, конвойных, железнодорожных частей, а кто прямо из госпиталей. Например, в нашей дивизии было более 2500 человек, уже побывавших на фронте и получивших ранения в боях.

Кроме Уральского соединения в состав армии вошли Сталинградская, Забайкальская, Сибирская, Среднеазиатская, Дальневосточная дивизии войск НКВД и части армейского подчинения. При формировании особое внимание уделялось отбору в минометные, противотанковые, пулеметные, снай-

перские и разведывательные подразделения. В них назначались в первую очередь добровольцы, отважные и смелые бойцы. В армейском снайперском батальоне 174 человека уже принимали участие в боях и имели на своем счету уничтоженных фашистов.

Времени для сколачивания взводов, рот, батальонов отводилось мало, а ведь нужно было еще подготовить специалистов (связистов, саперов, водителей), овладеть групповым оружием (пушками, минометами, противотанковыми ружьями), с которым большинство военнослужащих пограничных и внутренних войск ранее не было знакомо). Но тем не менее в январе 1943 года армия была в основном сформирована и готова к выступлению на фронт, о чем командарм доложил заместителю наркома внутренних дел СССР в докладной записке от 27 января 1943 г. А через 17 дней нам объявили приказ наркома внутренних дел страны. Текст его был краток и лаконичен:

"1. Сформированную по приказу НКВД СССР от 26 октября 1942 г. Отдельную армию войск НКВД шестидивизионного состава в соответствии с решением Ставки Верховного Главнокомандования считать переданной в состав войск Красной Армии с 11 февраля 1943 г.

2. Личный состав, вооружение, автотранспорт, лошадей, обозно-вещевое и другое имущество, находящееся в армии, из войск НКВД исключить".

Армия вошла в состав войск Центрального фронта и получила наименование 70-й общевойсковой. Командующим армией вместо ушедшего генерала Г. Ф. Тарасова был назначен генерал-лейтенант И. В. Галанин.

НЕОБХОДИМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

В начале февраля 1943 года войска Воронежского фронта освободили Курск и, отбросив противника далеко на запад, глубоко

вклинились в его оборону. Образовался громадный выступ (так называемая Орловско-Курская дуга), весьма беспокоивший и раздражавший гитлеровское командование.

Для того, чтобы улучшить свое внутривойсковое положение, пошатнувшееся из-за поражения под Сталинградом, предотвратить распад фашистского блока и вновь овладеть стратегической инициативой, гитлеровской Германии нужна была грандиозная победа на Восточном фронте. 10 мая 1943 г. на совещании в имперской канцелярии, посвященном плану проведения летней кампании, начальник штаба верховного главнокомандования вермахта фельдмаршал Кейтель заявил: "Мы должны наступать из политических соображений". Для этого и была разработана крупная наступательная операция под кодовым названием "Цитадель". Ее целью являлось окружение и уничтожение советских войск Центрального и Воронежского фронтов путем нанесения концентрических ударов с севера и юга по основанию Курского выступа.

В совершенно секретной директиве о проведении операции на Восточном фронте Гитлер со свойственной ему истеричностью провозгласил: "Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление "Цитадель" — первое наступление в этом году.

Этому наступлению придается решающее значение... Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира".

Гитлеровское командование тщательно готовило запланированную операцию. В Германии была объявлена тотальная мобилизация: все мужчины в возрасте от 17 до 50 лет, способные носить оружие, встали в армейский строй. На Курской дуге противник сосредоточил 50 своих лучших дивизий, свыше 2000 самолетов, к боевым действиям были готовы 900 тысяч человек и 2700 танков, в том числе танки нового поколения "тигр", "пантера" и штурмовые орудия "фердинанд".

Не менее ответственно и напряженно готовились к битве на Курской дуге и советские войска. На Воронежском и Центральном фронтах Ставка Верховного Главнокомандования сосредоточила 1337 тысяч человек, 3300 танков и самоходных артиллерийских установок, 2650 самолетов. Сражение планировалось разделить на два этапа: преднамеренная, глубококошелолированная оборона, при помощи которой предполагалось измотать противника, выбить у него как можно больше танков, а затем переход несколькими фронтами в мощное контрнаступление.

Задача по отражению вражеского наступления со стороны Орла возлагалась на войска Центрального фронта под командованием генерала армии К.К.Рокоссовского. На правом крыле фронта рубеж протяженностью 62 километра было поручено оборонять 70-й армии.

В первых числах февраля началась переброска соединений и частей в район боевых действий. А уже в середине месяца командарма вызвали в штаб Центрального фронта. Поставленная задача — сосредоточиться севернее Курска в районе Тагино — Брянцево — Фатеж — не вызвала сомнений в готовя-

щемся контрнаступлении советских войск. И действительно, приказ о переходе в наступление не заставил себя ждать. В начале марта соединения армии вступили в непосредственное боевое соприкосновение с противником...

СТАРШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА Улитина и его однопольчан воинский эшелон привез в только что освобожденный Курск. Город встретил развалинами домов и крепким морозцем.

— Из Курска к линии фронта около двухсот километров шли походными колоннами, — продолжает рассказ Ю.С.Улитин. — Большинство вооружения и снаряжения несли на себе. От усталости люди буквально валились с ног. Не хватало продуктов, боеприпасов. Тыловые службы еще не успели как следует отладить снабжение. К концу марша на каждого бойца выдавали всего по одной картошке в день...

Развернувшиеся бои были тяжелыми и изнурительными. А в сводках их именовали "боями местного значения". Перед войсками Центрального, Калининского, Западного и Брянского фронтов была поставлена задача в феврале — марте 1943 года разгромить основные силы немецкой группы армий "Центр". Однако наше наступление не получило развития. Противник за счет резервов и свежих дивизий с других участков фронта усилил свою группировку.

Особенно ожесточенной оказалась схватка с гитлеровцами на рубеже деревень со смешными и ласковыми названиями — Ржавчик и Муравчик. Юрию Сергеевичу Улитину они врезались в память на всю жизнь. Вражеская пуля вырвала его в том бою "местного значения", из рядов наступавшего батальона, и с огнестрельным ранением он был направлен на лечение в госпиталь...

А ВОТ минометчику рядовому Николаю Лобачеву, прибывшему в 175-ю Уральскую из 2-го мотострелкового полка дивизии имени Ф.Дзержинского, можно сказать, повезло. Его миномет не смолкал до конца битвы на Курской дуге.

— К июлю на рубеже 70-й армии, — вспоминает полковник в отставке Н.М.Лобачев, — была создана мощная глубококошелолированная оборона, способная противостоять ударам танковых клинчей противника. Мы понимали, что враг попытается переломить ход войны, развивающийся после Сталинградской битвы не в его пользу. Поэтому готовились к предстоящему сражению самым серьезным образом. Особое внимание уделяли совершенствованию способов борьбы с танками — так подказывал горький опыт 41-го и 42-го годов. Куда гитлеровцы нанесут удар, мы не знали и потому весь 62-километровый рубеж обороны укрепляли одинаково: рыли траншеи и противотанковые рвы, соорудили блиндажи и укрытия различного типа, тщательно готовили основные и запасные позиции для артиллерийских и минометных расчетов. Создавали противотанковые районы и опорные пункты в глубине обороны, устанавливали многочисленные противопехотные и противотанковые заграждения, приспособляли к круговой обороне деревни и села. Работали и занимались боевой подготовкой, ибо помнили суворовскую заповедь: "Тяжело в ученье — легко в бою".

Начало сражения мы ожидали с нетерпением. После Сталинграда, так мне по крайней мере показалось, российский солдат почувствовал себя непобедимым суворовским чудо-богатырем. К нему вернулись высочайшая стойкость, непревзойденное мужество и нежелание отступать. Именно эти качества россиянин имел в виду прусский король Фридрих, когда после одного из очередных поражений его армии с горечью воскликнул: "Русского солдата мало убить — его и мертвого еще нужно повалить!".

5 июля запомнилось мне на всю жизнь. Рассвет еще только замаячил на горизонте, как мощная канонада разорвала его полусонную тишину. Сражение началось с артиллерийской контрподготовки советских войск. Шквал огня неожиданно обрушился на передовые порядки готовых к атаке немецких пехотных и танковых частей. Это внесло сумятицу в действия гитлеровцев, и намеченное ими наступление было отсрочено на два часа.

Но вот взрвели сотни моторов, и фашисты ринулись в атаку. Впереди шли тяжелые "тигры", за ними средние танки. Под их прикрытием на бронетранспортерах выдвигалась пехота. Первыми ударили по танкам наши артиллеристы. Причем сделали это, подпустив их на довольно близкое расстояние. Открыли огонь из противотанковых ружей пехотинцы, полетели бутылки с зажигательной смесью... Затем вступили в бой и мы, минометчики.

Дни с 5 по 10 июля, когда немцы с остервенением обреченных штурмовали нашу оборону, пролетели для меня как одно мгновение. И только когда наступательный порыв противника иссяк, мы подсчитали, что непрерывно дрались 6 суток. Особенно сильным был вражеский натиск на стыке нашей и тринадцатой армий в районе населенного пункта Самодуровка. Оборонявшимся здесь стрелковым и артиллерийским частям приходилось отражать за день по 10 — 15 атак.

12 июля 1943 года командование 70-й армии получило директиву Центрального фронта о подготовке и переходе 15 июля в решительное наступление. А в окопах нам зачитывали благодарственную телеграмму Военного совета фронта: "Спасибо вам, боевые товарищи, за мужество, железную стойкость и честное выполнение своего воинского долга перед Родиной".

НЕОБХОДИМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

По приказу командующего фронтом генерала армии К.К.Рокоссовского 70-я армия обороняла рубеж Ясная Поляна — Верхнее Тагино — Брянцево, расположенный на северном выступе Курской дуги. Особое внимание подготовке обороны этого участка уделяла Ставка Верховного Главнокомандования. Маршал Советского Союза Г.К.Жуков лично контролировал ход оборонительных работ. Приезжая в 70-ю армию, он проверял систему обороны и боевую готовность войск. Маршал Жуков в своем донесении Верховному Главнокомандующему отмечал: "Оборона 13-й и 70-й армий организована правильно и глубоко шшелонирована".

В полосе обороны 70-й армии гитлеровцы начали наступление силами 46-го танкового

корпуса в 5 часов 30 минут. Враг надеялся мощным танковым тараном сломить оборону советских войск. Атака следовала за атакой. Плотность наступавшей группировки была доведена до 4500 солдат, 30 — 40 танков, 80 — 90 орудий на каждый километр фронта. Но ни большое количество пехоты, ни новые танки "тигр" и "пантера", ни самоходные орудия "фердинанд" не оправдали надежд захватчиков. К 10 июля наступательный порыв гитлеровцев ослаб, резервы фашистского командования были израсходованы, и сил для активных действий у врага не осталось. Измотанные в боях, понесшие огромные потери, фашистские войска стали пятиться назад и окапываться.

Высокую оценку морально-боевым качествам бойцов и командиров 70-й армии дал маршал К.К.Рокоссовский. Он писал: "На Курской дуге вместе с другими нашими армиями успешно вела боевые действия 70-я армия, сформированная из личного состава пограничных и внутренних войск. В полосе обороны этой армии с 5 по 12 июля 1943 года противник потерял до 20 тысяч солдат и офицеров, было подбито и сожжено 572 вражеских танка, из них 60 "тигров", сбито 70 самолетов. Эти факты красноречиво говорят о мужестве и отваге пограничников, воинов внутренних войск".

50 дней и ночей продолжалась Курская битва — одна из величайших битв 2-й мировой войны. В оборонительных (с 5 по 11 июля) и наступательных (с 12 июля по 23 августа) боях советские войска уничтожили 30 дивизий, в том числе 7 танковых, тысячи самолетов врага. Итогом сражений на Курской дуге были полная ликвидация войсками Западного, Брянского и Центрального фронтов орловского плацдарма гитлеровцев и выход войск Воронежского и Степного фронтов на выгодный рубеж для развития наступления в пределы Левобережной Украины и Донбасса. В ходе Курской битвы немецко-фашистская армия потерпела поражение, от которого не смогла оправиться до самого конца войны.

* * *

С контрнаступления на Курской дуге для советских войск начался непрерывный путь на запад. Минометчик Н. Лобачев завершил его в поверженном Берлине. После войны он долго вынашивал мысль описать славные боевые дела своих однополчан. Осуществилась его мечта только спустя сорок пять лет. В 1991 году появилась на свет долгожданная книжка под названием "С Урала до Эльбы", написанная им в соавторстве с еще одним ветераном 70-й армии генерал-лейтенантом в отставке Н.С.Лазебниковым. Благодаря этому скромному труду подвиги воинов останутся навечно в памяти благодарных потомков. Что же касается факела победы, о котором с пафосом говорил Гитлер, то он действительно был зажжен в пламени Курской дуги. Только пронес его по дорогам Европы российский солдат.

С. НИКОЛАЕВ.

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ «У НИХ»

РАЙОТ-СИТИ (учебный центр английских полицейских), участок земли площадью девять акров, расположен на окраине Хоунслоу-Хит. Чего здесь только нет: улицы с магазинами, ресторанами и букмекерским киоском, поезд лондонского метро, самолет и просторные ангары, в которых полицейские осваивают оружие, стреляющее пластиковыми пулями (в будущем им предстоит пустить его в ход на настоящих улицах городов Великобритании), а время от времени и газ Си-Эс. Существование Райот-Сити давно уже не представляет собой государственной тайны: шесть тысяч сотрудников столичной полиции регулярно проходят там подготовку, и полигон отчетливо просматривается с бортов пассажирских самолетов, приземляющихся в Хитроу. Но нельзя и сказать, чтобы он особо рекламировался.

Городок этот — единственный в Европе специализированный центр, где полицейских по особой методике обучают професси-

бросающиеся вперед... Согласен, это была своеобразная игра, в которой, правда, страсти порой достигали критической точки. Игра... И в то же время щекочущее нервы напоминание о том, что в недрах британского общества есть силы, которые, случись провокация, политическая неудача или политический кризис, могут тут же нарушить внешнюю идиллию.

МНОГИЕ ДУМАЮЩИЕ (а таких, слава Богу, большинство) полицейские, прекрасно понимающие, что общественность по-прежнему воспринимает правоохранительные органы не как стороннюю силу, а как политическую организацию — и это со всей очевидностью подтвердили забастовки шахтеров и типографских рабочих в Уппинге, — относятся к перспективе потенциальных социальных конфликтов, не побоюсь этого слова, со страхом. Как-то старший полицейский офицер, принимавший участие

в сопровождении демонстрации медсестер, рассказал, что, хотя его коллеги и не пытались привлечь к себе излишнего внимания, более того, старались произвести благоприятное впечатление своим тактичным поведением, медсестры дружно скандировали: «Правительственные сатрапы!». «Меня это здорово задело», — с грустью отметил он. Но

ведь когда громят и грабят магазины, поджигают автомобили, возводят на улицах баррикады, помощь полиции крайне необходима. Она превращается в гражданскую армию, которой поручено восстановить статус-кво, и прибегает к любой силе, которую сочтет приемлемой в создавшейся ситуации, в том числе, разумеется, к пластиковым пулям и газу Си-Эс.

И если бы полицейские не справились, правительство обратилось бы к военным, сославшись на то, что социальная сплоченность общества находится под угрозой разрушения, ибо британские граждане вышли из-под контроля гражданских властей. Это, конечно, крайний случай. И потому, повторяясь, скажу: да, военные игры в Райот-Сити для столичной полиции — своеобразные учения. Но каждый полицейский отчетливо осознает, что низкая степень его обученности, пассивность в этих «карманных войнах», — отличный шанс укоротить себе жизнь в реальной стычке с преступниками.

Печальный опыт есть. Случалось, что те или иные очаги массовых волнений повергали блюстителей порядка в крайнее замешательство. Именно поэтому нынешний уровень подготовки и оснащенности свидетельствует об их решимости впрямь не оказываться застигнутыми врасплох. Не отступать и не пасовать в критические минуты. Дабы не споткаться дважды на одном и том же месте. Инспектор, который был констеблем во время беспорядков десятилетней давности, вспоминает: «Мы не были должным образом организованы. И представляете, оказались в составе отряда, вооруженного только щитами. На головах — самые обыкновенные каски. А в головах — полная неразбериха и хаос. До этого мы не проходили никакой специальной подготовки и даже не знали, как правильно держать щиты. Конечно, получи

ЗАСЛОН

СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЯ АНГЛИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

ональной борьбе с массовыми беспорядками. Обнесенный забором комплекс поначалу запросто можно принять за один из многих складов, которыми усеяна ровная, безлюдная территория в районе Хитроу. Что ж, относительная безмянность — составной элемент необходимой безопасности полицейского объекта. А поскольку еще приходится считаться и с весьма переменчивым общественным мнением, становится понятно, почему все происходящее в Райот-Сити не афишируется. Скажу больше: местечко Хоунслоу является, выражаясь сугубо официальным языком документа, эквивалентом стратегического засекреченного городка, где служащие американских ВВС постоянно готовятся к войне, которая, как они искренне надеются, никогда не начнется.

Увенчав головы шлемами с забралом, надев комбинезоны из огнеупорной ткани и вооружившись прозрачными щитами в человеческий рост, несколько сотен полицейских еженедельно, ежедневно подставляют себя под град кирпичей и бутылок с зажигательной смесью, отрабатывая навыки борьбы с такими городскими беспорядками, масштабы которых, к счастью, для самой Англии еще кажутся неслыханными. Как это звучит у русских: готовь сани летом?

Однажды холодным летом мне довелось наблюдать с крыши здания на пересечении условных Хай-стрит и Виктория-стрит, как ловкие инструкторы, играющие роль зачинщиков волнений, осыпали недавно прибывших «фараонов», бутылками с зажигательной смесью и деревянными кирпичами (от настоящих пришлось отказаться — слишком много увечий). Разыгравшись внизу события выглядели столь реалистично, что мне на память невольно пришли Белфаст и Брикстон: резкий запах горящего бензина, дикие выкрики, гром ракет, темные фигуры за «римскими» щитами, то прикрывающиеся ими, то

мы возможность применить пластиковые пули и газ, дай нам власти карт-бланш, черта с два кто-нибудь подступился бы к нам... По его словам, участники беспорядков смело подходили к передней линии полицейских отрядов, буквально на расстоянии одного-двух футов, и глумились над блюстителями порядка. «Полиция должна решительно отвечать на насилие по отношению к ней, — убежденно сказал он. — Мы не можем и не хотим мириться с тем количеством увечий и ранений, которые получаем при пассивном сдерживании обнаглевшей толпы. Мы не пушечное мясо, и нам следует обеспечить большую защиту».

А в ходе конфликта, спровоцированного типографскими рабочими Уолпинга, по словам инспектора, каждый вечер начинался с того, что простые констебли — «наши парни», — стояли как вкопанные под градом летевших в них предметов. Лишь после того, как ранили нескольких офицеров, полицейские отряды выступили в боевом снаряжении. Он с горечью добавил: «А взять эти чертовы вечеринки по субботам — сплошное насилие. Полицейских одного за другим доставляли в больницы с переломными носами и другими травмами. И никто не скажет: „Эй, так больше продолжаться не может“. Печальный опыт — тоже опыт».

Строительство комплекса в Хоунслоу обошлось в десять миллионов фунтов стерлингов, а его ежегодный бюджет — два миллиона фунтов. По словам суперинтенданта Кроуфорда, это «просто шикарное место», для обучения; даже хваленые республиканские роты безопасности (французская полиция по борьбе с беспорядками) имеют возможность тренироваться лишь в бывших армейских лагерях. Подобно большинству своих подчиненных (пять офицеров, три сержанта и сорок констеблей), он, Кроуфорд, облачен в синий пуловер, синие штаны, на ногах — ботинки на мягкой подошве — вылитый «коммандос». Суперинтендант признается: атмосфера, царящая в Райот-Сити, легко позволяет проникнуться мыслью о враждебности всего мира: «Здесь ты можешь воевать каждый день. Всякий, кто по-настоящему побывал в переделках, в гуще серьезных беспорядков и говорит, что ему это понравилось, — болван. Уж поверьте мне. Это самое страшное и опасное из всего, через что можно пройти. По правде сказать, там твоя жизнь ничего не стоит и ежесекундно висит на волоске. Мы предельно приближаем обстановку в центре к реальной: здесь тоже порой плохо верится в то, что происходящее вокруг — только игра».

Примечательно и характерно, что наибольшие потери в ходе инсценированных беспорядков несут, как ни странно, офицеры, которые могли бы спокойно воссесть за письменными столами. Они обязаны поддерживать свой авторитет, но, находясь в тесном контакте с подчиненными, одним неверным решением запросто могут погубить собственную репутацию. «Им надо быть готовыми иногда и замарать свои руки в грязи, — пояснил Кроуфорд, — лишь бы только суметь пресечь любую недопустимую деятельность». И в то же время они обязаны держать свои головы в холоде. «Инстинкт подталкивает тебя вмешаться, когда видишь, как подвергаются нападению твои коллеги, — сказал один из инспекторов. — И очень трудно удержаться от применения чрезмерной силы». Но чрезмерная — не всегда законная, вот где выдержка незаменима.

Над Райот-Сити господствует наблюдательная вышка, напигованная современ-

ной техникой. Видеоаппаратура, обошедшаяся в один миллион фунтов стерлингов, просматривает искусственные улицы вдоль и поперек, а звуковая система позволяет «контролеру игры в беспорядки» наводить ужас на курсантов, имитируя любые шумы.

УЖЕ ПОЧТИ СТЕМНЕЛО, когда я начал осмотр лагеря. Полицейские-новички совершали во тьме легкую пробежку, разогреваясь перед грядущими и неизбежными в Райот-Сити беспорядками. Первым делом Кроуфорд продемонстрировал «комплекс насилие»: инструкторы, размахивая железными прутьями, подстрекали «бунтовщиков», обезоруживать и захватывать «фараонов». «Подобное явление — вполне обычное для Лондона, — заметил Кроуфорд. — К нему нужно быть готовым всегда». В реальных ситуациях его инструкторы — профессионалы высочайшего класса — действуют в составе специальных боевых оперативных отрядов, порой в тесном контакте с огневым подразделением Скотланд-Ярда. И действуют, надо отдать им должное, грамотно.

Впрочем, и полицейский командир может разрешить применить огнестрельное оружие, в то время как старший офицер или его заместитель санкционируют лишь использование пластиковых пуль и газа Си-Эс. Эта разница диктуется не столько оперативными или тактическими, сколько политическими нюансами при возможных вариантах действий полиции.

В одном из ангаров Райот-Сити в сверкающий ряд выстроились закованные в броню «лендроверы», каждый из которых весит 3,5 тонны и обходится казне в пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Они способны развивать скорость до 90 миль в час, но пожирают целый галлон бензина на каждые четыре мили и потому не считаются идеальным средством для патрулирования. Однако незаменимы, если следует дать немедленный и решительный отпор вышедшей из-под контроля толпе.

Радужный хозяин Кроуфорд прокрутил мне телевизионную запись ставших уже историей беспорядков в различных уголках Англии, комментируя действия полицейских по ходу событий. Вот кадры карнавала в Ноттинг-Хилле, на которых полицейские, обороняясь, прикрываются крышками от мусорных баков. Конечно же, те, кому повезло и удалось ими разжиться. Остальные встречают удары грудью (кстати, именно после этого внимание правительства к оснащению полиции заметно усилилось). А вот мечутся расстрелянные полицейские во время волнений в Брикстоне. У них на головах — шлемы регулировщиков дорожного движения, предохраняющие от летящих кирпичей не больше, чем шелковый солнечный зонтик спасает от тропического ливня. Наконец замелькали кадры хроники, фиксирующие действия блюстителей порядка, которые позднее полиция назовет «профессионализмом поневоле», а ее критики — парамилитаристской тенденцией, идущей вразрез с целью обеспечения общественного спокойствия путем достижения согласия. Настоящий экскурс в историю.

Кстати, об истории: закон о беспорядках изъели из свода законов еще четверть века тому назад, и полиция, занимающаяся борьбой с массовыми волнениями, ныне действует по принципу «применения силы в масштабах, диктуемых необходимостью». Довольно обтекаемая формулировка. Может быть, поэтому рядовые полицейские склонны отно-

ситься с крупным уличным беспорядком, как солдаты — к сражениям. Полисмены даже поговаривают о реванше, имея в виду зачинщиков смуты на Бродуотер-Фарм, несмотря на приговоры к пожизненному заключению, вынесенные по делу об убийстве констебля в Блейкклоке; в их коллективном сознании сохраняется сильное желание отстоять свое реноме в любой аналогичной ситуации и свести счеты с подстрекателями. И лондонское полицейское руководство, зная об этом, должно будет проявить недюжинные выдержку и хладнокровие.

К концу нашей прогулки по Райот-Сити занятия полицейских со щитами достигли кульминационной точки. Согласно апробированной схеме во время беспорядков переднюю линию полицейских составляют пехотинцы, расставленные рядами по пять человек в каждом (как при игре в регби) и скрывающиеся за длинными щитами. Позади них — группы захвата, полицейские из мобильной группы, вооруженные короткими, округлыми щитами, далее — медики, фотографы и "сборщики свидетельских показаний", с которыми поддерживается звуковая связь.

Одни курсанты упражнялись в уличных маневрах под руководством инструкторов-констеблей, другие, используя щиты в качестве зонтиков, штурмовали здания под градом кирпичей, летящих из окон верхних этажей (а бывало, на полицейских, прокладывающих себе дорогу в дома, из окон летели и холодильники), третьи совершенствовали навыки обороны в удержании местности и закаляли боевой дух, в то время как инструкторы ловко швыряли в них бутылки с зажигательной смесью (между прочим, центр в Хоунслоу ежегодно закупает тысячами пустые бутылки из-под молока).

ОПЕРАЦИЯ. Сидя в автобусе вместе с полицейскими и наблюдая за неряшливо одетыми и нечесаными молодыми людьми, собирающимися для участия в марше, я заметил, как нарастает агрессивность окружающих меня людей. "Чего бы я только не отдал за огнемет", — неожиданно сказал один из констеблей, и его слова были встречены общим одобрителем ропотом. Даже стало не по себе от такого настроения.

Как и предполагалось, прождали несколько часов. Тревога полностью сошла на нет все положительные эмоции, которые возникли у нас после приличного завтрака. Но если я торчал в автобусе в силу профессионального интереса, то полицейские — за дополнительную плату, ибо раннее прибытие на место тоже учитывается при выплате сверхурочных за такие напряженные дни. Позднее старший офицер пояснил: "В полиции есть старое доброе правило: мы должны заранее, что называется, захватить плацдарм. Если опоздаем, то полицейским автобусам придется торить себе путь среди транспорта, доставившего сюда демонстрантов, а это грозит различными неприятностями. Словом, свалки, а вернее, конфликта уже не миновать". Он же растолковал мне, что полицейским пришлось проявить завидную дисциплинированность, контролируя акцию протеста, так как бурная реакция его коллег на вызывающее поведение демонстрантов, за которыми наблюдали десятки тысяч зевак и представители прессы, могла спровоцировать большие беспорядки. Считается, что в подобных случаях следует соблюдать крайнюю осторожность и не доводить дело до арестов. Те мелкие нарушения, на которые в любое другое время полиция непременно

бы отреагировала, здесь лучше оставлять без последствий — тактика.

Старшему офицеру поступил приказ: не сеять панику, даже если вот-вот все полетит в тартарары. До поры до времени требовалось побольше наблюдать, поменьше вмешиваться.

Марш проходил довольно мирно, пока маленькая группа не устроила сидячую забастовку на Ламбетском мосту. Страсти всколыхнулись, но и тут, к счастью, обошлось. Когда основная колонна демонстрантов приблизилась к мосту, хлынул жуткий ливень, охладивший горячие головы участников акции. Промокшие до нитки, они наступили на горло своим политическим убеждениям и присоединились к основной группе. Спустя восемь часов полицейские вернулись в участок. Но ненадолго, уже утром Скотланд-Ярд объявил новый сбор: пятнадцать тысяч жителей Кента собрались пройти по центру Лондона в знак протеста против очередного решения правительства.

Военные игры в Хоунслоу задуманы прежде всего как репетиции ответных действий полиции на нарушения правопорядка. Безусловно, специально оснащенные и обученные силы применяются крайне редко, однако когда это происходит — не позавидуешь тем, кто попадаете им под руку. Сотни полицейских со щитами лавиной катятся по улицам и сметаю тех, кто, на свою беду, оказывается на их пути. Отдельные случаи проявления жестокости не только дают удобный повод для критиков полиции, но и вызывают беспокойство у заботящихся о ее престиже офицеров, на глазах которых в одночасье рушатся с таким трудом наведенные мосты с общественностью. Есть и иные суждения. Многие полицейские склонны возлагать вину за жесткость действий спецподразделений на общественность: "Общество имеет лучшую полицию, чем заслуживает", — сказал мне один из них.

Стрелнистический лондонский бобби, взятый на службу за сотни миль от столицы и чувствующий себя одиноко в душной атмосфере столовых для полицейских, никак не может найти золотую середину между "силой" и "службой". В отсутствие четкого представления о своих обязанностях многие его коллеги испытывают явное замешательство из-за необходимости довольно часто и резко переходить от быстрых действий к хладнокровной оценке; они просто разрываются между тем, чего хотят их начальники, и реальной действительностью, которую они наблюдают из-за защитного щита, между тем значением, которое они придают своей работе, и статусом, который эта работа закрепляет за ними.

То, что происходит в Райот-Сити и в других, меньших по размеру центрах, где полицейские проходят аналогичную подготовку, отражает необходимую (чтобы не сказать — печальную) реакцию на ухудшение социальных условий жизни в городах. И полицейские, которым поручено переносить полувоенные навыки из учебных классов на улицы, несут свой тяжкий крест.

Р. ЧИШЕР.

ОТ РЕДАКЦИИ. Выражаем признательность сотрудникам отдела научно-технической информации ГИЦ МВД России, оказавшим содействие в подготовке публикации.

“В ПОМОЩЬ ИСПОЛНЕНИЮ ЗАКОНОВ”

Из истории внутренней
и конвойной стражи России

ОБЕСПОКОЕННЫЙ ростом революционного движения в империи, сопровождавшегося многочисленными забастовками и массовыми беспорядками, Николай II в феврале 1903 года обратился к народу с “высочайшим”, манифестом. Призывая “верноподданных”, граждан к соблюдению законного порядка в государстве, царь пытался объяснить людям: “К глубокому прискорбью Нашему, смута, посеянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлечениями, чуждыми русской жизни, препятствует общей работе по улучшению народного благосостояния. Смута эта, волнуя умы, отвлекает их от производительного труда и нередко приводит к гибели молодых силы, дорогая Нашему сердцу и необходимая их семьям и родине.”

Однако “молодая сила”, не внемля отеческим наставлениям государя, жаждала революционных бурь и великих потрясений. Ради “чуждых русской жизни”, идей не страшились идти в ссылку и на каторгу.

А тут еще активизировали террористическую деятельность боевики партии социалистов-революционеров. Несколько успешно проведенных ими терактов против высших государственных чиновников повергли правительство в шок. Добрались они и до тюремного ведомства. 15 октября 1907 года застрелили прямо в служебном помещении начальника главного тюремного управления тайного советника А. М. Максимовского. По свидетельствам современников, он был последовательным сторонником реформирования российской пенитенциарной системы в сторону ее демократизации. За что и поплатился жизнью...

Тюрьмы начинают переполняться политическими. А начальство их, понятно, не особенно жалует: слишком уж грамотные, могут постоять за себя, права “покачать”. Заражая революционными идеями сокамерни-

ков, они становятся сущим бедствием для тюремного ведомства.

Забили тревогу и сибирские губернаторы. Обеспокоенные наплывом политических арестантов, шлют они срочные депеши в столицу, просят о помощи. Так, томский губернатор барон Нолькен в августе 1906 года отбил в Департамент полиции такую телеграмму: “Одиночные камеры переполнены подследственными политическими. Неизбежное размещение их среди общеуголовных... угрожает сохранению порядка. Прошу распоряжения об усилении надзора временной командировкой... пятнадцати нижних чинов конвойной команды.”

Новый, дополнительный вид службы — временные командировки для усиления охраны тюрем — излишняя нагрузка, в то время как численность конвойной стражи оставалась неизменной с 1886 года: 100 офицеров и 11738 нижних чинов. В таком же составе конвойная стража подошла и к октябрю 17-го...

Приказом военного министра еще в 1886 году предписывалось сформировать 567 конвойных команд. А создали, увы, 530. Причем только 63 из них возглавляли офицеры, остальные — унтер-офицеры, состоявшие в ведении уездных воинских начальников либо начальников подразделений местных частей. Кстати, и штатная структура, и численность конвойных команд были неоднородны и зависели от объема служебных задач.

На всю Петербургскую губернию, лидировавшую по количеству арестантов, не набиралось и с полтысячи конвойных штыков. Как хочешь, так и правь в таких условиях “государеву, службу. Потому и не удалось полностью отказаться от привлечения к ней подразделений полевых и местных войск.

Весьма любопытна “конвойная”, статистика начала века. Значительный рост числа арестантов и количества совершенных ими побегов выпадает на 1905 — 1907 годы. В это время конвойной стражей ежегодно препровождалось около полумиллиона заключенных. И если в 1900 году из-под охраны бежали 612 человек, то в 1905-м число беглецов возросло более чем втрое. А в 1906-м удалось уйти уже 3231 арестанту.

Однако нельзя не отметить, что большинство побегов решительно предотвращалось конвойными. Показателен в этом плане приказ начальника Ярославской местной бригады от 15 апреля 1904 года: “С наступлением теплого времени у арестантов усиливается желание вырваться на свободу. Весной минувшего года во вверенной мне бригаде было пять случаев покушения к побегу при сопровождении нижними чи-

нами партий (арестантов. — Н.С.), но, благодаря бдительности и знанию своего дела молодцами конвойными, ни один из них не удался....».

В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ немало примеров самоотверженного исполнения конвоирами служебного долга. Вот лишь некоторые. Весной 1912 года три конвойных солдата Александровской команды на Сахалине подверглись жестокому нападению со стороны девяти каторжников, работавших на заготовке дров. Отвлекая рядовых Раута и Россошина «жалостливыми», рассказами о несправедливом наказании, преступники накупились на них с кольями, пытались отобрать оружие и совершить побег. Не вышло. Проявив «примерное исполнение долга службы», солдаты, несмотря на полученные травмы, постояли за себя и выстрелами из винтовок пресекли «злой умысел». После чего командующий Приамурским военным округом приказал «в награду рядовому Рауту и Россошину выдать из экстраординарных сумм... первому — 10 руб. и второму — 3 руб.».

В мае 1913 года Иркутской конвойной команде предстояло этапировать 119 «важных», арестантов. В наряд для их «препровождения», по железной дороге назначили лучших нижних чинов. А ночью на ходу из вагона выпрыгнул особо опасный преступник Файвель Берникер. Подчасок рядовой Павел Мельников с криком «Бежал арестант!», смело бросился вслед за беглецом. За ним — еще два конвоира. Более двенадцати верст успел отмахать Берникер, но от погони не ушел. А Мельникова наградили «знаком отличия Св. Анны», (его еще называли Аннинской солдатской медалью и вручали нижним чинам в армии «за особая заслуга») и в придачу деньгами в сумме пятидесяти рублей (почти месячный оклад денежного содержания младшего офицера!). Николай II, прочитав «всеподданнейший» рапорт начальника Иркутской конвойной команды о действиях состава конвоя, собственноручно начертал: «Спасибо молодцам-конвоирам, (даже при самой буйной фантазии невозможно представить подобную реакцию нашего Президента).

В 1904 году в конвойной страже, по ходатайству министра юстиции тайного советника Н.В. Муравьева, появилась награда для нижних чинов — серебряная медаль с надписью «За усердие», на станицлавской ленте (то есть ленте, присвоенной ордену Св. Станислава) «для ношения на груди». Следует оговориться: в армии этой медалью награждались исключительно унтер-офицеры сверхсрочной службы за выслугу лет и при условии «беспорочной» службы. Обосновывая свое предложение, министр юстиции писал военному министру: «... Нижняя чина конвойных команд, имея постоянное общение с арестантами на службе, настолько близко изучают их особенности, привычки и отличия в одежде, что при встречах на свободе... узнают беглых и задерживают их сами или же споспешествуют в этом отношении полиции... такая действия заслуживают полного одобрения и приносят несомненную пользу тюремному делу».

В военном министерстве не заволокитили, как это нередко бывает сейчас, «полезного», предложения. И вскоре военный министр генерал-адъютант Сахаров подписал приказ, в котором говорилось, что «высочайше повелено... за особо выдающиеся... подвиги оказавшие их нижняя чина конвойной стражи, независимо от денежных наград, могут быть, по ходатайству подлежащих начальств, представляемы установленным порядком к награждению серебряными медалями с надписью «За усердие».

Однако службе в конвойной страже сопутствовали не только награды, денежные премии и «благодарственные», поощрения. Со служивых строго взыскивалось за всяческие нарушения, особенно за «упуск», арестантов (лишали наградных денег — «тринадцатой», зарплаты и даже предавали суду).

Еще в 1899 году в конвойной страже упорядочили выплату наградных сумм: офицерам и нижним чинам, включая солдат срочной службы, за «исправное препровождение арестантов», полагалось вознаграждение в размере годового оклада жалованья. Но на местах вскоре стали злоупотреблять этим и выплачивать «тринадцатую», незаслуженно. Возмущенный такими фактами главный инспектор по пересылке арестантов генерал-лейтенант И.Д. Сапожников приказал: «При распределении наградных денег следует иметь в виду, что чины конвоя, признанные виновными в упуске арестантов, подлежат лишению наградных денег независимо от взыскания по суду или в дисциплинарном порядке; прочия чины, находившиеся в конвое, должны быть также лишены всех или части наградных денег, ибо они не доставили в исправности арестантов по назначению....». Ничего не скажешь: строго, но справедливо, тем более что мера эта хорошо стимулировала «отлично-ревностную», службу конвойной стражи.

Но начальство пеклось о повышении дисциплины и «должного, воинского порядка не только материальными средствами, а и заботой о комплектовании конвойных подразделений достойными людьми. В 1902 году главный инспектор категорически потребовал от начальников конвойных команд, «к которым поступают новобранцы, непригодныя к конвойной службе, подробно доносить об этом всякий раз с указанием года призыва и того уездного воинского начальника, которым такая новобранцы были неправильно выбраны». Естественно, после такого грозного предупреждения уездные воинские начальники, ведавшие призывом на военную службу, остерегались «сплавлять» в конвойную стражу «непригодных», рекрутов.

Надо сказать, что сначала особо серьезных ограничений для службы в конвойной страже по сословным признакам не было. Однако в начале века запретило назначать в «конвойку», лиц дворянского происхождения, посчитав ее, видимо, недостаточно престижной для них. Так же категорически запрещалось призывать евреев. Полагалось, что они в основной своей массе находились в оппозиции правительству: в различных революционных организациях было много ев-

рейской молодежи, а следовательно, и среди политических арестантов. Еще в 1866 году, на заре реорганизации этапно-пересылной службы, командующий Московским военным округом доносил военному министру, что «конвойные команды на Нижегородско-Тюменском ссыльном тракте... укомплектованы нижними чинами хорошей нравственности, еврей же вовсе исключены».

В СВОБОДНОЕ от службы время в конвойной страже не хуже, чем в местных частях, проводились занятия по строевой подготовке, гимнастике, выполнению ружейных приемов с элементами штыкового боя, стрелковой подготовке и общевоинским уставам. Кроме того, от конвоиров требовалось четко знать состав всего императорского дома поименно (что представляло известную трудность для простых малограмотных солдат) и начальствующих лиц конвойной стражи.

К слову, актуальный ныне вопрос о профессионализации внутренних войск, оказывается, далеко не нов. Еще в августе 1910 года петербургская газета «Колокол», опубликовала полемическую статью «Военная заметка», за анонимной подписью «старый капитан». Автор предлагал рассмотреть вопрос о целесообразности комплектования конвойных команд не призывными новобранцами, а сверхсрочнослужащими, прошедшими огонь и воду и хорошо знающими конвойное дело.

Как же виделась «контрактная» служба в конвойной страже более восьмидесяти лет назад? «Хотя и учат конвойных солдат строю, гимнастике, стрельбе и проч., — писал «старый капитан», — но все-таки было бы лучше, если бы конвойные команды комплектовались из запасных солдат и были бы подчинены только тюремному начальству. Конвойные из запасных отлично справятся с конвоированием арестантов. Комплектование... запасными желательно главным образом потому, что теперь вообще надо стремиться к тому, чтобы было возможно меньше команд вспомогательного назначения, состоящих в мирное время для целей, не имеющих ничего общего с боевой подготовкой войск».

Конвойный «шеф», ознакомившись со статьей, наложил резолюцию: «Доложить мне после моей командировки». Что стало с предложением «старого капитана», установить не удалось. Скорее всего, в повседневной штабной круговерти решили отложить рассмотрение вопроса до лучших времен. А они не наступили...

При обучении солдат азам конвойной науки серьезное внимание уделяли их взаимоотношениям и правилам поведения на службе. Воинский этикет требовалось соблюдать не только применительно к своим командирам, но и к классным чинам тюремного ведомства, правда, с небольшой оговоркой: коли последние находятся «в присвоенной им форме одежды». Вот тогда конвойный не имел права в присутствии тюремных чиновников сидеть или, допустим, курить, «если на то не последует разрешения», а при словесном с ними общении непременно должен был «прикладывать руку к головному убору».

Не обходилось и без конфликтов на службе. Но чаще всего они разрешались достаточно просто. Когда старший начальник вдруг начинал бранить часового, тот, не теряя самообладания, отвечивал: «А вы на изволисте ругаться, ибо я в карауле». И то правда.

И конечно же, досконально изучалось конвойное дело. В инструкциях, циркулярах и памятках главного инспектора по пересылке арестантов все требования излагались простым и доступным для солдатского восприятия языком. Никакой словесной казуистики и мишуры (есть чему поучиться). Например, конвоиру перед выставлением на пост говорилось, что он обязан исполнять приказания только «государя императора и старшего конвойного, который поставил на часы». И все!

Получив партию арестантов в тюремном учреждении, начальник конвоя перед этапированием объявлял свои чин и фамилию и предупреждал: «Если кто-либо из вас осмелится бежать или буйствовать, то противу такого будет употреблена сила оружия!», — это охлаждало горячие головы даже самых отъявленных смутьянов. А вот в применении оружия допускалась некоторая самостоятельность: часовой должен был «соображать сам, действовать ли холодным или огнестрельным оружием».

На случай побега старший конвоя назначал «сметливых и расторопных» бойцов, в обязанности которых входило преследовать беглеца, не ожидая на то «особого приказания». Вооружались конвоиры так: при препровождении арестантов по пешим этапным маршрутам — знаменитыми трехлинейками с шестью боевыми патронами и примкнутыми штыками, на железных дорогах и пароходах — револьверами и шашками.

КОНВОЙНОЕ НАЧАЛЬСТВО стремилось идти в ногу с техническим прогрессом. В 1908 году Петербургская и Московская конвойные команды впервые начали практиковать перевозку арестантов по городу в специально оборудованных автомобилях. Это новшество пришло по душе тюремному руководству: сократились побеги и была полностью исключена возможность «выставления арестантов... на публичный позор... и незаконных сношений с внешним миром».

В 1907 году Николай II «высочайше» утвердил Устав конвойной службы — впервые в истории. Он вообрал в себя многолетний практический опыт конвойного дела, все самое лучшее и ценное из памяток, циркуляров и распоряжений. Согласно уставу, на конвойную стражу возлагалось «несение конвойной службы при арестантах всех ведомств... за исключением тех местностей, в коих эта обязанность лежит на других частях войск или чинах полиции». Конвойные команды, охранявшие и этапировавшие арестантов, подчинялись главному инспектору. Ему в обязанности вменялось: отдавание распоряжений о пересылке арестантов по этапу, назначения, перемещения и награждения офицеров и нижних чинов, предание младших офицеров военному суду за преступления, совершенные на службе, и многое другое.

В том же 1907 году главным инспектором по пересылке арестантов назначили помощника дежурного генерала Главного штаба

ВЫСОЧАЙШІЙ приказъ по военному вѣдомству 27 марта 1911 года.

Въ воздаяніе вѣрной и ревностной службы Престолу и Отечеству мѣстныхъ войскъ и конвойной стражи, коимъ нынѣ истекаетъ сто лѣтъ со времени ихъ основанія, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ объявляетъ всѣмъ офицерскимъ и класснымъ чинамъ мѣстныхъ войскъ и конвойной стражи Высочайшее благоволеніе, а нижнимъ чинамъ ЦАРСКОЕ спасибо.

Установленіе нагруднаго знака конвойной стражи.

Въ 24-й день марта сего года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на утвержденіе проекта нагруднаго знака конвойной стражи, въ ознаменованіе 100-лѣтняго юбилея ея существованія, исполнившагося 27-го марта сего года.

Н. И. Лукьянова. На его биографии следует остановиться подробнее, ибо этот человек оказался последним «шефом», конвойной стражи царской России и первым — уже Советской республики. После окончания полного курса Николаевского кавалерийского училища по первому разряду Лукьянов был направлен корнетом в 13-й уланский Владимирский полк. А уже через восемь лет стал адъютантом начальника Главного штаба. Благодаря своим незаурядным способностям постоянно выдвигался на руководящие должности и вскоре стал начальником отдела Главного штаба. Восемь российских орденов и столько же иностранных, украшавших грудь генерала, свидетельствовали о безупречном служении на благо Отечества. В апреле 1913 года главного конвойного начальника произвели в генерал-лейтенанты. Более десяти лет возглавлял он конвойную стражу и был одним из немногих руководителей, кто не на словах, а на деле пекся о нуждах офицеров и нижних чинов. Кстати, Лукьянов был первым, кто на свои личные сбережения организовал фонд помощи пострадавшим на службе. «Капитал имени ге-

нерал-лейтенанта Н. И. Лукьянова», просуществовал до 1917 года. Из его средств выдавались пособия нижним чинам, получившим ранения или увечья на службе, а также и их семьям.

27 марта 1911 года конвойная стража отметила свой вековой юбилей. Сам Николай II «высочайше» поблагодарил конвоиров за службу и объявил им «ЦАРСКОЕ спасибо». В память об этом событии он утвердил специальный знак конвойной стражи, который выдавался офицерам и нижним чинам и ценился так же, как полковые знаки в армии (копия «высочайшего» приказа приводится выше).

Сохранилось описание юбилейного торжества, проходившего в Петербургской конвойной команде. На праздник прибыли главный инспектор по пересылке арестантов, начальник местной бригады и начальник главного тюремного управления. Под громкое «ура», они поблагодарили конвоиров за ревностную службу. А начальник тюремного ведомства действительный статский советник Хрулев обратился к воинам со словами: «Трудна служба конвойной стражи; от нея требуется постоянная бдительность, ос-

мотрительность, находчивость, выносливость, мужество; нередко сама жизнь подвергается опасности. Но как за богом молитва, так за царем служба не пропадет».

Состоялось молебствие с провозглашением многолетия царствующему дому и вечной памяти основателю конвойной стражи Александру I. На обед нижние чины получили «улучшенную пищу», после чего им представили две пьесы «Воскресный день у фельдфебельши» и «Правому Богу защита». Особый восторг у нижних чинов вызвало то, что все роли в пьесах, в том числе и женские, играли молодые солдаты. «Вечером для нижних чинов и их знакомых состоялись танцы под звуки оркестра военной музыки... Угощались чаем и веселились до 12-ти часов ночи».

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА наложила свой отпечаток на службу конвойной стражи, внесла в нее существенные коррективы. Команды, расположенные в западных губерниях России, стали конвоировать военнопленных и сопровождать на фронт воинские грузы. Только за 1915 год они, исполняя плюс к тому свои основные обязанности, перевезли: пересыльных солдат (то есть сопровождаемых в свои части) — 176060 человек, иностранных подданных, высланных в глубь страны и для передачи властям своих государств, — 134000 человек, военнопленных — 142000 человек, воинских грузов — 5090325 пудов.

Конвоирами пополнялись и стрелковые полки действующей армии. Многие из них храбро сражались на фронте и служили примером исполнения воинского долга. Необычную награду за проявленное мужество заслужил бывший ефрейтор Харьковской конвойной команды Василий Водяной. Плененный немцами, он подвергся жестоким пыткам, но не сказал ни слова. Наконец бежал и вернулся в родной полк. Офицеры конвойных команд, пораженные необычайной стойкостью ефрейтора Водяного, собрали деньги на икону и поднесли ее в память счастливого избавления воина от плена. Генерал-лейтенант Лукьянов писал о самоотверженности ефрейтора: «В Харьковской команде окрепли в нем отличительные свойства русской души, утвердились доблестные качества русского солдата — любовь к родине и твердость духа, сломить которые не удалось неприятелю даже пытками».

Февраль 17-го большинство офицеров и нижних чинов восприняли с надеждой на лучшую жизнь. Никто и не предполагал, какие потрясения ждут Россию... 12 марта генерал-лейтенант Н.И. Лукьянов вместе с офицерами своей канцелярии присягнул «на верность службе Родине и Временному правительству», о чем и известил подчиненных в приказе за № 1: «К вам раньше всего обращаюсь, господа офицеры конвойных команд, как воспитателям и руководителям вверенных вам солдат. Новый строй государственной жизни обязывает вас ныне более, чем когда-либо, относиться с отеческой любовью, вниманием и участием к тяготам и нуждам солдатской жизни. Препятний крепостной строй в войсках вызывал вполне основательное недовольство солдат, а нередко и офицеров... Вы, господа офицеры, как люди

культурные и обладающие достаточным опытом, сами разберетесь и примете те меры, которые установят иужный порядок в частях и дисциплину, основанную на разумном понимании службы и вытекающих из нея взаимоотношений с солдатами. Не допускаю мысли о возможности дальнейшего пребывания на службе в конвойной страже лиц, приверженных старому, гибельному для государства порядку».

Февральская революция не повлияла на службу конвойной стражи. Правда, Временное правительство отменило заковывание арестантов в кандалы, но преступность, возросшую многократно из-за безвластия, отменить не могло. Россия, разуверившись в его обещаниях, стремительно катилась к октябрю 17-го.

О том, как отнеслись конвоиры к Советской власти, свидетельствует резолюция собрания Петроградской местной бригады от 18 декабря 1917 года: «Отвергая политический террор, бригадный съезд... выражает полное доверие Советской власти и Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов и в то же время требует немедленного созыва Учредительного собрания, но заявляет, что оно должно являться истинным выразителем воли революционного народа...». За строками резолюции чувствуется накал политических страстей, переживаемых народом в то переломное для России время. Но страсти улеглись, а расформирование армии нарушило привычный уклад жизни конвойной стражи. Если раньше вопросы комплектования, снабжения, обучения и вооружения решались через местные бригады, то теперь уже никто практически ни за что не отвечал.

В начале 1918 года остро дебатировался вопрос реорганизации пенитенциарной системы. Предлагалось даже ликвидировать тюрьмы. Но разгул преступности охладил пыл новоявленных реформаторов. Тюрьмы остались, конвойная стража тоже. 20 апреля нарком по военным делам Л. Троцкий подписал приказ о преобразовании конвойной стражи на новых, советских принципах. Численность команд сокращалась почти вдвое, должность главного инспектора по пересылке арестантов переименовывалась в главного инспектора конвойной стражи, штаб- и обер-офицеры стали помощниками и делопроизводителями. Через две недели уволили и генерала Лукьянова. В истории конвойной стражи начинался новый период — советский. Но это уже тема другого исследования...

Майор Н. СЫСОЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Общеизвестно, что практически все рода и виды Вооруженных Сил и пограничные войска имеют, скажем так, дни своего рождения. Исключение, довольно обидное, составляют внутренние войска. И потому, на наш взгляд, было бы резонно считать днем рождения внутренних войск 9 апреля (27 марта по старому стилю) 1811 года и отмечать его наравне с другими аналогичными датами.

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Валентин РЫЧАГОВ

ПОТУХШАЯ ГЛУМА

(ИЗ ДНЕВНИКА ЛЕЙТЕНАНТА БЕРЕСНЕВА)

ТАКИМ РАССТРОЕННЫМ Ионыча я еще не видел. Папиросу раскурить не может — руки дрожат. Вечно вертлявый, шустрый, он напоминает сейчас жалкого, напуганного мышонка. Я жду от него толкового рассказа, а он уже который раз только одно повторяет:

— Чудом убер, честное слово, чудом.

Битый час проходит, пока кое-что проясняется.

Чубук, которого все в округе называют лишь по отчеству — Ионычем — повез секретаря райкома, Людмилу Осиповну, в соседнее село. Там в школе то ли собрание проводили, то ли совещание, то ли просто ее встреча с учителями была — это Ионыч точно не знает: "Мое дело — рулить". В общем, ждал он ее часа полтора и, больше не заезжая никуда, проселочной дорогой заспешил сюда, в райцентр. А заспешил потому, что небо стало смурным, того и гляди дождь влупит.

Газовал всюду, да на полпути поломался. То ли карбюратор засорился, то ли с электропроводкой что, но заглохла машина.

Тут конох из райпо проезжал, к нему на бричку и села Людмила Осиповна. Укуталась в старый кожух и шоферу своему сказала: жди, мол, пришло за тобой тягач. Ну ждал он, как велено было. Полчаса примерно прошло, и тут черт-те откуда, как из-под земли два парня перед машиной появились. Автоматы наставили: выходи. Вышел. Они кабинку внимательно осмотрели, даже ворох тряпок перерыли, будто кого-то искали там, а потом спрашивают: где начальница? Ионыч хотел дурачком прикинуться — какая, мол, начальница, знать ничего не знаю, сам еду, — да только вякать про это начал, как сразу же схлопотал два удара: прикладом по голове и кулаком в ребра. Один из бандитов говорит после этого: мы все знаем, Чубук, и что ты шофер райкомовского секретаря, и что вы в сельскую школу сегодня ездили. Только одно скажи: где твоя хозяйка? И почему ты тут стоишь?

— Что мне делать оставалось? — развел руками Ионыч. — Поведал им все как было. Они нас, оказывается, ждали метрах в пятистах впереди, в балке. Точно знали, во сколько проеду. Подводу видели и женщину в кожухе, да не думали, что...

Ионыч опять ломает спички, не может разжечь свою потухшую папиросу. Я чиркаю трофейной зажигалкой, подношу ему огонек.

— Дальше что было? Отпустили тебя с миром?

— Ага, эти отпустят, — глубоко затягивается дымом шофер. — Держи карман шире. Отошли на пару метров от меня — я тогда опять в кабинке за баранкой сидел — и совещаются. Слышу, приходят к мнению, что надо меня шлепнуть, а машину облить бензином и сжечь. Тут я со страху на стартер нажал — и мотор завелся, можете себе такое представить? Ну я по газам — и вот... Убег. Они вслед стреляли, прошили кузов. Семь дырок, а меня ни одна пуля не зацепила. Разве не чудо?

Ионыч уходит, а мы остаемся в кабинете вдвоем с начальником районного отдела милиции майором Нечепурным.

— Представляешь, — говорит он, — в район три новые машины пришли, одну как раз и должна была получить Людмила Осиповна, так что Ионыч последний раз на своей колымаге ехал. Это их спасло.

— Представляю, — киваю я. — Так какие же выводы из происшествия мы должны сделать?

— А вот какие, лейтенант. — Он делает паузу, а я беру чистый лист бумаги, карандаш, чтоб законспектировать советы старшего. — Первый и самый главный вывод такой: отказываться от новых машин. Записал?

Он смеется как-то вяло, через силу, потом оставляет в покое подбородок, встает со стула и начинает вышагивать по кабинету от окна к двери.

— У врага во многих структурах есть свои осведомители. Вот и в данном случае: может, в школе оуновец сидит, а может, и в райкоме. А мы ничего не знаем и потому не можем нанести упреждающего удара. Надо, лейтенант, в народ идти, искать тех, кто пошел бы на добровольное сотрудничество с нами. Я местных лучше тебя знаю, могу, если хочешь, посоветовать, с кем поговорить стоит.

ГАЛИНЕ МИХАЙЛОВНЕ Гребень, учительнице по украинской литературе, двадцать два года. Незамужем. Отец — фронтовик, подполковник авиации, старший брат тоже кадровый военный. В доме живет одна, гости к ней навещаются часто: коллеги по школе, старшеклассники, соседки. Соседки идут разжиться солью, крупой или, наоборот, несут Галине Михайловне угощения — кто пирожки, кто варенье. Ученикам тут интересно потому, что прямо дома их литераторша ведет кружок искусств. Идут разговоры о живописи, поэзии, занимаются вязанием, вышиванием. А коллегам нравится заходить сюда по той причине, что Гребень — та женщина, с которой можно поделиться и бедой, и радостью. Такое качество — выслушать и понять — не у каждого есть.

— Вот ты с ней, лейтенант, один раз увидишься, — говорит мне Нечепурной, — и после этого тоже туда зачастишь. Вышивать начнешь, вареники лепить научишься, литературу полюбишь. У нее колдовские чары, у Галинки-то. Забудешь и повод, зачем к ней в гости напрашивался. Очнешься только тогда, когда она женит тебя на себе.

Майор добродушно похихатывает, а я небрежно роняю:

— Женщины для меня ничто, я ведь и не таких красавиц встречал, да устоял.

Галина Михайловна с первого же взгляда мне показалась действительно красивой. Видел я ее, можно сказать, мельком, когда по делам службы заходил в школу. Черноокая румяная хохлушечка с чувственными губками.

— Ждет она тебя сегодня, лейтенант, после десяти. Постарайся так пройти к ней, чтобы никто не видел. Дело не только в конспирации: негоже, если о гарной дивчине болтать всякое начнут.

— Да разве ж я не понимаю, товарищ майор!..

И вот я сижу за столом в пахнущей свежей побелкой комнате, над головой еле-еле горит керосиновая лампа, плотные шторы закрывают окна. Сижу и не знаю, с чего начать разговор. Все заранее подготовленные слова выскочили из головы. Веселые глаза учительницы словно просвечивают меня, я теряюсь, не могу связать и пару слов.

— Пан офицер, вам вареники со сметаной или только помастить?

— Нет-нет, спасибо, я обедал.

— Так теперь же ужинать давно пора.

— Я и поужинал уже.

— Как? Одновременно? И обедали, и ужинали? Плохо же вам живется. Вы приходите ко мне почаще, чтоб не отощать.

Конечно же, она издевается надо мной. Смеется, недотепой считает.

— Мне, Галина Михайловна, надо с вами серьезно поговорить.

— Серьезно? Уж не свататься ли хотите, пан офицер? А что, я дивчина файна, да и вы парубок гарный.

Она накладывает полную тарелку вареников, несет к столу, ставит возле меня.

— Вот, и позавтракаете зараз.

Ну и глазщи у нее! Ничего не могу с собой поделатъ, смущаюсь, как девичца.

Она, кажется, поняла наконец мое состояние, сменила тон:

— Слушаю вас, Иван Михайлович.

Я начал издаലെка. Рассказал ей о том, какие последние рейды совершили банды Жука, Лемеша, Комара. Ничего не выдумывал, не приукрашивал, выдавал только сухие факты, но и от них, видел, учительнице было не по себе. Да на что я, мужик, и то был близок к

“Полуденный туман” трудно определить по жанру: скорее всего, это действительно дневниковые записи очевидца событий, о которых идет речь в произведении — первой литературной работе автора. Автор — ветеран внутренних войск, участник Великой Отечественной войны с 1942 года, полковник в отставке Валентин Михайлович Рычагов. Эрудит, интересный собеседник, он, надеемся, станет для вас и интересным рассказчиком.

потере сознания, когда приходилось видеть трупы детей, женщин, искромсанных ножами бандитов...

— А зачем вы мне все это рассказываете? — спросила она, когда я смолк.

— Вы должны нам помочь, Галина Михайловна.

— Уничтожить этих мерзавцев? Я не умею стрелять из пистолета.

— Все-то вы шутите. Но жду от вас другого. Вы ведь часто общаетесь с самыми разными людьми...

Внимательно выслушав меня, учительница ответила примерно так: друзья ее политических дискуссий не ведут, с оуновцами связи не поддерживают — это во-первых, а во-вторых, роль наушницы и осведомителя ей не подходит, больше на эту тему она говорить со мной не собирается, и потому мне надо съест вареники, пока они не остыли, и возвращаться к себе, так как уже глубокая ночь, она не успеет выпастись и подготовиться к завтрашним занятиям.

— Но послушайте, Галина Михайловна...

В этом месте я прервал фразу, а Галина Михайловна вскрикнула. Прямо под окном раздался треск стекла, потом непонятный глухой удар, быстрые шаги. Мне хватило нескольких секунд, чтобы в броске оттолкнуть девушку подальше от окна, за печку, погасить при этом лампу и выхватить пистолет из кобуры. Задвинул засов на двери, прижался к стенке, готовый дать отпор тем, кто вздумает стрелять через окно. Тут же сообразил: могут кинуть гранату, и тогда — конец. Схватил с кровати большую пухлую подушку, забил ею оконный проем, надавил так, что затрещала и вывалилась наружу подгнившая старенькая рама.

Прошла минута-другая томительного ожидания, снаружи было тихо. Я лихорадочно соображал. Окно выходит в сад, прямо напротив него растет уже старая яблоня. А под яблоней лежало битое стекло. На него, видно, и наступили те, кто выследил-таки меня и, по всей видимости, держит сейчас на мушке дверь и окно. Можно, конечно, рискнуть, выскочить на улицу, вступить в бой, но кто поручится, что при этом не пострадает Галя? Так думаю я и вслушиваюсь в ночную тишину. Ночь действительно тиха. Идет время, трудно сказать, то ли пять минут, то ли пять часов стою я так, держа палец на спусковом крючке.

Галя трогает меня за рукав, шепчет:

— Господи, Матка Боска, что это, а?

— Пробьемся, — стараюсь быть бодрее, так же тихо отвечаю я. — Начнется стрельба — наши услышат, прибегут. Ты только укройся куда-нибудь, иди все-таки за печку.

Вместо этого Галя прильнула к моей руке.

Опять послышался треск стекла под чьими-то ногами. Начинается, подумал я.

— Лейтенант? Береснев? — знакомый голос действует на меня так расслабля-

юще, что сами собой подгибаются колени. Мог бы и на пол сесть, если бы не опирался о стенку и не было рядом Гали. Открываю дверь, впускаю в комнату майора Нечепурного.

— Зажгите свет, — просит он, и я слышу смех в его голосе. — Что в темноте сидите, голубки?

Я иду по ночной дорожке с Нечепурным, радуюсь, что в темноте не видно, как горят мои уши, и, слушая собеседника, начинаю понимать, что же произошло.

Когда я сидел за столом у учительницы, к ее дому подошла соседка: покалякать перед сном. Проходила мимо окна, увидела через занавеску силуэт мужчины, потом и голос услышала. Ну, женщина есть женщина — любопытство превыше всего. Она попятилась, чтобы все лучше видеть, наступила на стекло, сама перелупалась, взмахнула руками и сбила со штатетника глиняный кувшин. Именно после этого я погасил свет, разбил подушкой окно, клацнул щеколдой двери. Бедная соседка от всех моих действий едва не потеряла сознание, не помня себя прибежала к Нечепурному: "Там Галя Гребень убивают!"

— Надо теперь как-то решать вопрос о том, чтоб женщина эта не разболтала то, что не надо, по всему селу. А то каждый по сто версий сочинит: кто к Галине Михайловне на ночь наведывался да зачем... Ладно, это уладим. А тебя, лейтенант, поздравляю с боевым крещением.

Он опять незлобиво рассмеялся и легонько толкнул меня в плечо:

— Не переживай, Береснев. На войне — и то всяко случалось. А тактически ты сделал все верно, Борин бы тебя похвалил. Только будь он на твоём месте, он одну бы ошибочку твою все же исправил. Вареники бы съест успел, пока они не остыли.

ЕФРЕЙТОР БОРИН в гарнизоне личность. Хозяйственнейший мужик. Костер без спичек разжигает, ржавому гвоздю, найденному в пыли, применение найдет, все травы и ягоды знает, с закрытыми глазами точно стреляет на звук... Три года воевал, награжден двумя орденами, медалей побольше. С виду медлительный, спокойнейший, добродушнейший человек. Не боец, а передодетый в военную форму хуторянин-единоличник, в меру прижимистый и хитрый.

Я служу здесь недавно, на серьезных операциях еще не был, но прибыл в гарнизон как раз после того, как бойцы участвовали в очередном бою. В одном из домов, на чердаке, засели бандеровцы, их оттуда выбивали, выбили-таки, но при этом двое наших получили серьезные ранения: Симонян и Кандыбин. Оба подобралась под огнем незамеченными к дому, Симонян швырнул на чердак гранату, но бандиты успели отправить ее назад, и она рванула возле бойцов.

Разговор Борина с ранеными состо-

ялся уже при мне. Те, забинтованные, грелись на солнышке, ожидая отправки в госпиталь, а ефрейтор сердито бурчал:

— Ты дурак, Кандыбин, не обижайся, конечно. Я же учил тебя, как надо в таких случаях гранаты бросать. Вырви чеку, выдержи секунды три-четыре, а потом и делай свое дело.

— Да не я же ее бросал — Симонян, — жалостливым голосом оправдывался боец. Борин взглянул на Самвела, лежавшего с закрытыми глазами: тот то ли уснул, то ли сделал вид, чтоб не связываться в разговоре с ефрейтором.

— Так я же и его учил. Ладно, когда очухается, передашь ему, что это он дурак.

Тех бандитов на чердаке уничтожил Борин, швырнув туда подряд три гранаты. Естественно, выдержав свои знаменитые паузы в три-четыре секунды.

И вот наконец дождался я участия в первой боевой операции. В зону нашего сплошного блокирования, кажется, попала банда Короля, немногочисленная, но хорошо вооруженная, нападавшая на машины, подводы, сжигавшая дома совслужащих вместе с людьми, не щадя при этом даже детей. На указанный рубеж мы выдвинулись в пятом часу утра.

Все виды войсковых нарядов до вечера сработали вхолостую. Последней вернулась РПГ — разведывательно-поисковая группа. В ее составе был и ефрейтор Борин.

— Времени малость не хватило, — сказал он мне. — Я уже чуял, что мы рядом с ними, кое-какие следы засек. Да темнеть начало.

В ночных условиях поиск вооруженных бандитов производить запрещалось, и солдаты, высвободившиеся из РПГ, усилили наш рубеж блокирования.

Борин начал на всех ворчать, но на него, как я заметил, никто не обижался. Сначала он придрался к Печникову: тот грыз выданный нам сахар.

— Чего не вовремя достал его?

— А я ужин и несладким чаем могу запит.

— Так сахар не для того тебе даден, чтоб сладкий чай пить. Ты в самую темную полночь возьми пару кусочков, пососи не спеша и будешь все видеть, как кошка, понял? И слух опять же обострится.

— Гриня, — обратился к нему тоже пожилой уже боец Федорив. — А вот что ты посоветуешь тем, кому курить хочется до зарезу, а? Ты ж меня знаешь, как мне ни запрещай, а я ночью хоть в рукав, а сигарку выкурю.

— Есть надежный способ, — и Борин подошел к говорившему. — Что куришь?

— А что придется. Сегодня, к примеру, есть полпачки этих вот папирос.

— Ну-ка, дай взглянуть, — Борин взял папиросы и сунул их себе в карман. — Считай, Федорив, что я тебе помог: не задымишь до утра.

Все расхохотались. Я подошел к Борину, спросил:

— А что насчет сахара? Правда, после него видеть лучше начинаешь?

— Конечно, товарищ лейтенант. А то еще можно в фонарике красный фильтр поставить и с минуту смотреть через него на горящую лампочку. Очень даже помогает... Товарищ лейтенант, пока окончательно не стемнело, давайте один фокус сделаем, а? Дайте разрешение нам с ребятами сушняку набрать. Не на костер, не бойтесь, никакого огня не будет.

Сухие ломкие ветки понадобились Борину для других целей: разбросать их по близлежащим лесным тропам.

— Тогда мы подождем врага если и не увидим, то услышим — это точно.

Бойцы управились быстро, но, когда вернулись, над лесом уже висела непроглядная беззвездная ночь. Борин продолжал ворчать, но теперь он уже ругал себя:

— Не успел перепроверить, как все сделали.

— Да брось ты, Гриня, — успокоил его тот же Федорив. — Сушняк разбросать — тут же большого ума не надо, это так же просто, как и курево у друга обманым путем выдурить.

— Не скажи, — не согласился ефрейтор. — Справа от нас все нормально: там береза, сосна растет, дубы попадают.

— Ну и что?

— А то. Лично я бы не удивился, если бы и сам там на такую вот хлопущую наступил. — Он хрустнул веткой. — А слева — орешник молодой. И дурак сообразит, что там сучьям неоткуда взяться. А умный смекнет, что неспроста они тут разбросаны... Ребята, на тропях в орешнике никто не бросал сушняк?

— Гриня, я там... это... охапку целую... Звонкие такие ветки попались.

— Дурак ты звонкий, Федорив, — вновь употребил свое любимое ругательство Борин. — Впрочем, нет, дурак бы сообразил...

— Да ладно тебе! Ты что же думаешь, Король из всех троп именно эту выберет, в орешнике?

— Чаще всего так и получается: рвется там, где тонко.

Борин как в воду глядел: в третьем часу ночи именно со стороны орешника раздались три сухих щелчка. Мы приготовились как следует встретить лесных гостей, но напрасно: "музыка" больше не повторялась. Едва рассвело, Борин и рядовой Савченко, один из лучших наших следопытов, пошли, как они высказались, проверить капканы. Вернулись и сообщили: бандитов было четверо или пятеро. Без сомнения, именно сушняк их и насторожил: они сошли с тропы, потоптались, видно, совещаясь, и ушли в глубь леса.

Когда утром прибыл к нам комбат и услышал все, что произошло, он, вопреки моим ожиданиям, остался доволен:

— Еще неизвестно, как бы ночной бой закончился. А с "музыкой" хорошо придумали, молодцы. Враг теперь — как

волк в красных флажках, мечется, осторожность теряет. Наш "секрет", в тридцать четвертой секции обнаружил троих боевиков, все были в форме сотрудников НКВД, но грязные, заросшие... Здорово мы им на хвост сели: даже побриться у них нет возможности. Вы поведете поиск в двадцатой секции...

ДВАДЦАТАЯ СЕКЦИЯ — сложная. Густой кустарник, где не то что след — спрятавшегося человека в метре от себя не разглядишь. Поисковая цепь ежесекундно рискует напороться на кинжальный огонь. Таких участков в лесу много, и именно в них днем скорее всего могут отлеживаться бандиты. Вообще-то подобные операции всегда проводятся без лишнего шума. Но сейчас цепь дает короткие очереди — по три-пять патронов — и только тогда внимательно и осторожно движется по намеченному азимуту. На правом фланге что-то нашел рядовой Калесник: подает сигнал. Подхожу. Истоптанный пятячок земли, пустая фляга из-под ружейного масла, грязная ветошь, мятые листья: видно, ими протирали руки.

— Вчера вечером они здесь были, — заключает Борин.

— Свистишь, Гриша, — недоверчиво качает головой Калесник. — По фляге с маслом это не определишь. И по следам: тут земля все время влажная, болотистая.

Борин пожимает плечами:

— Не веришь мне — спроси у товарища лейтенанта.

Я до боли в глазах всматриваюсь в место, где была лежка бандитов. Потом перевожу свой растерянный взгляд на Борина и вижу, что ефрейтор рассматривает перепачканные маслом листья, содранные с березы. Ну конечно же!

— Листья не успели завянуть, — говорю я Калеснику.

— Ну и что? Если не успели, так, может, бандиты всего час назад здесь оружие чистили?

— Нет. Все росой покрыто, а роса выпадает ночью, — отвечает Борин. — Тут они где-то.

Мы опять простреливаем участок. Метрах в двадцати пяти впереди вскакивает ужаленный слепыми пулями человек. Тут же грохочут уже прицельные выстрелы...

Убитый — мой ровесник. Левую щеку перечеркивает недавняя рана, нет мочки уха. Я тоже в него стрелял. Господи, что же это делается! Я убил человека. Впервые. Он лежит и раскрытыми глазами смотрит на меня, одна рука за спиной, будто прячет в ней что-то.

Федорив носком сапога переворачивает убитого, выдергивает из его руки пистолет. Мне почему-то хочется крикнуть на Федорива, будто он передо мной виноват, что вот так, сапогом...

Идем дальше. Густой высокий папоротник под ногами. Такой густой и высокий, что можно запросто не заметить того, кто хотел бы затаиться, к приме-

ру, между мной и Бориним, идущим метрах в семи справа.

Замечаю.

Как это ни странно, но я вижу не человека, а маленький черный ствол, направленный мне в глаза. Падаю и стреляю не целясь, почти себе под ноги стреляю, и не испытываю никакого волнения, и почему-то думаю о Федориве: зачем же он так, сапогом?..

Этот, второй убитый, так и не успевший выпустить в меня пулю, — лет сорока. Грязные, неухоженные волосы, щетина на лице, как у кабана. То ли желанная, то ли сил нет у меня, чтобы смотреть на него?

Цепь опять посылает короткие очереди по высокой траве, по кустарникам. Это похоже на охоту, ловлю я себя на мысли, и становится сухо во рту. На занятиях по тактике было все иначе: мел и доска, условные обозначения.

Я понимаю, почему этот сорокалетний не стрелял в меня: он надеялся, что я не замечу его, пройду мимо — это был его шанс остаться в живых, затаиться, а потом уйти. Я понимаю это.

Но вдруг он тоже впервые?..

В кармане у меня остался кусочек сахара. Я бросаю его в рот. Не для того, чтобы улучшить слух или зрение. Чтобы сбить тошноту.

Все это похоже на охоту.

В тот же день к вечеру подвели предварительные итоги операции. Банда Короля практически уничтожена. Обнаружены четыре схрона, автоматы, ящики с патронами, взрывчатка.

— Двое захвачены, семеро убиты, — говорит командир части. — Среди них — сам Король и его первый помощник Белый, эта зараза, эта гадина... Его уложили бойцы лейтенанта Береснева.

— Белый — это кто? — спрашиваю я Борина. — Я о нем ничего не слышал.

— И слава Богу, товарищ лейтенант. Хорошо, что вы о многом не слышали. Я бы тоже хотел многое не слышать. Белый — это... Месяц назад в деревне, неподалеку отсюда, семью офицера вырезали. Он с фронта вернулся инвалидом, колхоз принялся воссоздавать. Две дочери у него, одной одиннадцать, другой тринадцать. Белый их насильничал, потом финкой животы... Я сам видел это. И в другой деревне, прямо на улице, на людях, он также над девочкой издевался. Бандиты людей на мушках держали, а он... И еще...

— Это тот, пожилой? — спрашиваю я.

— Нет, который со шрамом, помоложе. Выродок. Хуже зверя.

Я стою на крыльце и смотрю, как мои бойцы чистят оружие. Отыскиваю взглядом Федорива. Тот уже собирает автомат. "Все нормально, Федорив, все нормально", — говорю я, не разжимая губ.

МЕНЯ ЗАЧЕМ-ТО захотела увидеть Галя, Галина Михайловна Гребень. Передала записку через одного из своих учеников, и вот уже я, словно совершенно случайно встретив ее на улице, вслушиваюсь в быстрые

слова, сказанные вместо обычного обмена приветствиями. Минута — и мы разошлись.

Я пересказываю наш разговор майору Нечепурному. Значит, так. На традиционном чаепитии у учительницы одна девочка пожаловалась другой: приходил к ним ночью гость, разговаривал с отцом, просил оказать какую-то помощь, и если, мол, тот помогать откажется или заявит военным, жестоко поплатится за это. «Ты Комара знаешь!», — сказал на прощание. Девочка не спала и все это подслушала, ухитрилась даже мельком увидеть непрошеного гостя: высокий, худой, лицо длинное и на одной щеке вытатуированное пятно.

Вот такая информация.

— Комар, — задумчиво говорит Нечепурной, шуря глаза. Потом бросает на меня удивленный взгляд и отвечает на вопрос, видно, мысленно заданный самому же себе. — А почему бы и нет?! Их там хорошо погоняли... Он, он. И родинка.

Начинает рассказывать теперь так, чтобы понял я. Жил тут на селе такой головорез — Семен Грабец, а кличка у него была — Комар. Пьянствовал, воровал, дрался — это до войны. В войну к немцам пошел служить, но и в полиции не задержался: спер у начальника золотой портсигар, еще кое-что. Убежал из этих мест, объявился под Львовом, уже как предводитель шайки. Кроме грабежей, появился у него вкус к убийствам. Даже если с пальца жертвы легко снималось кольцо, он все равно рубил пальцы. Цепочки снимал с обезглавленных шей.

В последнее время под Львовом наши войска провели ряд успешных операций, и банды, как тараканы, начали разбегаться. Вполне может быть, что вернулся в родные места и Грабец, он же Комар.

Родители его еще живы, обоим под восемьдесят, живут в хорошем большом доме, под домом — подвал. «Бывал я там однажды, когда у старика самодонный аппарат изымал, — говорит Нечепурной. — Просторно там и еды полно. Грабцы, они не из бедных».

В тактическом плане дом Грабца стоит замечательно: в отдалении от улицы, на пустыре, садом смыкаясь с другим подворьем, где в землянке живут лишь древние старик со старухой. За домами этими редкий перелесок, где и зайцу трудно спрятаться, дальше — поле, речка... В общем, если Комар укрывается у родителей, то ему от нас не уйти. Правда, по всем вышеперечисленным причинам трудно установить за домом Грабцов контроль, такой, чтоб не засветиться. Поселиться у соседей — исключено: те люди очень набожные, у них там вроде молельни, почти каждый вечер такие же старики собираются.

ПОКА РЕШАЛИ, как лучше поступить, вмешался его величество случай. С операции возвращалась разведывательно-поисковая группа, и по дороге солдаты решили испытать воды

из колодца Грабцов. Остановились у калитки, а сержант вошел во двор, направился к крыльцу поговорить с хозяйками. И тут раздался выстрел. Сержант упал с простреленной головой. Солдаты не успели сообщить что к чему, как автоматная очередь заставила их броситься на землю.

Через считанные минуты я стоял уже у дома Грабцов. Тут же был и майор Нечепурной. Он выслушал бойцов, попавших под обстрел, поделился со мной своими соображениями:

— Комар скорее всего решил, что его выследили и пришли брать, иначе он бы не открывал огня. Солдаты утверждают, что следили за домом внимательно, никто оттуда не выбегал. Я им верю: местность-то как на ладони, и у Комара нет желания в живую мишень превращаться... Что ж, будем брать его в берлоге. Скорее всего, в подвале он засел. Надо быть повнимательней: и кадки пересмотреть, и картофель переворошить — мог там закопаться.

Последовала его громкая команда: покинуть всем дом, оружие бросать у крыльца, во двор выходить с поднятыми руками. Через полминуты дверь дома открылась, вышли старые Грабцы — отец и мать Семена. С их слов стало ясно, что Нечепурной был близок к истине. Ошибся лишь в том, что сержант убил не сам Комар, а его дружок, Сиплый.

— Где они, на чердаке, в подвале? — спросил я.

Старик покачал головой:

— Нет, они убежали. Не знаю, в какую сторону, не видел. Мы со старухой у печи сидели, когда стрельба поднялась. Потом все стихло, я в коридор вышел — никого уже нет. На чердак у меня дверь на замке, не могли они туда подняться.

— А подвал?

— Нет их там.

— Проверим. — И к солдатам: — Нука, приготовьте на всякий случай пару гранат.

Мы обшарили весь дом, даже стены простукивали, но Комара и его сообщника не нашли. Неужто бойцы, напуганные автоматной очередью, не уследили, как через чистое поле бежали к далекому лесу бандиты? Впрочем, почему к лесу? Они могли выскочить в сад и меж деревьями пробраться к соседнему дому — землянке богомольных стариков.

Я взглянул в ту сторону и увидел, что в том дворе слишком уж много собралось народу: старики в черных платках, старики стояли на крыльце, расхаживали возле стен. Спросил у Грабца: в чем, мол, дело? Оказывается, умер хозяин, скоро состоится отпевание, уже и батюшка пришел. Естественно, входить сейчас в этот дом с обыском было бы не просто бестактно, но и политически ошибочно: нарушив религиозный обряд, мы бы проиграли в глазах сельчан. К тому же не было никаких гарантий, что Комара и Сиплого мы найдем в этой землянке, хотя солдаты в один

голос говорили: бандиты действительно могли уйти только этим маршрутом.

Оставалось одно — ждать. Ждать, когда покойника из дома понесут на кладбище, и тогда или в опустевшем доме, или среди толпы сопровождающих гроб — и на такую хитрость враг способен — отыскать нужных нам людей. Приметы Комара мы знали, а о Сиплом расспросили Грабца. Оказалось, тот был худой, сутулый, но при сутулости своей очень высокий, лицо побито оспинами, нос длинный, обезображенный переломом, губы бескровные, тонкие.

Целый час, стараясь не мозолить людям глаза, ходили мы по подворью и саду Грабца и все прикидывали: как еще могли уйти беглецы? И каждый раз приходили к такому заключению: не было у них другого пути.

Наконец траурная процессия покинула дом. Издали было видно, как широко зашагал через двор священник, как едва поспевали за ним те, кто нес крышку и сам гроб. Теперь войсковому наряду нужно войти и обыскать опустевшее помещение, а другим воинам последовать с сельчанами в сторону кладбища, повнимательней взглянуть в лица стариков.

... Вот уже и ограда, и холмики с крестами, и свежеврытая яма. Скоро люди будут расходиться, а мы так и не нашли тех, кого ищем. И обыск в доме, кажется, ничего не дает: мне видно, как по двору в растерянности прошелся сержант Гусятников, потом опять зашел в открытые двери землянки. Выходит, упустили мы бандитов.

Но вот один из воинов войскового наряда, вижу, спешит по дороге сюда, к кладбищу. Докладывает:

— Товарищ лейтенант, мужика мы интересного нашли. Не прятался, спал прямо на лежанке. Вусмерть пьяный.

— Какой он из себя? — спрашиваю я.

— Приметы?
— Не похож на наших, совсем не похож. Ни родимых пятен, ни большого носа. Среднего роста, толстенький, пальцы, как у женщины, белые, пухленькие. Не добудились мы его. Он только глазками иногда поморгает — и опять засыпает, ни слова сказать не может.

Черт с ним, с пьяницей, думаю я про себя, не о нем сейчас должна голова болеть.

— Пальцы, говоришь, женские? — спрашивает солдат Нечепурной. — А еще у него что-нибудь особое есть, у алкаша вашего? Во что одет, обуто?

Солдат ухмыльнулся:

— Гольи он, товарищ майор. Трусы — и больше ничего на нем нет. Как он при людях там лежал — непонятно. С виду вроде человек порядочный, чистый, борода ухоженная, большая такая...

Стоп!

Я смотрю на священника. Коротка на нем ряса, до неприличия коротка. И чего-то суетится он у могилы, вроде как не знает, что ему делать. Вот он замер,

завертел головой. Наши глаза встретились...

Комар бежал к пролому в кладбищенской стене, вряд ли уже и сам надеясь, что уйдет если не от быстроногих солдат, то от пули. Его взяли прямо у забора.

У Сиплого нервишки вообще оказались ни к черту. Мало того, что он несколькими часами раньше обнаружил себя выстрелами, так и сейчас не выдержал. Переодетый в сгорбленную, опирающуюся на клюку старуху, чье лицо по глаза было замотано платком, он, видя, как преследуют Комара, заревел басом и помчался среди оградок, не глядя стреляя через плечо. Вскрикнул кто-то из тех, кто стоял у могилы. Воины открыли ответный огонь...

Из допроса Комара, то бишь Семена Грабца, мы поняли, что произошло в доме их соседей. Да, бандитам удалось-таки незамеченными выбежать в сад, пробраться к соседям. Там они, припугнув женщин и стариков, — мол, всех перестреляем, — ударом в затылок оглушили батюшку, раздели его, затем силой заставили выпить бутылку самогона, опять ударили...

— Не понимаю, — делился я своими мыслями с майором Нечепурным. — Какие же они националисты — Комар да Сиплый? Бандюги отпетые. Творить такое в доме, где лежит покойник, — это кощунство! Почему находят такие, кто их поддерживает? Почему, когда Грабец-младший тут появился, никто не пришел к нам и не заявил на него, а?

— Будь точнее в определениях, лейтенант, — ответил майор. — Бояться — вовсе не значит, что поддерживают. Ты немного тут служишь, не видел еще, на что бандиты способны. Я на фронте бывал — и то иногда волосы шевелятся, когда приходится видеть, что они делают с людьми. Вот и цепенеют те от страха, не столько за себя, сколько за близких, за детей. И получается так, как говаривал мой фронтовой комбат. Карты он перед собой разложит, усадит рядом штабиста, разведку и — им: "Давайте разгонять полуденный туман.". Это когда вроде все ясно, но есть куча неопределенностей.

— Но здесь-то все ясно: мы воюем с бандитами...

— Ясно, — сказал он и почему-то грустно улыбнулся. — Ладно, хватит об этом, Береснев. Мы солдаты, и нам с тобой надо делать конкретное дело, так? Что нас тревожит на этот час?

— В деревне, в пятнадцати километрах отсюда, сожжен сельсовет. В тот же день, то есть вчера, в собственной бане сгорела семья партийного активиста. Кто-то снаружи подпер дверь. А вечером запылал мост через речку. Есть сведения, что все это — дело банды Мовчана. Схроны его примерно вот здесь...

Мы склоняемся над картой и набрасываем план будущей операции...

Владимир ПУГАЧЕВ

Рядовым пулеметчиком принимал участие в боях за Кавказ, освобождение Кубани Владимир Николаевич Пугачев, затем лейтенантом поднимал бойцов в атаки у Вислы и Одера, под Берлином и Прагой. Был трижды ранен. Уже после войны без малого два десятилетия прослужил во внутренних войсках, подполковник в отставке.

Много тяжелейших испытаний выпало на долю этого человека, терявшего фронтовых друзей, благословившего на подвиг единственного сына, погибшего в огне Афганистана.

"ЗДЕСЬ НИ О ЧЕМ РАССПРАШИВАТЬ НЕ НАДО..."

На холме славы

Разносит вешний ветер запах мяты.
Склонились скорбно ивы до земли.
Здесь вечным сном покоятся солдаты,
Что на пути к Победе полегли.

За строгим обрамлением ограды —
Шеренги монолитных серых плит.
Здесь ни о чем расспрашивать
не надо —
Суровой правды не таит гранит.

На фронтовой дороге

Я часто день тот вспоминаю:
Война катилась на восток;
Полку дорогу уступая,
Тянулся беженцев поток.

Повозки, тачки, вьюки, лица —
В глазах смешалось все в одно.
Но двум потокам встречным
слиться
Войною не было дано.

И вдруг пред нами, как виденье,
Предстал девчонки строгий лик:

В глазах — тревога и сомненье,
А на губах — безмолвный крик.

Она шагала по дороге
С подводой рядом налегке.
И только узелок убогий
Качался в слабенькой руке.

Как звать и сколько лет от роду?
Откуда держит путь она?
В какую даль ее подводу
Влечит зловещая война?

В иное время дружным хором
Мы задали б вопросы те.
Но было не до разговоров
При несусветной суете.

Народ спасался от неволи,
Нас в пекло боя вел приказ.
Не это ль добавляло боли
Тревожным взорам встречных глаз?

...Давно военные дороги
Остались в дальнем далеке.
А я тот узелок убогий
Все вижу в худенькой руке.

В рукопашной

Не верю сам тому, что я — живой.
Страшней, чем эта, не знавал я
драку.

Рванулись мы отчаянно в атаку,
Оставив свой рубеж передовой.
Должно быть, даже и чертям в аду
Вовек ничто подобное не снилось:
Земная твердь вздымалась

и дымилась,
Свинец и сталь секли нас на ходу.
И вот уже нейтралка за спиной,
Теперь все дело только за расплатой.
Штыком, прикладом,

каскай и лопатой —
Дрались мы всем, что было под рукой.
Враги бежали. Те, что уцелели.
Легла на поле боя тишина.
Я по рассказам знал — страшна война.
Но во сто крат страшней она на деле.

Баллада о комбате

Бой затянулся. Громыхали пушки,
Чадил изрытый бомбами лесок.
У неприметной польской деревушки
Наш батальон на черный снег залег.

Дышала смертью дымная округа.
Стучал по каскам раскаленный град.
Нам приходилось туго, очень туго.
Но в этот миг поднялся наш комбат.

— Вперед, сынки! За мной!
И за комбатом,
Как будто впрямь он был отец родной,
Мы все рванулись в зарево заката,
Чтоб завершить скорее этот бой...

А поутру, когда заря вставала,
Наш строй оставил польское сельцо.
Березовая роща догорала
И теплым пеплом сыпала в лицо.

Мы задержались у последней хаты,
Запомнив свежий холмик у стены,
Где схоронили своего комбата
В час фронтовой недолгой тишины.

В медсанбате

Очнулся я в палатке медсанбата,
Услышав сердца собственного стук.
Кровавые веснушки на халате
Перед глазами промелькнули вдруг.

Горела рана. Тело боль терзала.
Качался лампы яркий огонек.

— Терпи, сыночек, —
врач-хирург сказала. —
Достанем пулю. Потерпи чуток.

Был нежным голос, а глаза грустили.
Далеко где-то шел на убыль бой.
И я на миг всех матерей России
В одном лице увидел пред собой.

На запад

Мы наступаем. Но печален
Победный путь... Врага следы —
Безлюдье, горький дым развалин,
Испепеленные сады.

Здесь, у обуглившейся хаты,
Над мертвым сыном плачет мать.
И мы как будто виноваты
В том, что селом, обратно взятым,
Живыми довелось шагать.

Мы знали: и из нас по многим
Придется плакать матерям...
Но нет у нас иной дороги,
Чем эта, выпавшая нам.

* * *

Давай, солдат, сыпни махорки мне.
Пока не громыхает гром орудий,
Покурим мы с тобою в тишине,
Как истинные фронтовые люди.
Бой позади. Кто жив, кого уж нет...
А мы все курим — благо есть кисет.
Оставим грусть о павших на потом,
Ну а пока... утешимся дымком.
Ты слышишь

дальний «мессершмиттов» вой?
Не торопись бросать окурочек свой.
Кури за тех, кого уж нет в живых...
Теперь нам и сражаться — за троих.

* * *

Нет, не забыли мы тех дней далеких!
Но все скупей судьба
на радость встреч.
Однополчан, как пули, косят сроки —
И не прикрыть друзей, не уберечь.

Но оживут, из памяти возникнут
Бои былые и былые дни...
Знамена в скорбный час
безмолвно никнут,
Но к небу рвутся Вечные огни.

Дороти Л. СЕЙЕРС

УБЕ ТЕЛО?

Роман

Глава 5

МИСТЕР Чарльз Паркер был холостяком, он занимал неудобную квартиру номер 12 "а", по Грейт Ормонд-стрит, за которую платил один фунт в неделю. Жил на скромную зарплату, не имея ни семейных драгоценностей, ни наследства. На этот раз Паркер проснулся от сильного запаха подгоревшей овсяной каши.

Раздался телефонный звонок, и детектив, выпрыгнув из кровати, помчался в столовую, где хозяйничала приходящая служанка миссис Муннис. К этому времени она уже накрыла на стол и кашлянула, давая понять, что уходит.

По телефону с ним заговорил мистер Бантер:

— Мой хозяин был бы очень рад, если бы вы с ним позавтракали.

И хотя, к сожалению, запах почек и бекона нельзя почувствовать по телефону, Паркер бойко отозвался:

— Передайте лорду, что я буду через полчаса.

Он нырнул в ванную, по дороге сообщил миссис Муннис, что не сумеет позавтракать дома:

— Можете забрать овсянку себе домой!

Девятнадцатый автобус доставил Паркера на Пиккадилли на пятнадцать минут позднее, чем он рассчитывал, и мистер Бантер уже подал свой несравненный кофе. Откуда-то издали слышалась музыка. Вимси предстал перед гостем чрезвычайно бодрым, в пестром, скорее даже попугаистом, халате.

— Доброе утро, друг мой! Зверская погода, не так ли? Очень хорошо, что вы пожаловали. У меня есть письмецо, которое надо бы вам посмотреть. А к вам, признаться, мне добираться было страшно лень.

— Что за письмо? — спросил Паркер.

— Не разговаривайте о делах с полным ртом, — усмехнулся лорд.

— Что этим утром мне нужно прочесть, Бантер?

— В "Морнинг пост" есть объявление о продаже коллекций лорда Эрита. А кроме того, советую вам просмотреть обзор новой книги

Фреке "Физиологические основы науки". И в "Кроникл", статейка о краже со взломом.

— Хорошо, дайте мне все это, — сказал лорд.

Минуту длилось молчание, слышался только шелест газет.

— Вижу, они прервали дознание, — заметил Паркер.

— Ничего еще не сделано, но леди Леви приехала прошлой ночью и должна будет для инспектора Сага опознать тело.

— Время не ждет, — проговорил Паркер.

Опять наступила тишина.

— Некогда мне думать о краже со взломом, Паркер. Возможно, это интересно, но нет поэзии. Где "Морнинг пост"? Давайте с завтраком кончать, я бы не прочь поработать. Узнали вчера что-нибудь новенькое?

— Нет, — ответил Паркер. — "Вынюхивал", внизу и наверху во всех квартирах, притворялся рабочим-газовщиком, но ничего не узнал, только служанка из квартиры наверху сказала, будто она слышала удары по крыше однажды ночью, но когда точно — ответить не могла. Однако утверждала, что звуки доносились именно с крыши, а наутро у них валялась на полу картина, которая упала от сотрясения ночью. Очень догадливая, разбитная девица. Видел знакомых вам мистера и миссис Эплидор, которые приняли меня весьма холодно, ничего не могли сказать определенного о Типсах, кроме того, что коротышка архитектор однажды заскочил к ним без приглашения с памфлетом на рьяных защитников живой природы.

Полковник из Индии, что с первого этажа, человек громкоголосый, оказался на редкость дружелюбным. Он угостил меня индийской приправой и хорошим виски, но, как и чета Эплидор, ничего толком сказать не мог.

— Что-нибудь еще нашлось в доме Леви?

— Только личный дневник финансиста, заполнявшийся ежедневно. Вот он. Там нет ничего особенного. Вот последние записи: "Том и Анна отобедали; день рождения моей дорогой супруги, подарил ей в честь ангела старинное кольцо с опалом; к чаю пожаловал мистер Арбатнот, он намеревается жениться на Рахили, но мы бы хотели другого жениха". Очевидно, Леви писал это ночью, так как за понедельник записи отсутствуют.

— А по-моему, хорошая информация, — заметил лорд Петер, переворачивая страницы. — Бедняга, теперь я совсем не уверен, что с ним покончили. — И он в подробностях рассказал мистеру Паркеру о своей работе за день.

— Арбатнот? — переспросил Паркер.

— Имеется ли у него дневник?

— Думаю, да. Я охотился за ним, потому что Арбатнот любит вертеться

около фондовой биржи. Что касается Миллигана, то он выглядит весьма впечатляюще, но мне кажется, что это безжалостный, неразборчивый делец и к тому же непредсказуем... А теперь взгляните вот на это.

На хорошей бумаге был напечатан адрес адвокатской конторы в Солсбери. Написано очень кратко в манере старинных дельцов.

Паркер взял письмо и прочел:

"Кримплшем и Викс,

адвокаты,

Милфорд Хилл Солсбери

17 ноября 19..."

Сэр, ссылаясь на Ваше объявление в сегодняшней "Таймс", о находке пенсне и цепочки, хочу надеяться, что они мои, так как потерял их в поезде во время поездки в Лондон в понедельник. Я уехал из Виктории поездом в 5.45 и не заметил пропажи до приезда в Болгем. Это особые стекла, которые я вложу в пакет для опознания; даю гарантию в своих честных намерениях. Если они действительно мои, то буду Вам очень обязан, если Вы вышлете их мне по почте, так как цепочку подарила мне дочь, и я считаю ее самой большой драгоценностью.

Благодарю заранее за доброту и сожалею о неприятностях, которые доставил.

Преданный Вам Кримплшем".

— Это действительно интересно, — проговорил Паркер.

— Одно из двух: или этот Кримплшем — нахальный, хитрый злодей, или очки не те. Они, наверное, в Ярде. Надо сейчас звонить туда и попросить, чтобы описали оптику.

— Так и сделаем, — согласился Паркер и взял за трубку.

— А потом зайдем на минутку в библиотеку...

На столе лорд Петер разложил фотографии отпечатков пальцев.

— Их можно разделить на пять частей.

А. Отпечатки самого Леви на записной книжке, на щетке для волос. Ошибки здесь быть не может, на большом пальце виден маленький шрам.

В. Следы, оставленные человеком в перчатках, который спал в комнате Леви в понедельник ночью. Они ясно видны на бутылке с водой, на ботинках хозяина спальни. Я даже сделал вывод, что перчатки были резиновые и недавно намочены в воде. Еще интересный момент. Как нам известно, Леви вышел из дому в дождь поздно вечером в понедельник. Отсюда эти темные следы разбрызганной грязи. На левом ботинке есть отпечатки незнакомца. Они позволяют заключить, что тот явился в Парк Лейн в ботинках Леви в экипаже или на машине, а часть пути прошел пешком, угодил в лужу, поэтому выпачкал обувь. Что скажете на это?

— Прекрасно, хотя немного запута-

но, — ответил Паркер. — Но мне бы хотелось, чтобы отпечатков пальцев было больше.

— А меня как раз это не очень волнует.

С. Отпечатки, “любезно”, оставленные самим злодеем на краю ванны Типса, где как раз вы и заметили их, а я как-то проглядел. По вашему мнению, есть отпечатки ладони и пальцев левой руки, но нет кончиков пальцев, будто преступник оперся на край ванны и наклонился, прилаживая что-то на дне ее, пенсне, может быть. На перчатках нет никаких швов, что заметно по следам, они, как мы оба решили, по-видимому, резиновые.

Е. и Д. рассмотрим вместе. Это отпечатки большого пальца мистера Миллигана, которые найдены на жвачке, и следы рыжих волос его секретаря, обнаруженные на визитной карточке. Я ее схватил со стола, когда уходил. Вот и все, Паркер, что мы с Бантером успели расследовать за эти несколько часов. Теперь вопрос в том, тождественны ли находки В и С, а Е и Д идентичны ли В.

Паркер сомнительно покачал головой:

— Почему второй и третий факторы должны совпадать? Они тождественны только в том случае, если мужчина в ванне — это Леви, как думает инспектор Саг, но мы-то с вами не разделяем его мнения. Смешно полагать, что один и тот же человек был нанят для совершения убийства одновременно и на Баттерси, и в Парк Лейн.

— Пожалуй, — согласился лорд Вимси, — хотя не надо забывать, что Леви был и на Баттерси в это время. Теперь мы знаем и то, что он не вернулся домой к двенадцати часам, как полагали раньше. А возможно, он и вообще не уходил с Баттерси.

— Что верно, то верно. К тому же, разумеется, есть места и попривлекательней ванной Типса.

— Давайте размышлять поактивней, а вдруг до чего-то и дойдем. — Лорд откинулся на спинку кресла и закурил. — Хвала небесам, что Саг так меня ненавидит, не замечает, не предаст мои действия никакой огласке. Слышите звонок? Я жду вестей из Скотланд-Ярда.

Лорд не ошибся. В сообщении полиции говорилось об особенностях оптики мистера Кримпшема: линзы очень сильные, для каждого глаза своя.

— Ну что ж, неплохо, — оживился Паркер.

— Согласен, — подтвердил Вимси. — Скорее всего, мы имеем дело с недоразумением.

— Но, как бы то ни было, ниточка тянется в Солсбери, — заметил Паркер.

— По-видимому, так, — согласился лорд Петер.

— Почему бы мне не приняться за это

дело? — как-то нерешительно выдавил детектив.

— Вздор! — оборвал его лорд. — Когда, кстати, удобный поезд в Солсбери, Бантер?

— В десять пятьдесят, милорд.

— Приготовьте все, пожалуйста, чтобы успеть на него, — распорядился сэр Петер, снимая купальный халат и швыряя его в спальню. — А вы, Паркер, по возможности займитесь секретарем Леви и разузнайте поподробней о перуанской нефти.

ЛОРД ПЕТЕР взял с собой в поезд в качестве легкого чтива дневник сэра Рубена Леви, который был прост, а в свете последних событий и довольно трогателен. Смелый биржевой делец, который мог одним кивком заставить других танцевать под свою дудку, в частной жизни слыл добрым, хорошим семьянином, самодовольным, состоятельным, но немного скучным. Экономный до скупости, отказывающий во многом себе, он покупал экстравагантные вещи дочери и жене. Незначительные домашние дела скрупулезно заносил в дневник. Например, о приходе мастера починить крышу или оранжерею. Или вот дословно: “Новый управляющий (Симпсон) принят в дом, а рекомендован он Гольбергами. Надеюсь, будет порядочен.”

Однако дом велся им на широкую ногу. Приглашались лорды, министр иностранных дел, американский полномочный представитель, известные финансисты, не говоря уже о близких, друзьях и знакомых. Записал он и о том, что леди Леви страдает неврастенией и в сентябре к ней приглашен доктор Фреке, который посоветовал переменить обстановку, поэтому жена и дочь собрались за границу.

— Люди порой немало рассказывают врачам о себе, — пробормотал лорд Петер. — Мой Бог! А что, если сам Леви отправился к Фреке в понедельник ночью? Это может пролить свет на инцидент в Баттерси, не так ли?

“В сентябре, 18 числа, жена с дочкой уехали на юг Франции.”

И совсем неожиданно сэр Петер наткнулся на нужную ему запись: “5 октября на обед приглашены Гольберг, Скринер и Миллиган.”. Значит, и последний побывал в этом самом доме! Это так похоже на пожатие рук дуэлянтов перед схваткой.

Скринер был известный скупщик картин и вообще большой любитель изобразительного искусства. Лорд Петер представил, как хозяин показывает ему портрет своей умершей старшей дочери, выполненный рукой большого мастера.

Имя рыжеволосого секретаря нигде в записях не фигурировало. Зато в сен-

тябре и октябре повсюду мелькал Андерсон.

В Солсбери, отправившись в отель позавтракать, лорд Петер попутно спросил у официанта об офисе мистера Кримплшема. Тот указал ему дом на противоположной стороне улицы.

— Здесь все знают этого человека, — добавил официант.

— Он хороший адвокат, наверное? — спросил лорд.

— О да, сэр, ему можно полностью довериться. Некоторые, правда, говорят, что мистер Кримплшем старомоден, но я бы любое дело поручил только ему, а не этим современным пустозвонам. Жаль, что он скоро перестанет практиковать: ему уже под восемьдесят, сэр. Впрочем, если мистер Кримплшем уйдет, на его место станет мистер Викс — хоть и юный, но человек твердых взглядов, истинный джентльмен.

— Неужели мистер Кримплшем так стар? — удивился лорд Петер. — Тогда он очень активен для своих лет. Мой друг пророчивал с ним в городе какое-то дело на прошлой неделе.

— Еще какой деятельный, сэр, — подтвердил официант. — И это несмотря на хромоту! Мне кажется, если мужчина переживет определенный возраст и не сломается, он становится невероятной крепким, о женщинах и не говорю.

— Здорово подмечено, — проговорил лорд Петер, представив себе невероятную картину: восьмидесятилетнего старика-хромоножку, несущего труп через крышу в квартиру на Баттерси ночью.

— Он мало того, что крепок, но дьявольски хитер, — с ухмылкой добавил Вимси.

— Не могу сказать, что я разделяю вашу точку зрения, — проронил официант, пряча в карман чаевые.

— Боюсь, Бантер, я ошибся в этом Кримплшеме. Он казался мне зловещей фигурой, безмозглым пауком, сидящим в своей паутине. Ну что ж... советую вам зайти в магазин напротив и купить там спортивную газету, а если я не выберусь из "злодейской берлоги", через полчаса, делайте то, что посчитаете нужным.

Мистер Бантер поступил, как ему и было рекомендовано, а лорд Петер позвонил в дверь адвоката.

— Правда, только правда, и ничего, кроме правды, — вот мой девиз, — пробормотал про себя Вимси.

Когда дверь открылась, он подал клерку визитную карточку. Гостя немедленно проводили в приемную, обставленную в стиле раннего периода правления королевы Виктории. Тощий старый джентльмен поднялся ему навстречу:

— Многоуважаемый сэр, как мило, что вы сами пожаловали, — воскликнул адвокат. — Стыдно, что я доставил вам столько хлопот. Надеюсь, в Солсбери

вас привели не только мои очки?! Садитесь, пожалуйста, лорд Петер.

И хозяин с симпатией глянул поверх пенсне на молодого человека, так как, очевидно, получил о нем сведения из Скотланд-Ярда.

Лорд Петер уселся, юрист тоже. Гость поднял бумажный стакан и задумчиво взвесил его в руке.

— Все правильно, — сказал лорд, — я здесь по делу. А кроме того, очень рад услужить вам. Большое неудобство потерять очки, мистер Кримплшем, я принимаю.

— Да, — подтвердил юрист, — мне плохо без них. Есть еще одни, но те не так удобны, а кроме того, цепочка чрезвычайно дорога мне как память. Хотя, возможно, все это сантименты, но я ужасно расстроился, когда приехал в Болгем и хватился пенсне. Сделал запрос на станцию, но бесполезно. Боюсь, его украли. В Виктории толпилось столько народу, и вагон был все время полон. А вы его нашли в поезде?

— Нет, — сказал сэр Петер, — совсем в другом неожиданном месте. Скажите, узнали бы вы кого-либо из ваших случайных попутчиков?

Адвокат недоуменно уставился на него:

— Думаю, никого. А почему вы спрашиваете?

— А не допускаете ли вы, что кто-то мог взять его ради шутки?

Мистер Кримплшем просто был сбит с толку.

— Вы так думаете? Но я же никого не знаю в Лондоне, кроме приятеля, у которого останавливался в Болгеме. Это доктор Филпотс. Он бы не стал так шутить, потому что прекрасно знает, как я переживал бы свою потерю. Поездка была связана с посещением банка, но там я тоже никого не знаю. Так что и тут все шутки исключены.

Лорд Петер заколебался.

— Простите за назойливость, но мне придется задать вам еще один вопрос. Он звучит довольно экстравагантно, даже мелодраматично, и тем не менее... Есть ли у вас враг, которому была бы полезна ваша скорая кончина или бесчестье?

Мистер Кримплшем от удивления окаменел.

— Откуда такой странный, мягко говоря, интерес?

— Ну, знаете, обстоятельства весьма неожиданные. Я ведь не случайно обращался к ювелиру, который продал цепочку.

— Меня это удивляет, — согласился адвокат, — но я решил, что тут какой-то ход.

— Так и было, невозможно только поверить, что хозяин пенсне вдруг откликнется. Если хотите знать, ваши очки найдены на покойнике, и сейчас они в Скотланд-Ярде.

— Боже милостивый! — воскликнул

мистер Кримплшем. — А вы-то сами что, тоже связаны с полицией?

— Официально нет, — ответил лорд Петер. — Я принадлежу к обществу частных сыщиков.

Мистер Кримплшем вскочил:

— Мой дорогой, это очень дерзко, это не только шантаж, но и оскорбление! Уходите немедленно, пока целы!

И он зазвонил в колокольчик.

— Боюсь, вы неправильно все поняли. Кроме меня, этим делом занимается детектив Паркер. — Лорд выложил на стол визитную карточку полицейского. — А если захотите видеть меня, то найдете завтра в отеле "Минстер".

Старый адвокат не дослушал гостя, а велел вошедшему клерку вывести его вон.

У двери лорд Петер столкнулся с высоким юношей, входящим в офис, который узнал его и уставился с удивлением. Но лорд не вспомнил это лицо.

Тем временем мистер Кримплшем

бушевал в конторе, не обращая внимания на вошедшего Вика.

— Послушайте, что случилось, наконец? — спросил молодой человек.

— Я оказался жертвой безобразного шантажа, — заявил Кримплшем. — И занялся этим лорд Петер Вимси!

— Да, но этот лорд — большой дока в таких делах и свой человек в Скотланд-Ярде.

— Мне от этого не легче! — воскликнул хозяин.

Когда на следующее утро Кримплшем вместе с Виксом пришли в отель, лорда Петера там не оказалось. Их встретил слуга, который и предложил оставить записку хозяину.

Мистер Вика подумал, что это даже к лучшему. Мистер Бантер любезно предложил им телефон детектива, а потом и сам позвонил ему:

— Алло! Это мистер Паркер? Лорд Петер будет доволен, если вы отправитесь в Солсбери. Он здоров, поехал прогуляться, а завтра утром вернется.

Глава 6

МИСТЕРУ ПАРКЕРУ было не с руки уезжать из Лондона. Утром предстояло повидать леди Леви. Судья и свидетели были приглашены на три часа, и он, конечно, не мог пропустить такое. Утром в Ярде ни на шаг не отступал от инспектора Сага и с трудом вытянул из него кое-какую информацию. Тот считал Паркера вмешивающимся не в свои дела да, кроме того, знал, что он правая рука лорда Петера Вимси, а Саг никак не хотел посвящать в это дело лорда. Однако инспектор не мог отрицать, что в полдень будет производиться дознание и Паркер, как всякий гражданин, имеет право присутствовать при этом.

Придя в здание суда, детектив огляделся и вскоре увидел несчастного мистера Типса, его служанку Глэдис под конвоем полицейского. За ними следовала тощая старая леди в мантилье и шляпе. Вскоро появилась герцогиня-мамаша в великолепной шубке и шляпке по последней моде. Ее темные глазки по-мышинному шныряли из стороны в сторону, оглядывая собравшихся. Физиономия ее озарилась улыбкой, как только она увидела Паркера, который несколько раз бывал в ее доме. Он подсел к герцогине, и та сразу заговорила:

— Что случилось с беднягой Петером? Паркер начал объяснять, но на него тут же зашикали.

Вначале показания не произвели на детектива никакого впечатления. Да, несчастный мистер Типс чуть не отдал Богу душу, когда пошел в 9 часов утра принять ванну и обнаружил там труп; да, ему стало так плохо, что он послал служанку за бренди; да, раньше ему не доводилось видеть так близко мертвецов. Невозможно было понять, откуда взялся покойник. Сам Типс за день до того ездил в Манчестер, он прибыл в Санкт-Панкрас в 10 часов, сдал чемодан в камеру хранения. Говоря об этом, мистер Типс вдруг покраснел, сконфузился и со страхом посмотрел на судей.

— Теперь, мистер Типс, — быстро проговорил следователь, — вы должны осознать важность дела и объяснить все так, чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений.

— Да, — промямлил еле слышно несчастный.

— Вы предупредили этого свидетеля, офицер? — спросил следователь, быстро повернувшись к инспектору Сагу.

Тот ответил, что объяснил мистеру Типсу: каждый его неправильный шаг может обернуться против него самого. Тогда свидетель побледнел как полотно

и заявил, что постарается говорить только правду.

— Кто-нибудь рекомендует мистера Типса? А вы, мистер, неужели не знаете, что имеете законное право на защиту?

— Нет, — едва-едва проговорил Типс.

— Просто невероятно, — заявил следователь, образованные люди — и так игнорируют законы своей страны! Все это ставит нас в очень неудобное положение. Сомневаюсь, инспектор, должно ли разрешить мистеру Типсу давать показания. Положение весьма деликатное.

На лбу бедняги Типса выступил пот.

— От друзей избавь нас, Боже... — прошептала герцогиня на ухо Паркеру. — Этот бесхитрый коротышка не сможет даже себя защитить.

— Но нельзя же позволять, чтобы его обвинили в преступлении, — заметил детектив.

— И как же можно пятнать имя человека, если он ничего предосудительного в жизни не совершал? — соглашалась герцогиня.

А тем временем Типс стирал холодный пот и пытался приободриться. Он привстал, чтобы сохранить хоть каплю достоинства, но, к сожалению, напоминал всего лишь кролика перед пастью льва.

— Должен сказать вам, — выдавил он, — хотя в моем положении очень трудно оправдаться, но я не могу даже в воображении представить, что совершил такое страшное преступление. Это истинная правда, джентльмены. Разрешите выпить глоток воды?

— Да, пожалуйста, — отозвался следователь, в то же самое время нетерпеливо поглядывая на часы.

— Благодарю вас, сэр. Итак, в 10 часов я прибыл в Санкт-Панкрас. Со мной в вагоне был мужчина, ехавший в Лестер. Сначала я его не узнал, а потом оказалось, это был мой старый школьный товарищ.

— Как звали джентльмена? — спросил следователь, готовясь записать имя.

Мистер Типс съезжился от взглядов.

— Я не могу его назвать, боюсь принести ему неприятности. Даже если бы на карту была поставлена моя жизнь. Нет! — произнес он как заклинание. — Не сделаю этого.

— Ладно, ладно, — проговорил следователь.

Герцогиня снова наклонилась к уху Паркера:

— Я в восторге от нашего коротышки!

А мистер Типс между тем продолжал:

— А когда мы приехали в Санкт-Панкрас, я собрался домой, но мой приятель стал обижаться: "Мы не виделись так долго, и встречу надо отметить". Я оказался слабовольным и поддался на уговоры. Если бы знал, сэр, заранее,

куда мы пойдем, никогда бы не согласился, но... По его совету я забрал вещи из камеры хранения, и мы поехали на такси. Название улицы не помню. Когда прибыли на место, там, в доме, была открыта дверь и вход освещен. Мой друг купил билет, и я слышал, как привратник спросил: "Это ваш приятель?", — имея в виду меня. Мой одноклассник подтвердил: "О да, он здесь уже неоднократно бывал, разве вы не помните Альфа? (Такое прозвище было у меня в школе). Уверяю вас, сэр, никогда прежде я не посещал таких мест и в дальнейшем не собираюсь, — очень серьезно промолвил Типс. — Ну а дальше мы спустились вниз. В той комнате было спиртное. Мой приятель заказал еще и заставил меня выпить за встречу один или два бокала. Я всегда очень умерен в этом отношении. Сам же он болтал с подсевшими к нам весьма вульгарными мужчинами и девушками. Внимательно рассматривая эту компанию, но ни с кем не заговаривая, я заметил, что некоторые барышни были прехорошенькими. Одна из них уселась на колени к моему другу и любезничала с ним как с давним знакомым. Она-то и пригласила нас в соседнюю комнату, где были устроены танцы. Мой дружок стал танцевать, а я сел на софу. Одна из девиц подошла ко мне и сказала, если я не танцую, то неплохо бы поддержать компанию и выпить с ней. Я упомянул о позднем времени, но она лишь махнула рукой. Мы сошлись на джине. Хотя мне совсем не хотелось пить, однако отказ выглядел бы не поджентльменски. Она обняла меня за шею и назвала по имени, как бы благодаря за угощение...

Из зала кто-то крикнул: "Ближе к делу!". Однако следователь одернул нетерпеливого, а Типсу вежливо заметил: "Продолжайте, пожалуйста..".

— Было уже что-то после часа ночи, когда я решил, что пора домой. Разыскал своего приятеля, чтобы попрощаться. Он продолжал веселиться со своей девицей. Они, казалось, были очень довольны друг другом, и я намеревался спокойноенько улизнуть. Но тут за спиной вдруг услышал громкие крики и, не успев понять, что случилось, увидел полдюжины вбежавших полицейских. Внезапно погас свет, вопли усилились, стало как-то жутко. Меня толкнули, я ударился о стул. Вот откуда тот синяк, о котором вы меня спрашивали. Я боялся, что уже не выберусь из этого вертепа, но вдруг кто-то схватил меня за руку. Это была та самая девица, которую я угощал джином. Она указала мне дорогу, и я побежал. Не помня себя, промчался по нескольким улицам и наконец схватил такси, которое доставило меня домой. В газетах ничего об этом не сообщалось, поэтому я и не

хочу называть своего приятеля, чтобы у него не возникло неприятностей. Все сказанное — сущая правда.

— Но, мистер Типс, для достоверности рассказанного вами нам нужно все же имя вашего друга...

— Нет, ни при каких обстоятельствах! — твердо произнес коротышка.

— Ладно, — заметил следователь. — Тогда, может, вы скажете, в котором часу прибыли домой?

— Около половины второго. Точно сообщить не в состоянии: был очень взволнован.

— Ну и что же? Сразу легли в постель?

— Да, только сначала съел бутерброд и выпил стакан молока, чтобы чувствовать себя получше. Как мне говорили: алкоголь на голодный желудок — совсем плохо.

— Правильно. Дома с вами кто-нибудь был?

— Никого.

— Сколько времени вы потратили на еду и все остальное?

— Наверное, с полчаса.

— А в ванную заходили, перед тем как лечь?

— Нет.

— И ночью не слышали никакого шума?

— Нет. Просто провалился в сон. И пробудился только тогда, когда Глэдис позвала меня к завтраку.

Дальнейшие вопросы к мистеру Типсу мало что прояснили. Да, окно в ванной было открыто, когда он утром туда вошел; да, служанке пришлось сделать строгое замечание.

Глэдис Хорракс начала с того, что она была нанята мистером Типсом около трех месяцев назад. Судя по всему, девица оказалась с характером. В ее обязанности входило убирать квартиру и положить миссис Типс в постель к десяти часам. Да, она помнила, что в понедельник вечером все шло как и обычно. Она прибрала во всех комнатах. Уверена ли в том, что закрыла окно в ванной? Нет, не может поклясться в этом, и, когда мистер Типс позвал ее утром, окно действительно оказалось открытым. Она не входила туда перед хозяином. Словом, если и оказалась забывчивой, то только на этот раз.

И девица залилась горькими слезами, из-за чего пришлось сделать небольшой перерыв. А дальше она заявила, что перед сном обошла все кругом и труп не мог бы остаться незамеченным. Сама Глэдис вечер провела на кухне, а старая миссис Типс в столовой. Нигде никого больше не было: ни в спальне, ни в ванной. Однако тело могли спрятать в гардероб или в сундук.

Судья спросил девушку, встречалась ли она накануне с молодым человеком. Та согласно кивнула. Его зовут Вильямс, а по профессии он стекольщик. В этой квартире иногда бывал. На ночь

никогда не оставался: она девица честная, сам викарий может это подтвердить. Последний раз юноша был в квартире две недели назад. А в тот вечер, положив в постель старушку Типс, она пошла на вечеринку, где встретилась с Вильямсом, и он привез ее домой, вероятно, часа в два ночи. Девушка очень сожалеет, что припозднилась, и ждет наказания. Вернувшись, она не заметила ничего подозрительного и сразу легла в постель. Типсы, сын и мать, жили очень уединенно и почти не приглашали гостей. Утром дверь, как обычно, была заперта.

Следователь поблагодарил служанку за показания.

Допрос миссис Типс больше напоминал веселую игру в "испорченный телефон", чем выяснение истины. После пятнадцати минут бессмысленных, повисавших в воздухе вопросов следователь оставил старую леди в покое.

Дальше в суд был приглашен для дачи показаний молодой человек, стекольщик по имени Вильямс. Он подтвердил, что Глэдис была с ним на вечеринке в понедельник вечером, и теперь жалел, что уговорил ее, несмотря на все отговорки.

Инспектор Саг доложил, каково было состояние дел в половине девятого утра во вторник. Поведение девицы ему показалось подозрительным, поэтому он и арестовал ее вместе с мистером Типсом. В квартире не было никаких поломок. На подоконнике в ванной комнате им не было обнаружено следов, говоривших, что покойника занесли через окно. На лестнице, во дворе — тоже ничего примечательного. И крышу он обследовал — безрезультатно. По его мнению, тело было принесено в квартиру накануне и спрятано там тем, кто проник ночью с помощью служанки через окно в ванную. Но в таком случае возникал вопрос: а почему бы ей просто не впустил его в дверь? И почему никаких следов не оставлено в других комнатах? Эти вопросы приводили инспектора к мысли: а не совершилось ли преступление той ночью в самой квартире?

Присяжный заседатель спросил, обвиняет ли Саг Альфреда Типса. Инспектор молчал. Его спросили о Глэдис Хорракс. Саг отвечал, что здесь очень много подозрительного. Однако стекольщик возразил ему, дескать, можно привести сотни доводов в защиту этих людей.

Следователю тоже показались утверждения инспектора неубедительными, и он добавил: "Между прочим, можете ли вы утверждать, что был совершен рейд полицейских в соседний ночной клуб?"

Инспектор мгновенно подтвердил, что нечто подобное имело место.

Теперь следователь обратился к медицинским показаниям.

— Сэр Джулиан Фреке!

В зале суда раздался приглушенный гул. Фреке был не только знаменитостью, но и внешне отличался от других: широкоплечий, высокий, с прямой осанкой и львиной гривой.

— Какой красавец! — прошептала герцогиня на ухо Паркеру. — Настоящий Вильям Моррис, и эта прекрасная пышная прическа, и борода, и живые, взволнованные глаза. На месте полицейских я бы подошла к нему, просто посмотрела в его честные глаза и не стала бы дальше нервировать разными судебными расследованиями.

— Вы — сэр Джулиан Фреке, — спросил следователь, — работаете хирургом в больнице Святого Луки?

Сэр Джулиан согласно кивнул.

— Вы первый из медиков, кто видел труп в квартире Типсов?

— Да, я.

— И вы вместе с врачом Кримболдом из Скотланд-Ярда обследовали тело?

— Точно так.

— С его заключением у вас нет разногласий?

— Принципиальных нет.

— Вы сообщите свои впечатления присяжным?

— Я был занят научными изысканиями в анатомичке больницы, когда меня известили, что инспектор Саг просит о встрече. Он рассказал мне о случившемся и спросил, не возможна ли тут шутка студентов и не исчезал ли кто-нибудь из клиники. После просмотра записей больных и умерших я сообщил, что ничего подобного произойти не могло.

— А кто отвечает за трупы в морге?

— Вильям Воттс, помощник прозектора.

— Этот человек здесь сейчас? — спросил следователь офицера.

Вильям Воттс присутствовал в зале и при необходимости мог быть вызван.

— Полагаю, ни один покойник без вашей санкции не может быть взят из больницы, сэр Джулиан? — поинтересовался следователь.

— Конечно, нет!

— Благодарю. Продолжайте сообщение.

— Тогда инспектор Саг попросил меня послать врача освидетельствовать труп. Я сказал, что пойду туда сам.

— Почему вы это сделали?

— Признаюсь, из обычного человеческого любопытства. — Из задних рядов судебного зала раздался смешок студентов-медиков. — По прибытии в квартиру я увидел труп, который лежал на спине в ванне. Исследовав его, пришел к заключению, что смерть наступила от удара по затылку, убийца задел четвертый и пятый шейные позвонки. Считаю,

что смерть наступила по крайней мере двенадцать часов назад, а возможно, и раньше. Покойник был мужчиной сильным, тучным, лет пятидесяти — пятидесяти пяти.

— По-вашему мнению, это могло быть самоубийством?

— Конечно, нет. Били тяжелым тупым предметом сзади, с большой силой и, по всей вероятности, преднамеренно.

— Несчастный случай допустим?

— Возможен, но едва ли.

— Если, например, пострадавший выглянул в окно, а рама внезапно и резко захлопнулась над ним?

— Нет, в таком случае были бы признаки удушья или синяк на горле, как минимум.

— Покойник мог быть убит случайно упавшей на него тяжелой вещью?

— В принципе — да.

— Как вы думаете, смерть наступила тотчас же?

— Трудно сказать. Возможно состояние паралича на какое-то время. Пожалуй, это вернее. Основываюсь на состоянии мозга при вскрытии. Однако у доктора Кримболда на этот счет есть свои соображения.

— Вам не знакома личность умершего?

— Конечно, нет. Никогда раньше его не видел и ничего не знал о случившемся, иначе постарался бы как-то подготовить старую леди, которая была просто в шоке.

— Это моя вина, сэр Джулиан. С вами заранее должны были посоветоваться, — заметил нехотя следователь. — А что касается пенсне, найденного на трупе, сэр Джулиан?

— Очень необычные линзы. Окулист скажет более определенно, но мне показалось — они должны были бы служить более старому человеку.

— Исследуя умершего, что вы можете сказать о его привычках?

— По-моему, у этого человека лишь недавно завелись деньги и достались они ему, по-видимому, легко. Его зубы в плохом состоянии, за ними он не следил, и за руками тоже: маникюр сделан недавно.

— Возможно, это разбогатевший австралийский колонист?

— Точно сказать трудно, но вполне вероятно.

— Благодарю вас, сэр Джулиан.

Вызванный после Фреке доктор Кримболд в чем-то не соглашался с коллегой, но кто из них прав, пока решить было невозможно.

Для опознания трупа обратились во все полицейские участки, в газеты, в морские порты — безрезультатно. Приходило немало людей, но сдвигов никаких. Для розысков использовали пенсне: его передали присяжным.

Вызвали Вильяма Воттса, который

объяснил, как покойники попадают в морг. Обычно они доставляются специальными рабочими и свободными сотрудниками больницы. Находятся трупы только под его присмотром, молодым врачам или студентам-медикам ключи не выдаются. Даже сэр Джулиан Фреке и другие хирурги не имеют свободного доступа. В понедельник ночью ключи были у Воттса, и ни один труп не пропал из морга.

Закончив свое выступление, сэр Джулиан Фреке заметил герцогиню и подошел к ней поздороваться.

— Не видела вас целую вечность, — проворковала леди. — Как здоровье и все остальное?

— Много работы, — пожаловался хирург. — Послал вам свою новую книгу, пописываю на досуге. Видели вы уже леди Леви?

— Не встречала бедняжку. Я только недавно приехала. Миссис Типс была со мной. Вы же знаете эксцентричность моего сыночка. Несчастная Кристина! Обязательно найду к ней. А вот мистер Паркер, который занимается расследованием дела.

— О, я очень рад встретиться с вами, — шепотом проговорил врач, обращаясь к детективу. — Вы уже общались с леди Леви?

— Да, видел ее утром.

— И она просила продолжить поиски?

— Да. Она полагает, что сэр Рубен попал в руки своих соперников и какие-то финансовые мошенники держат его заложником.

— Вы тоже так считаете? — спросил сэр Джулиан.

— Вполне возможно, — промолвил Паркер.

Доктор на мгновение задумался.

— Я бы хотел встретиться с вами после всей этой процедуры, — сказал он.

— С превеликим удовольствием, — согласился детектив.

В этот момент присяжные вернулись, в зале возник небольшой шум. Когда все стихло, следователь спросил, согласны ли они с заключением?

Те подтвердили, что человек умер от удара сзади, но внешне следы повреждения не видны.

МИСТЕР ПАРКЕР и сэр Джулиан вышли из зала суда.

— Честно говоря, абсолютно не подозревал, пока этим утром не увидел леди Леви, что сегодняшнее дело как-то связано с исчезновением сэра Рубена, — сказал доктор. Само по себе появление мертвеца в ванной чудовищно, но после объяснений этого дурака — полицейского офицера — оно становится смешным. Если бы у меня были какие-нибудь сведения, я бы разнес в пух и прах все его доводы.

— И я подумал так же, как только мне сообщили о случившемся с Леви.

— Если не секрет, кто сказал вам? — спросил сэр Джулиан.

— Сначала его домашние, а потом дядя сэра Рубена, который и попросил продолжать расследование.

— А сама леди Леви такого же мнения?

— Конечно! — с некоторым удивлением заметил Паркер.

Несколько мгновений сэр Джулиан молчал.

— Как ни прискорбно, но это я зарыл в голову Сага подозрение на сей счет, — проговорил с раскаянием детектив. — Когда сэр Рубен исчез, моим первым побуждением было проверить все несчастные случаи на улицах, а также самоубийства, происшедшие в тот день. И я направился осмотреть труп на Баттерси с той же целью. Несомненно, при внимательном рассмотрении можно найти какое-то сходство между мертвецом и известными мне портретами сэра Рубена.

— И довольно сильное, — подтвердил сэр Джулиан. — Хотя сравнивать их трудно, так как сэр Рубен носил пышную бороду, скрывавшую рот и подбородок. Как все это ужасно для леди Леви! Я не принадлежу к друзьям ее мужа, но и мне тяжело.

— Понятно, конечно, — добавил детектив.

— Тем более что в молодости, мистер Паркер, я надеялся жениться на леди Леви — тогда прекрасной молоденькой девушке.

Детектив сочувственно кивнул.

— После той неудачи я никогда не имел семьи, как вы знаете, и с Кристиной мы оставались в приятельских отношениях. Как бы мне хотелось сейчас облегчить ее боль!

— Поверьте, сэр Джулиан, — сказал Паркер, — я очень сочувствую вам и леди Леви и сделаю все, что смогу, чтобы вывести из заблуждения инспектора. Но, к несчастью, сэра Рубена видели в тот вечер на Баттерси...

— Ну, дружище, вот я и дома. Может, заглянете на минутку, попьем чайку, виски с содовой или еще чего-нибудь, а, мистер Паркер?

Детектив принял предложение, принимая, что поговорить есть о чем.

Они вошли в прекрасно меблированный холл с камином на той же стороне, где и входная дверь, с лестницей напротив. Направо — открытая дверь в гостиную.

Когда сэр Джулиан позвонил в колокольчик, в дальнем конце холла появился слуга.

— Чего бы вам хотелось? — спросил доктор детектива.

— После этого ужасного холода, — проговорил гость, — только как можно больше горячего чая.

— Возражений нет. Чай в библиотеку, и сейчас же, — распорядился Фреке и повел гостя вверх. — Внизу я почти не живу, пользуюсь только столовой, — пояснил он, приглашая детектива в маленькую, светлую библиотеку. — Отсюда можно прямоком попасть в спальню, что для меня очень удобно. Дома бываю редко, в основном пропадаю в больнице. Практическая медицина не должна отставать от науки. Анатомирование же — основа основ в правильной постановке диагнозов. Постоянно нужно набивать руку и тренировать глаз. В жизни еще ох как много предстоит изменять к лучшему.

Мистер Паркер был с этим, конечно, согласен.

— Но на исследовательскую работу зачастую остаются только ночные часы, — вздохнул хирург. — День занят лечебной практикой. Впрочем, вам наверняка достается не меньше моего?

— Да уж. Иногда трудновато приходится, — согласился детектив.

— Имеете в виду кражи, которые редко совершаются при свете дня, или что-нибудь подобное?

— Совсем не обязательно, — промолвил гость. — А разве болезни не подкрадываются к людям так же коварно, как воровы?!

— Вы правы, — усмехнулся сэр Джулиан. — И я горжусь, что борюсь с ними, как и вы. Мы вместе очищаем общество от его бед. А вы в курсе, что нервные люди — особенно умные преступники? Они мастерски умеют маскироваться.

— А-а, такие, как Леон Кестрел, Мастер-Муммер? — оживился Паркер, начитавшийся разного толка детективных романов.

— И они тоже, — сказал сэр Джулиан. — Эти великолепно прячут концы в воду. Но когда мертвеца препарируешь, всегда можно найти следы безумия, выпивки и прочих язв общества.

Доктор смял и несколько минут смотрел на огонь. Красный отсвет пламени озарял его рыжеватую бороду и отражался в глазах.

Паркер допил чай. Неожиданно он вспомнил о лорде Петере и необходимости отправиться в Солсбери. Лорд хотел, чтобы он приехал, наверно, потому, что этот Кримплшем упорствовал или нашелся какой-нибудь ключик к разгадке. Кроме того, случившееся в Баттерси Паркера непосредственно не касалось. И так было потрачено слишком много времени, и все без толку.

«Надо заняться своей непосредственной работой: повидать секретаря Леви и решить вопрос с перуанской нефтью», — думал детектив, глядя на часы.

— Простите, пожалуйста, но я должен уйти, — пробормотал он.

— Служба зовет? — проговорил док-

тор, улыбаясь. — Мне понятно, конечно. Я не задержу вас. Только хотелось бы кое-что сообщить относительно того дела.

Паркер снова уселся, стараясь не показывать нетерпения:

— Буду благодарен за помощь.

— Боюсь, как бы, наоборот, не оказался помехой, — с коротким смешком вымолвил сэр Джулиан. — Мой рассказ может разрушить ваши догадки и повредить моей профессиональной тайне, но... Дело в том, что сэр Рубен Леви навестил меня поздно вечером в тот злосчастный понедельник.

Да? — почти без удивления спросил гость.

— Он заявил, что дело касается здоровья и будто бы не доверяет своему домашнему врачу. Он был очень взволнован и хотел скрыть свой визит от жены. Я уже говорил вам, что сэр Рубен Леви знал меня достаточно хорошо и леди Леви консультировалась со мной летом по поводу нервного расстройства.

— Леви пришел к вам на прием? — оживился Паркер.

— О нет! Он появился внезапно вечером, в неудобное для меня время. Однако я провел его в кабинет, осмотрел, и он ушел приблизительно около десяти часов.

— Разрешите узнать, каков был результат осмотра?

— А зачем вам это?

— Чтобы пролить свет на его дальнейшее поведение. Правда, история кажется почти не связанной с исчезновением сэра Рубена, и тем не менее...

— Видите ли, у меня были кое-какие серьезные подозрения, — заметил доктор, — но, уверяю вас, ничего смертельного, конечно.

— Благодарю. Значит, сэр Рубен ушел от вас в десять?

— Что-то около того. Он хотел удержать свой визит в секрете. Выполнить просьбу пациента — закон для врача, и я рассказал вам об этом только потому, что человек исчез в ту ночь.

— Конечно, и у меня есть профессиональные тайны, — сказал Паркер, — но я вам очень признателен за сообщение, оно может облегчить расследование. Не волнуйтесь, все буду держать в тайне, только поделюсь с коллегой.

— Кто этот человек, полицейский офицер?

— Будьте спокойны, ваше донесение не выйдет из стен Скотланд-Ярда. Мы умеем молчать, когда это необходимо, сэр Джулиан.

Когда мистер Паркер вернулся на Грейт Ормонд-стрит, то нашел телеграмму: «Не волнуйтесь, все в порядке. Завтра утром приеду. Вимси».

Глава 7

ЛОРД ПЕТЕР вернулся домой к завтраку. Его приветствовал Бантер и сказал о телефонном звонке:

— Леди Свафгем звонила, интересовалась, не забыли ли вы о приглашении позавтракать у нее.

— Ничего не помню, Бантер! Я надеюсь, вы догадались передать ей, что я внезапно заболел, у меня энцефалит, летаргический сон или что-нибудь подобное?

— Леди сказала, что она рассчитывает на вас, милорд. Вчера она встретила в Дувре вашу мамочку...

— Если моя мамуля там, я тем более не поеду, — заявил лорд Петер.

— Простите, мне велено только передать.

— А что она делает в городе?

— Думаю, приехала на следствие, милорд.

— Да, мы тут проворонили, Бантер.

— Конечно, хозяин. Ее милость и леди Свафгем завтракают вместе.

— Бантер, я не могу: сильно заболел, лежу в постели, дикий кашель. А мою мамашу попроси приехать после завтрака.

— Очень хорошо. Миссис Томми Фрайл будет у леди и мистера Миллигана тоже...

— Кто, кто?

— Мистер Джон Р. Миллиган, милорд.

— Мой Бог! Бантер, что же вы сразу не сказали?! Я еще успею туда? Ну так сейчас же лечу!

— Только не в этих брюках, сэр, — сказал Бантер, хватая лорда за рукав.

— Они вполне сносные.

— Но не для посещения леди Свафгем. — И Бантер указал на пятно на одной из брючин.

— Если я опоздаю туда, моя мамочка может наделать тысячу ошибок.

Мистер Бантер мрачно улыбнулся.

КОГДА ЛОРДА Петера провели в столовую, завтрак уже был в полном разгаре. Вдова-герцогиня сидела на софе и беседовала с мистером Джоном Миллиганом.

— Я так люблю разговаривать с деловыми людьми, тем более из Нового Света, — улыбалась она.

— А нам, в свою очередь, очень интересно встречаться с английскими

аристократами, герцогиня. На днях заходил лорд Вимси.

— Я так рада, что вы встретились с ним, мистер Миллиган. Оба мои сыночка стараются меня не огорчать. Хотя Джеральд — более спокойный. Он член палаты лордов и великолепный фермер. О Петере даже и половины того не скажешь: всегда мутит воду, ищет развлечений. Ах, бедняжка!

— Что вы, я очень благодарен лорду Петеру за его предложение, — продолжал мистер Миллиган.

— Не знаю, со стороны виднее, — заметила герцогиня. — Я ничего не понимаю в делах и старомодна, наверное.

— Знаете, герцогиня, уж лучше быть несовременным, чем новомодным болтуном, какими часто становятся нынешние молодые люди.

Герцогиня осталась при своем мнении, но вслух заметила, что благодарит гостя за подношение.

— Не стоит, — скромненько произнес мистер Миллиган, — тем более что ваш сын рекомендовал мне так поступить.

— Я уверена, вы все-таки очень добры, — проворковала герцогиня, прислушиваясь к покаюнию лорда Петера, доносящемуся из соседней комнаты.

— Страшно виноват. Надеюсь, вы простите меня, леди Свафгем? Да разве я мог бы забыть ваше приглашение?! Причина лишь в том, что я только-только вернулся из Солсбери.

Хозяйка грациозно помиловала грешника.

— Ваша милая мамуля здесь, — сказала она.

— Неужели? — изобразил удивление лорд.

Обычная светская болтовня за завтраком постепенно перекинулась на события в Баттерси.

Лорд Петер заговорил с хозяйкой дома:

— Леди Свафгем, я же сказал, когда пришел, что был в Солсбери.

— Но если вы расследуете преступление, по-моему, надо начинать с простых вещей: для чего совершено убийство? Кто виновник? Основные мотивы, не так ли?

— Вы правы, но мотивов может быть дюжина. К тому же множество людей способны на убийство.

— У вас ничего не ясно с делом на

234

Баттерси, как я понимаю? — заметил мистер Миллиган. — Никто так и не может опознать джентльмена в ванной?

— Бедняга инспектор Саг, — заметила герцогиня. — Я ему сочувствую! Сколько перед ним вопросов, а ему совсем нечего сказать.

Лорд Петер управлялся с уткой, когда услышал, как кто-то спросил герцогиню, видела ли она леди Леви.

— Кристина в ужасном состоянии, хотя надеется, что супруг вернется. Полагаю, вы знали его, мистер Миллиган? Мы думаем, что он еще жив и где-то скрывается.

— Я не так давно обедал с ним, — добродушно заметил американец, — мы бы могли многого добиться с мистером Леви, если бы были в Штатах. А в вашей стране заниматься бизнесом невозможно.

— Должно быть, очень интересно делать деньги в Америке? — спросил лорд Петер.

— Да, конечно, — проговорил Миллиган, — мои братья за это время, наверное, сильно преуспели. И я скоро присоединюсь к ним, как только закончу кое-что здесь.

— Вам не следует уезжать, не побывав на моем благотворительном базаре, — сказала герцогиня.

ЛОРД ПЕТЕР потратил полдня в напрасных поисках, а нашел Паркера случайно после обеда на Грейт Ормонд-стрит. Тот сидел в старом, изящном кресле, придвинув ноги к камину и расслабившись. Он встретил лорда Петера без особого восторга и предложил ему виски.

Друзья молча посидели несколько мгновений. Наконец лорд Петер заговорил:

— Вы любите свою работу?

— Пожалуй, да, поскольку считаю, что приношу пользу, стараясь делать все как следует. Не вдохновенно, может быть, но добросовестно. И тем горжусь! Работа наша полна неожиданностей, зато не дает расслабляться, у нее есть будущее. За это она и нравится мне. А вам?

— Для меня это просто хобби, вы же знаете. Мне хочется развлечься, уйти от житейского однообразия. В основном наслаждаюсь поначалу, когда в деле еще ничего не ясно. Вот что волнует, возбуждает. Но всю жизнь посвятить такой работе мне бы не улыбалось. Правда, когда дело касается поиска преступника, я с удовольствием гоняюсь за ним, хочу поиграть, как кошка с мышкой.

Паркер внимательно прислушивался к словам приятеля.

— Понятно, — сказал он наконец.

— А что?! Этот старый Миллиган, например. Вот был бы номер, схвати мы его с полициным! Но стреляного воробья

на мякине не проведешь. Мать от него в восторге. А меня он ужасно развлекает. И этот его взнос в тысячу фунтов... Иногда чувствую себя перед ним жалким червем. А вдруг этот американец перерезал горло Леви и сбросил его в Темзу? Впрочем, это дело меня не касается.

— Почему же? Оно затрагивает вас так же, как и всех остальных граждан, — заметил Паркер. — К тому же, если преступление совершено из-за денег, преступнику нечего есть, например — это одно, но перед нами, думается, иной случай.

— Да, — согласился лорд Петер, — когда не на что жить, тогда все понятно.

— Послушайте! Если Миллиган зарезал старика Леви только из-за обогащения, тогда зачем он на пустячную помощь отвалил тысячу?!

— Все выглядит так гадко, — сказал лорд Петер. — Вот почему я и бегу от действительности. Для меня все начинается с развлечения, но когда я влезаю в эту грязь, страдания, кровь, мне хочется поскорее избавиться от всего, как от дурного сна, и удрать.

— Да, я знаю, — сказал детектив, — это потому, что вы хотите всегда хорошо выглядеть, стремитесь все превратить в спектакль, не думая о страданиях конкретных живых людей. Но в нашем деле так нельзя, должно быть чувство ответственности.

— Зачем нам столько философствовать? — лорд Петер поднялся и зашагал по комнате. — Лучше я расскажу вам о приезде в Солсбери, о том, как оборвалась ниточка Кримпшема. Сам адвокат слишком стар для транспортировки покойника. А его юный заместитель — Вика, если и хотел подставить хозяина, весьма сомнительно, чтобы пошел на такое. Убивать незнакомого человека, чтобы в ванне Типса водрузить ему на нос пенсне своего шефа...

— А где находился Вика в понедельник? — спросил Паркер.

— На танцах, организованных регентом Хока, — ответил лорд Петер.

— Вы верите, что тело могло быть спрятано где-то в квартире? Знаю, что мы везде смотрели, но могли ведь что-то и пропустить, — заметил Паркер.

— Мы-то да, но не Саг.

— Ах, опять этот Саг!

— Вы несправедливы к нему, — промолвил лорд Петер. — Если были бы хоть какие-нибудь признаки соучастия Типса в преступлении, Саг обязательно отыскал бы их.

— Почему?

— Потому что он хочет их найти и утверждает, что или Типс, или его горничная Глэдис, или ее поклонник сделали это. Поэтому он нашел следы на подоконнике, через который ухажер Глэдис мог проникнуть в дом и что-то передать подружке. А на крыше Саг ничего не нашел, так как и не искал.

— Но он же побывал там раньше нас.
— Да, но только для того, чтобы доказать: следов там нет. Также мистер Типс мог спрятать тело где-нибудь в квартире, поэтому Саг тщательно обыскал все углы и, поверьте, нашел бы, если бы было что.

— Согласен, и хватит об этом, — заключил детектив.

— Тогда поговорим о другом. Леви собирался посетить доктора Фреке в понедельник поздно вечером? — поинтересовался лорд Петер.

— Да, и он виделся с ним, — сказал Паркер, припоминая свой разговор с хирургом.

— Вот как! — воскликнул лорд. — Ну и дела творятся, не правда ли? Однако все уплывает сквозь пальцы, как речной песок.

— Именно! — подтвердил Паркер. — Есть и еще кое-что. Удалось выведать у секретаря Леви о делах сэра Рубена. Но, к сожалению, важным оказался только разговор об Аргентине. Спрашивал в Сити о доле Леви в перуанской

нефти, но, оказывается, он тут ни при чем. Я обратился к маклерам и обнаружил много удивительного. Одно имя уж совсем не ожидал встретить, но оно прозвучало — Фреке! Он за последнюю неделю скупил много акций, тайно, конечно. Некоторые даже на свое имя, а потом во вторник продал их с прибылью, хотя и небольшой: что-то несколько сотен. По-моему, такая игра не стоит свеч, а вы как думаете?

— Люди заранее никогда не знают о результатах, — сказал лорд Петер. — Может, хирург хотел доказать себе и другим, что таким путем разбогатеет? — Вимси выбил трубку и поднялся. — Послушайте, — сказал он неожиданно, — не кажется ли вам, что эта история с Фреке как-то связана с рассказом о веселости старика на ужине в понедельник?

— Не знаю, — ответил Паркер. — На мой взгляд, это все равно, что шутить в приемной зубного врача.

— Как всегда, вы правы, — согласился лорд Петер и начал спускаться вниз.

Глава 8

ВЕРНУЛСЯ домой лорд Петер в полночь, весьма взволнованный и настороженный. Что-то жгло и давило на мозг, будто рой пчел облепил голову. Он отпустил Бантера спать, а сам устроился перед камином, раскуривая трубку, мысленно перебирая всевозможные догадки. Сперва ему подумалось о Рубене Леви, которого видели в последний раз в 10 часов вечера на Дороге Принца Уэльского. Потом пришла на память гротескная картина мертвеца в ванной комнате мистера Типса. Вспомнилось, как лазил по крыше в поисках следов убийцы, как любые улики рассыпались, словно засасываясь трясинной. Но ведь где-то они есть! Ему казалось, что кто-то даже подсказывал их, но он запомнил, кто.

Вимси поднялся, подбросил в огонь полено и взял книгу. Сэр Джулиан Фреке. «Физиологическая основа сознания».

«Эта галиматья нужна, чтобы быстрее заснуть, — подумалось лорду Петеру. Но все-таки он медленно раскрыл книгу, просматривая вступление. — Интересно, правда ли, что Леви болен? Не очень-то верится. Впрочем, а мне какое дело? Хватит об этом. Но я и не предполагал, что мамуля довольно близко знакома с семейством Леви.

Папаша — тот ненавидел не только иноверцев и даже полукровок и никогда не общался с ними в Денвере. Занятно, что мамочка в те дни хорошо знала Фреке. А теперь она вполне поладила с Миллиганом. Дама она деловая, безусловно, однако мне надо ее предостеречь от излишней открытости... — И Вимси опять углубился в чтение.

«А что, если показания Фреке и Воттса не точны?», — Лорд потряс головой, как бы избавляясь от непрошенных мыслей, и вдруг, словно от озарения, воскликнул:

— Боже мой! Ленъ, бездуховность — вот благодатная почва для преступления!

Теперь ему многое стало ясным.

МИСТЕРА ПАРКЕРА пригласили на следующее утро на Пиккадилли, 110^а. Герцогиня его радостно приветствовала.

— Хочу взять этого глупого ребенка в Денвер на уик-энд, — сказала она, указывая на лорда Петера, который в это время что-то писал, но, заметив детектива, коротко ему кивнул. — Он слишком много трудился в Солсбери и почти не спал прошлую ночь. Неплохо бы вам подбодрить его, мистер Паркер. Наша

нервная система — такая сложная штука, а Петера с детства мучают ночные кошмары. Ему приходилось частенько давать снотворное. Поэтому небольшая передышка в мирном, спокойном городе ему не повредит.

— Прости, старина, за невеселый комплимент, но выглядишь ты действительно неважно, — заметил Паркер.

— Чарльз, — проговорил без эмоций лорд Петер, — я уезжаю на пару дней и не могу быть вам полезным в Лондоне. Впрочем, вы тут больше сделаете без меня. Прошу, прочтите это и передайте в Скотланд-Ярд, в колонии, в христианский союз молодежи, в больницы, в полицейские участки Лондона. Вот описание трупа из ванной Типса, его внешнего вида до того, как он был побрит и вымыт. Вы увидите лично сэра Эндрю Маккензи и получите самую свежую газету. Расскажите ему, как решаются проблемы с исчезновением сэра Леви и таинственным происшествием на Баттерси. (Мистер Паркер удивленно хмыкнул, на что Вимси не обратил внимания). — Попросите подготовить людей с ордером на арест очень опасного и важного преступника. Когда получите газеты, отыщите в них любое упоминание о больнице Святого Луки или о человеке, связанном с этой клиникой, и тотчас же пошлите за мной. Тем временем постарайтесь завязать знакомство с одним из тамошних студентов-медиков. Я вернусь в город, как только получу от вас известие, и надеюсь, что здесь меня встретит искусный костоправ. — И лорд едва заметно улыбнулся.

— Разве у вас есть какие-нибудь веселые улики? — спросил Паркер.

— Да, но могу ошибиться, хотя вряд ли.

— И не сообщите мне?

— Пока нет, я же сказал, что возможна ошибка. Вдруг ослепеет архиепископа Кентерберийского?

— По крайней мере, это одна тайна или две?

— Одна.

— Она относится к Леви? Он мертв?

— К сожалению, да, — проговорил дрогнувшим голосом Петер.

Герцогиня подняла глаза от книги:

— Петер, снова ты занялся делами, перестань сейчас же! Это выбивает тебя из колеи. Нам пора уезжать.

— Хорошо, мамочка, — сказал лорд и повернулся к Бантеру, стоящему у двери с пальто и чемоданом.

— Знаете, что вам надо сделать?

— Конечно, милорд, автомобиль уже прибыл.

— А в нем миссис Типс. Она мечтает снова повидать тебя, Петер. Ты напоминаешь ей сыночка, — прошептала герцогиня.

Паркер проводил их вниз. Когда они ушли, детектив заглянул в газету, по-

том вспомнил, что была суббота, надо спешить, и вызвал такси:

— В Скотланд-Ярд, пожалуйста!

ВО ВТОРНИК утром лорд Петер с приятелем, мужчиной в вельветовом пиджаке, пробирался к лесу через поля турникаса. Им предстояла веселая охота с породистым сеттером, который бесшумно, как полицейский, шел по следу. После выстрела собака бросилась в заросли и скоро вынесла убитую утку.

— Умная скотинка, — улыбнулся лорд Петер.

Сободренная похвалой, собака неожиданно начала носиться кругами и громко залаяла.

— Замолчи, безмозглый пес! Не знаешь, как себя вести на охоте! — крикнул хозяин.

— Дорогой мой, чем вам не угодило животное с такой прекрасной родословной?

— Нет, милорд, от этого пса придется избавиться.

Вимси как-то неопределенно пожал плечами. Он всегда недолюбливал деревню, однако в это утро впервые за последнее время наслаждался прохладным воздухом, влажной листвой, слегка шелестящей под ногами.

В Денвере все шло своим чередом: никто внезапно не умер, разве только старые собаки и подстреленная дичь. В кармане лорда лежало письмо от Бантера, полученное утром по почте, которое он не торопился прочесть. А вот Паркер не спешил ему телеграфировать.

Лорд распечатал пакет после ленча. Его старший брат, подлинный англичанин, напоминающий Генриха VIII в юности, подремывал над "Таймсом". Джеральд Вимси, герцог Денверский, презирал плебейские вкусы младшего брата и был вполне равнодушен к полицейским новостям.

"Милорд, — писал Бантер, — спешу сообщить Вам о результатах моих исследований. Без особого труда удалось свести знакомство со слугой сэра Джульиана Фреке Джоном Камингсом. Он является членом того же клуба, что и мой приятель, служащий у Фредерика Арбатнота, который с удовольствием взялся меня представить. Вчера вечером мы вместе отправились в тот клуб и пообщались, после чего я пригласил Камингса к себе выпить по рюмочке и выкурить сигару. Вы уж меня простите, но опыт подсказывает, что лучший способ узнать господина — это знакомство с его слугой. Успех превзошел мои ожидания. Правда, сначала я завел разговор на отвлеченные темы: о театре, женщинах. Но после второго стакана стал задавать интересующие Вас вопросы и, чтобы сократить время, передал тот разговор в форме диалога.

Камингс. Кажется, вы повидали-таки жизнь, мистер Бантер?

Бантер. Каждый это может сделать, если знает, как.

Камингс. По вашим словам, не так уж и трудно. Но почему-то не женились.

Бантер. Это совсем не обязательно для ее постижения, мистер Камингс.

Камингс. Да, но время необратимо.

Бантер. Миссис Камингс живет с вами в Баттерси?

Камингс. Мы оба прислуживаем нашему хозяину. Такова жизнь. Работаем не каждый день, иногда для развлечения ездим за город.

Бантер. Конечно, подобная работа мешает посещать клуб.

Камингс. Наверное, и вам тоже? Ваш хозяин нередко возвращается домой за полночь, а?

Бантер. Вы правы, довольно-таки часто.

Камингс. А вы стараетесь ускользнуть при первой возможности?

Бантер. Ну как же иначе, старина?

Камингс. Вот и вы тоже! А мне-то какво?! Какой нормальный человек захочет вожжаться со старой глупой женой и сухарем профессором, который всю ночь режет мертвецов или делает опыты на лягушках?

Бантер. Удираете?

Камингс. При возможности — всегда, но до двенадцати ночи возвращаюсь. А если к его приходу меня еще нет на месте, тогда лучше не испытывать судьбу.

Бантер. Что, бесится?

Камингс. Нет, но буравит тебя глазами насквозь, будто ты труп на операционном столе, а он собирается препарировать. Человек сам по себе он вежливый, обходительный, но что толку, если при этом крадет ваш ночной отдых? Дом запирается, и дворецкий в половине одиннадцатого уже в постели. Но спит хорошо, когда тихо...

Бантер. А чем же ваш хозяин нарушает покой?

Камингс. Блуждает всю ночь: то входит, то выходит, дверь в больницу то открывается, то захлопывается.

Бантер. Разве доктор Джулиан Фреке всю ночь работает в клинике?

Камингс. Нет, это он занимается научной работой, режет трупы. Говорят, он большой мастер на этот счет: человека может из ничего собрать.

Бантер. Вы что же, спите в подвале, коль слышите стук дверей?

Камингс. Нет, наши спальни как раз наверху. Но что из того? Хозяин так хлопает дверьми, аж весь дом дрожит. Но и это не все. Он не ложится, пока не смоеет с себя болезнетворных бактерий. А что это такое, знаете? В минувший понедельник шум воды в ванной разбудил нас в три часа ночи! В тот раз

мой хозяин задержался особенно долго, потому что накануне поздно вечером к нему приходил джентльмен и оставался чуть ли не до десяти. Сэр Джулиан сам пошел проводить его до двери. Да если бы у меня было столько денег, сколько у доктора, я никогда не возился бы с мертвецами среди ночи, а нашел какое-нибудь занятие, более подходящее для джентльмена, мистер Бантер.

Кончайте письмо, милорд, желаю Вам по-настоящему насладиться загородным воздухом и отдохнуть.

Преданный Вам Мервин Бантер".

ЛОРД ПИТЕР наконец получил от Паркера телеграмму. Она была следующего содержания:

"Сообщение из колонии в Челси. Безымянный бродяга сбит на улице. Умер в колонии в понедельник. По распоряжению доктора Фреке в тот же вечер он доставлен в больницу Святого Луки. Бесьма загадочное дело. Паркер.."

— Ура! — вскрикнул лорд Петер и просиял.

— В чем дело? — спросил Джеральд Вимси, подходя и зевая.

— Я отправляюсь по делам в город. Так что большое спасибо за гостеприимство!

— Желаю тебе не ввязываться в полицейские истории.

— Очень жаль, Джеральд, что мы совсем из разного теста, хотя и братья.

— Почему бы тебе не жениться и не зажить спокойно?

— Потому, что я не так устроен, да кроме того, моя деятельность не совсем бесполезна. Можешь приехать и убедиться в этом сам.

— Брось, пожалуйста. Когда приехать за тобой машину?

— Если можно, сейчас же, я и мамулю возьму с собой.

— Думаешь и ее втянуть в свои делишки?

— Она должна помочь мне.

— По-моему, это совсем неподходящее мероприятие.

— Почему, сынок? Я знала миссис Леви, когда она была еще Кристиной Форд — вмешалась герцогиня-мать в разговор братьев. — А что, дорогой, мистер Леви умер? — обратилась она уже к своему младшему.

— Да, и еще при отвратительнейших обстоятельствах, мамочка. Супруга должна будет прийти и опознать его.

— Бедняжка Кристина! Я поеду с тобой, сыночек.

— Спасибо, мамуля. Хотя ты у меня молодец. Расскажу тебе обо всем в машине.

(Окончание следует)

КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

Уроки по методике школы Тадеуша Касьянова
дает инструктор рукопашного боя
майор Владимир БАРАНОВСКИЙ

СЭН'Э — ПУТЬ ЖИЗНИ

ТЕМА ЗАНЯТИЯ:
защита от удара ножом;
специальные подготовительные
упражнения с палкой;
защита от удара палкой.

1. Традиционная разминка и акробатические упражнения — 30 мин.
2. Повторение специальных подготовительных упражнений, необходимых для изучения приемов обращения с ножом.
3. Повторение приема защиты против удара ножом (см. урок в предыдущем номере журнала).
4. Прием самозащиты против прямого удара ножом.

Оба партнера стоят на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Сделав шаг, атакующий наносит удар ножом прямо. Защищающийся, уходя влево и убирая живот, ставит блок предплечьем левой руки (фото 1). Затем ребром правой ладони наносит удар по кисти противника, выбивая нож (фото 2, 3). Следующий элемент приема: защищающийся захватывает правой рукой кисть атакующего и с подскоком ставит левую ногу за его левую ногу. Левая рука при этом надавливает на лицо противника (фото 4). В заключительной стадии проводится бросок через ногу вниз; давление руки на лицо противника продолжается. Выполнить прием 20 раз правой и левой рукой и поменяться ролями.

5. Специальные подготовительные упражнения с палкой на координацию движений, улучшение чувствительности пальцев и лучезапястного сустава:

- кистевые вращения палкой в вертикальной плоскости вперед;
- кистевые вращения палкой в вертикальной плоскости назад;
- попеременные перехваты концов палки из руки в руку над головой;
- попеременные перехваты концов палки из руки в руку вдоль спины;
- попеременные перехваты концов палки из руки в руку под плечом.

6. Прием самозащиты против удара короткой палкой.

Атакующий правой рукой наносит удар палкой сбоку. Защищающийся ребром левой ладони проводит блок в руку противника с палкой (фото 5) и, захватив ее, правой ногой бьет в корпус в уязвимое место (фото 6). Затем правой рукой захватывает палку снизу (фото 7) и, вырвав ее из руки атакующего, наносит ею удар в голову (фото 8). Выполнить прием 20 раз правой и левой рукой и поменяться ролями.

Гонорар за публикацию перечисляется в Фонд помощи военнослужащим внутренних войск, пострадавшим в межнациональных конфликтах.

Фото 1

Фото 2

Фото 3

Фото 4

Фото А. БАЧИШО.

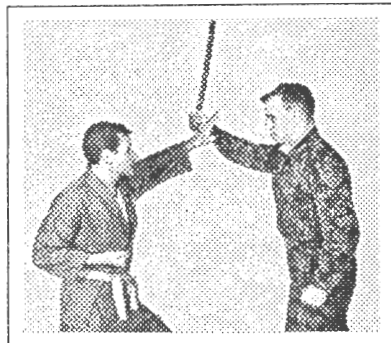

Фото 5

Фото 6

Фото 7

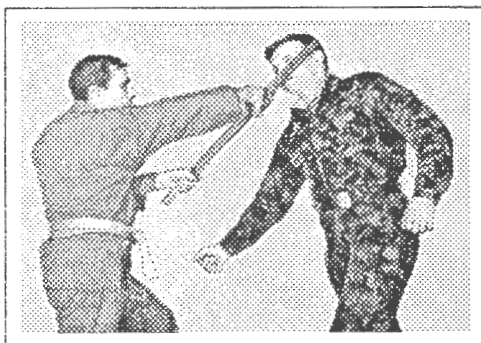

Фото 8

Советы домашнему мастеру

И УКРАШЕНИЕ, И ПОЛЬЗА

Многие военнослужащие стали за последнее время обладателями земельных участков, приступили к возведению дачных построек.

Кому-то наверняка захочется иметь камин, который и определенный уют создаст, и согреет в сырую, промозглую погоду. Сегодня мы советуем, как соорудить его в садовом домике.

Устройство камина не является традиционным. По своим теплотехническим качествам камин не может заменить отопительную печь и в большинстве случаев выступает в роли очага открытого огня, создавая дополнительный комфорт в жилом помещении. Однако, несмотря на невысокий коэффициент теплоотдачи (по сравнению с отопительными печами он составляет 10–20 процентов), у каминов есть достоинства: быстрая отдача лучистого тепла в процессе топки, хорошая вентиляция отапливаемых помещений.

Кладку камина выполняют, как и кладку печей, с соблюдением тех же требований к кирпичу, раствору и толщине швов. Самой ответственной частью камина является переход от топливника к дымосборнику. От правильной формы дымового уступа ("зуба", "гуська") и соотношения ширины, высоты и глубины топливника во многом зависят эксплуатационные качества камина. На его работу влияют также размеры дымосборника, высота трубы и ее внутреннее сечение, месторасположение самого камина по отношению к дверным и оконным проемам. Внутренние поверхности стен топливника, дымосборника и дымового канала трубы желательно делать гладкими, закругленными, с плавными переходами. Для лучшей тяги и отражения лучистого тепла в отапливаемое помещение боковые стены делают скошенными под углом 45–60 градусов, а заднюю

стену (примерно с 1/3–1/2 своей высоты) — наклонной.

Перед камином в противопожарных целях устраивают предпочтительную площадку из негорючих материалов глубиной 50 см и шириной не менее ширины портала. Обычно часть этой площадки делают из отборного кирпича, уложенного на ребро на цементно-песчаном растворе. Схема камина показана на рисунке, а его размеры приведены в таблице.

Для лучшего сжигания дров иногда в пол камина встраивают колосниковую решетку, располагая ее над поддувальным каналом.

Трубу камина желательно делать прямой. Местные отклонения от вертикали не должны превышать 30 градусов.

Отделка камина во многом зависит от качества кирпича. При хорошем внешнем виде кирпича возможна кладка наружных стен камина с расшивкой швов. Неровности кирпича шлифуют кирпичом или шлифовальной шкуркой, а цвет восстанавливают слабым раствором соляной или серной кислоты. Если качество кирпича невысокое, то поверхность камина оштукатуривают кладочным раствором (для прочности в него можно добавить цемент: 200–300 г на ведро раствора) с последующей окраской клеевыми, известковыми растворами или водоземлемыми составами. Портал камина во всех случаях желательно выложить из качественного кирпича с расшивкой швов.

При сооружении камина в небольших домах с печным отоплением его желательно заблокировать на одном фундаменте с печью и получить печь-камин с одной дымовой трубой. В садовых и дачных домах такой отопительный блок может иметь в своем составе также небольшую встроенную плиту и духовку.

Из книги «Жилой дом для индивидуального застройщика».

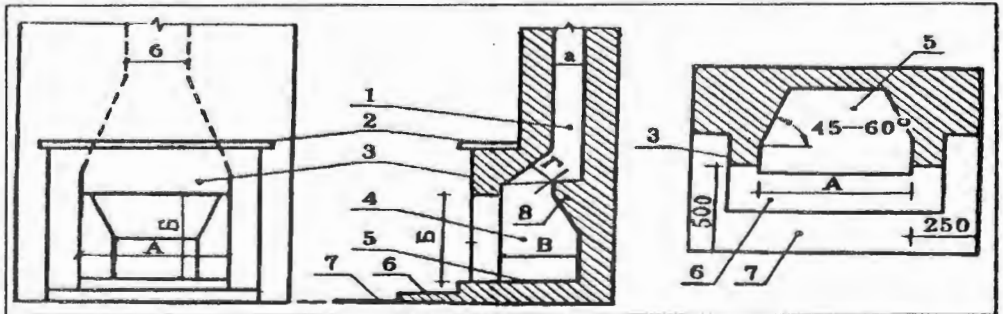

Схема камина:

1 — дымосборник, 2 — каминная доска, 3 — портал камина, 4 — топливник, 5 — под камина, 6 — предпочтительная площадка, 7 — предпочтительный лист; А — ширина портала, Б — высота портала, В — глубина топливника, Г — высота горловины; а — глубина сечения трубы, б — ширина сечения трубы.

Таблица

Основные размеры каминов

Площадь помещения, м ²	А	Б	В	Г	ахб
14–16	55	50	35	12	14х27
16–18	60	53	36	12	14х27
18–20	65	56	37	12	14х27
20–24	70	60	38	13	27х27
24–30	75	65	40	13	27х27

Под редакцией
мастера спорта
А. Калинина

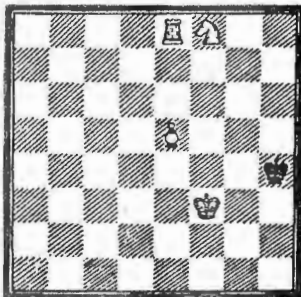
КОНКУРС РЕШЕНИЙ

№ 16 (1 балл)

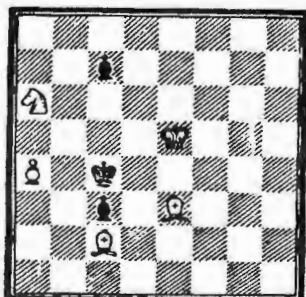
Мат в 2 хода

№ 17 (2 балла)

Мат в 3 хода

№ 18 (3 балла)

Мат в 5 ходов

Наш конкурс продолжается. Надеемся, очередные художественные задания не оставят вас равнодушными. Ждем ваших писем с решениями.

ШАХМАТНЫЙ АВТОМАТ

В прошлом "Шахматном клубе" мы рассказали о современных шахматных компьютерах. Их прообразом были шахматные автоматы XVIII—XIX веков. Первый автомат сконструировал венгерский механик В. Кемпелен и впервые продемонстрировал его в Вене в 1769 году.

Автомат представлял собой восковую фигуру "турка", передвигаемую с помощью остроумного механизма шахматные фигуры на доске. Управлял ими спрятанный в автомате сильный шахматист. Большинство партий автомат выигрывал. Посмотрите партию, сыгранную Наполеоном Бонапартом (белые) с автоматом в 1809 году.

1. e4 e5 2. Фf3? Кс6 3. Сс4 Кf6 4. Ке2 Сс5 5. а3 d6 6. 0-0 Сg4 7. Фd3 Kh5 8. h3 С:e2 9. Ф:e2 Кf4 10. Фе1 Kd4 11. Сb3 Кf3+ 12. Kph1 Фh4, и Наполеон вынужден был признать себя побежденным.

Его невидимым противником был И. Альгайер — сильнейший шахматист Австрии. Судя по партии, Наполеон был довольно слабым игроком.

За автомат играли многие сильные шахматисты мира, например англичанин Уильям Льюис (1787—1870), с именем которого связано первое появление слова "гроссмейстер". Так назвала Льюиса лондонская газета "Беллз лайф", от 18 февраля 1838 года.

В 70-х годах прошлого столетия в Великобритании был сконструирован автомат под названием "Мефисто". Название это перешло к современному микрокомпьютеру, не уступающему в силе игры гроссмейстеру. Но тогда за автомат играл спрятанный в нем шахматист, им был И. Гунсберг — сильнейший игрок мира.

Автоматы преследовали коммерческую цель, но они сыграли важную роль в популяризации шахмат.

РАЗНОЕ

● В "Правилах хорошего тона" Ф. Сегюра (Париж, 1879) помещена такая рекомендация: "Если вы ставите противнику мат, то постарайтесь скрыть выражение удовольствия на своем лице. А если сами получаете мат, то придайте своему лицу такое выражение, будто речь идет о забавном происшествии — ну, скажем, у вас ветром сорвало шляпу...".

● Первый шахматный клуб в Нью-Йорке был открыт в конце XVIII века эмигрантом из Франции по фамилии Блин. Вскоре он был закрыт из-за плохой посещаемости и финансовых трудностей. Вспоминая это далекое время, шутники говорят: "Первый клуб комом!".

● За период 1934—1987 гг. звание "Мастер спорта СССР" по шахматам присвоено 1061 шахматисту, из них 904 мужчинам и 157 женщинам. За тот же период звания "Гроссмейстер СССР" удостоены 105 человек, из них 81 мужчина и 24 женщины.

● Арабский поэт XI века Ибн-Эль-Мутаз в одном из своих стихотворений воспел четыре добродетели шахмат: они — мудрый советчик в делах военных, великое утешение при безответной любви, верное средство от пьянства, надежный товарищ в одиночестве. Этими качествами шахматы обладают в полной мере.

000387—И. М.

Я невысокого роста (158), стройная, обыкновенной внешности, общительная, спокойная, вредных привычек не имею, люблю книги, музыку, вязание, ценю в людях верность, искренность, чувство юмора. Хотелось бы познакомиться с молодым человеком, военнослужащим, постарше меня (а мне 24 года), с такими же интересами примерно, как и у меня.

Ирина.

000388—А. М.

Ищу свою "самую обаятельную и привлекательную"! Я пока сержант срочной службы (20 лет, рост 172), русский, увлекаюсь спортом, играю на гитаре, из вредных привычек одна — курю, а в смысле выпить... по праздникам, думаю, можно?.. Жду письма с фотографией.

Андрей.

000389—А. Г.

Мне по девятнадцать, служил в оперативных частях внутренних войск, скоро увольняюсь, но службы этой суровой хватит нам "на всю оставшуюся жизнь". И все-таки, несмотря ни на что, ценю в людях доброту, честность, юмор. Люблю хорошую музыку, увлекаюсь бодибилдингом. Хотим познакомиться с привлекательными, веселыми девушками 16—19 лет, не выше 170. Постараемся ответить на все письма, но желательно с фото.

Андрей, Борис.

000390—О. М.

Мне 18 лет, характер добрый, спокойный, люблю музыку, танцы, занимаюсь спортом. Живем мы вдвоем с бабушкой, которая меня вырастила. Сейчас мне очень одиноко, а так надо, чтобы у человека были друзья, любящий и радостное настроение. Надеюсь в вашем клубе познакомиться с парнем-военнослужащим 19—22 лет, который считает, что верными должны быть не только девочки.

Оля.

000391—Ш. А.

Я офицер внутренних войск, мне 23 года, рост 176, атлетического сложения, глаза карие, волосы темные, интересы — очень разнообразны. И вредных привычек

К сожалению, в связи с общим повышением цен вынуждены и мы увеличить оплату услуг клуба. Закрывать клуб просто не имеем права — ведь для многих встреча действительно стала возможной.

Поэтому обращаемся ко всем читателям — поддержите клуб "Возможная встреча", материально, а также рекламой его работы.

За публикацию одного объявления надо переслать почтовым переводом 300 руб. в наш банк (его адрес: 111250, Москва, Е-250, коммерческий банк "Лефортовский", р/с 340616, МФО 201207, к/с 437161900 в РКЦ ГУ ЦБ РФ), затем текст объявления вместе с квитанцией об оплате направить в редакцию.

За высылку адреса одного выбранного вами абонента таким же образом надо направить в банк 50 руб., а в письмо с заявкой и квитанцией — в редакцию.

Если вы хотите опубликовать свое письмо в газете "Ситуация" (приложение к журналу), надо точно так же заплатить за него 300 руб. При публикации письма одновременно и в газете, и в журнале вы пользуетесь 10-процентной скидкой, т.е. платите не 600, а 540 руб.

Военнослужащие срочной службы платят за объявление 100 руб., при одновременной публикации в двух изданиях — 180 руб., за адрес одного абонента — 30 руб.

Для более оперативного ответа на ваше письмо присылайте, пожалуйста, конверт с вашим обратным адресом.

Заранее приносим извинения за то, что письма без оплаты рассматриваться не будут.

нет. Надеюсь познакомиться с обаятельной девушкой, родившейся под созвездием Девы, умеющей хорошо вести домашнее хозяйство, которая согласится стать для меня верной спутницей в жизни. Отвечу на все письма, но желательно сразу с фотографией.

Шавкат.

000392—А. Н.

Мне 21 год (рост 171), осязая заканчивается моя служба во внутренних войсках, и я очень надеюсь, что наш клуб успеет познакомить меня со стройной, симпатичной, веселой девушкой 18—20 лет, умеющей готовить (!). О своей внешности затрудняюсь что-либо сказать... Ну, глаза голубые, спортивного телосложения (увлекаюсь спортом), интересы у меня такие: техника (моя военная специальность водитель), фотодело, рыбалка, охота (люблю тайгу), а сейчас вот учусь играть на гитаре. И — жду...

Анатолий.

000393—Е. С.

Может быть, и напрасно обращаюсь в ваш клуб, уж слишком молодой он у вас... Однако пишу и люди моего возраста. Мне 29 лет, рост 168, образование высшее, характер очень спокойный, по специальности программист, по увлечению — дизайнер, люблю готовить, создавать уют и порядок в доме, но личная жизнь не сложилась, и я до сих пор одна. А привлекает в людях мужественность, решительность, умение постоять за честь и справедливость, вот потому и пишу в ваш клуб. Может, здесь и найду своего суженого (военнослужащего, конечно!).

Катя.

000394—В. Б.

Девушки, способные разделить с любимым горести и радости суровой офицерской судьбы, откликнитесь! Ваших писем ждет офицер далекого гарнизона. Мне 27 лет, рост 167, увлекаюсь спортом, вредных привычек не имею. Отвечу всем, но буду особо благодарен за письмо с фотографией.

Валерий.

000395—В. З.

Родился 20 лет назад под знаком Козерога, скоро кончается моя срочная служба,

буду работать по специальности — водителем. Я вполне современный парень, люблю современную музыку, вредная привычка имеется — курю. Пусть мне напишет девушка 18—20 лет, не выше меня (мой рост 176), обязательно некурящая, я уверен, что это ни к чему. Отвечу на все письма, желательно с фотографией.

Виктор.

000396—Е.К.

Служу во внутренних войсках пока еще мало, но служба нравится, мечтаю поступить в военное училище. Я считаю, что это настоящее мужское дело — защищать свою землю. Сам я с Волги, семья у нас большая, дружная, и в армии у меня много друзей. А вот девушку любимой нет — вдруг встретив в нашем клубе "ВВ" добрую, скромную и маленькую с юмором. Мне 19 лет (рост 175), увлекаюсь, как все парни, спортом, техникой. Отвечу на все письма, но желательно с фото.

Женя.

000397—А.С.

Невозможно ведь так — жить без любимой! Вся надежда на наш клуб, потому что пока я служу во внутренних войсках. Мне 19 лет (рост 175), знак Зодиака — Водолей, по характеру я спокойный человек, но приемами рукопашного боя владею основательно, так что и за себя, и за друзей постоять могу. Вредных привычек нет, правда, считаю, что по торжественному случаю можно и выпить. Рассчитываю именно в клубе "ВВ" встретить свою милую, красивую, ласковую, а главное — верную подругу 16—18 лет. Пишите мне, девчонки, хорошо бы, конечно, с фото, но отвечу всем.

Александр.

000398—С.М.

Надеюсь, что мне повезет и я познакомлюсь с обаятельной, симпатичной, скромной, трудолюбивой, отзывчивой представительницей прекрасного пола до 22 лет (можно с ребенком). С серьезными намерениями! Мне 20 лет, рост 178, брюнет, со звездами — Близнецы, курсант командно-тылового училища, в будущем специалист

широкого профиля, инженер-экономист. Занимаюсь спортом, люблю музыку, стихи, книги. Отвечу на все письма. Пишите, девушки, у меня много друзей, ну не поправлюсь я, познакомлю вас со своими товарищами.

Сергей.

000399—С.М.

Клуб "ВВ", помоги нам! Была я счастливым человеком, все было: муж, родители, подруги, друзья нашей семьи, квартира — все погибло в националистической войне в Приднестровье. Остались мы с дочкой Леночкой, да еще Ирочку к себе взяли — сестренку моей погибшей подруги. Живем теперь в другой республике, но тут к нам отношение равнодушное. Нужен нам очень верный и надежный человек, чтобы согрелся наш домашний очаг щедростью его души. Мне 25 лет, вдова, дочкам пять и десять лет. Если откликнется добрый человек, мы постараемся отплатить ему своей преданностью и верностью.

Светлана.

000400—Н.Р.

Неужели "Возможна встреча" только для молодежи?... Мне вот хотелось бы познакомиться с добропорядочным человеком без вредных привычек примерно 60—70 лет, военнослужащим в отставке, которому так же одиноко, как и мне (хотя и дети, и внуки есть). Я москвичка, на пенсии, невысокого роста, очень общительная и неунывающая по характеру. Устала от городского шума, гари, асфальта, и если у моего будущего знакомого нет жилищных проблем и есть хоть какая-то возможность пожить в сельской местности, — буду рада помочь ему с огородными заботами.

Нина Михайловна.

000401—В.К.

Служу во внутренних войсках, а вообще — то я с Урала, мне 20 лет (рост 178), спортивного сложения, по гороскопу Дева, люблю музыку. С очень серьезными намерениями рассчитываю познакомиться в клубе с доброй, веселой девушкой 17—20 лет, умеющей понять другого. Пишите, девчонки, очень

жду, хорошо бы к письму и фото, но можно и без него.

Валера.

000402—И.Д.

Мне 20 лет, рост 173, занимаюсь спортом, вредных привычек не имею. Я военнослужащий сверхсрочной службы внутренних войск, в свободное время любимые увлечения — походы, музыка. Пусть мне напишет девушка не старше 20 лет, не выше меня, стройная, но главная — способная стать надежной спутницей в моей жизни, а военная жизнь, девушки, не сладкая!

Игорь.

000403—К.П.

Я с Урала, русский, Лев (если кого интересует мой знак Зодиака), оптимист (не унываю ни при каких обстоятельствах), люблю высокую скорость, умею управлять любимым видом транспорта, вплоть до лошади. А сейчас несую нелегкую гарнизонную службу, и мне так не хватает надежды!.. Моя прежняя "надежда" встала, и я осталась у разбитого корыта одинешенек. Мне 20 лет (рост 176), отчаиваться не думаю, поэтому и пишу в наш клуб — возвратите надежду!

Константин.

000404—М.С.

Служба в армии подходит к концу, а любимой подруги у меня нет и по примеру некоторых моих друзей надеюсь с помощью клуба "ВВ" познакомиться с девушкой 19—20 лет, стройной, симпатичной, общительной и... со светлыми волосами. Считаю, что такие волосы придают людям особое чутье. О себе: 19 лет, рост 180, светловолосый, глаза серые, люблю книги, занимаюсь спортом, вредных привычек не имею, знак Зодиака — Водолей.

Михаил.

000405—А.Т.

Мне 20 лет, внешность?.. обыкновенная, учусь в педагогическом институте, уважаю людей порядочных, умных и сильных. Хотела бы переписываться с курсантом или офицером 22—25 лет. Знаете, я по национальности киргизка, так вот у нас этот вопрос считается важным, поэтому пусть мой будущий знакомый будет киргизом или казахом, ладно?

Аида.

ВЫПИСЫВАЙТЕ!

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Индекс 70610

Журнал "На боевом посту", — военно-публицистическое и литературно-художественное издание. Учредителем его является Министерство внутренних дел Российской Федерации. Издатель — Главное управление командующего внутренними войсками МВД России.

Журнал издается ежемесячно. Распространяется по подписке и в розницу. Имеет еженедельное приложение — газету "Ситуация".

Приоритетными проблемно-тематическими направлениями журнала и газеты являются: информирование широкой читательской аудитории о роли и месте внутренних войск в государственных структурах; формирование объективного общественного мнения по всему спектру их жизни и деятельности; отражение практики работы органов внутренних дел России, сил правопорядка других государств СНГ.

Профессиональные внутренние войска становятся явью. Какими бы мы хотели их

видеть? Миротворцами по типу "голубых касок"? Силами быстрого реагирования, мобильными, способными в любую минуту оказать помощь в очередной горячей точке? Можем ли мы, российские граждане, рассчитывать на общественную и личную безопасность в стране, обеспечение которой во многом зависит от парней в краповых беретах?

Только в журнале "На боевом посту", вы найдете исчерпывающие ответы на эти непростые вопросы!

Стоимость подписки на журнал: на 1 месяц — 480 рублей, на полугодие — 2880 рублей. Подписка на газету "Ситуация", составит на 1 месяц — 300 рублей (4 номера), на полугодие — 1800 рублей.

Наш адрес: 107120, Москва, Б-120. Сыромятинский проезд, 8. Телефоны: 361-81-71, 361-82-57.

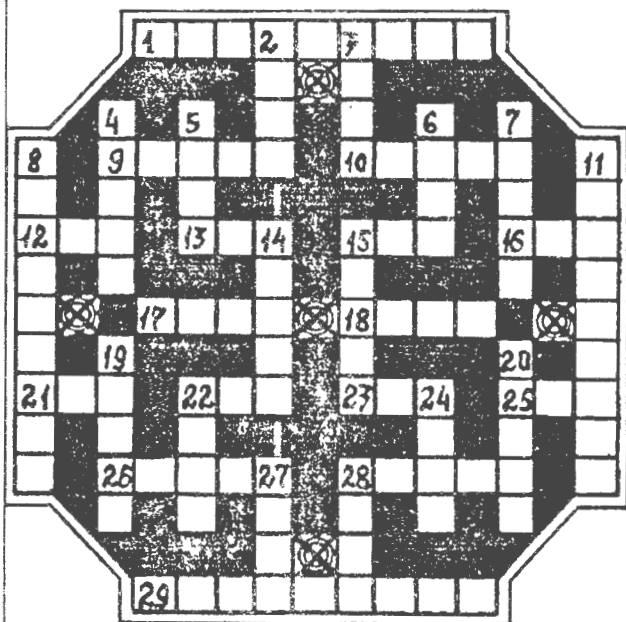
Расчетный счет редакции N 340616 в коммерческом банке "Лефортовский", г.Москвы, МФО 201207.

Индекс
50157

ЧИТАЙТЕ!

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Право самостоятельного осуществления государственной власти или управления, предоставленное какой-либо части государства. 9. Бельгийский оружейник. 10. Чрезмерное возвеличе-

ние. 12. Пчелиная семья, оставившая улей. 13. Мера площади. 15. Звание, связанное с почетным положением. 16. Минерал. 17. Венгерский композитор. 18. Жаргон. 21. Сосновый лес на песчаных и камени-

стых почвах. 22. Помещение для стрельбы. 23. Взрывчатое вещество. 25. Законченная часть драматического произведения. 26. Древнерусское название рубина. 28. Роман Т. Драйзера. 29. Разведывательно-диверсионное подразделение английской армии.

По вертикали: 2. Государство на юго-востоке Аравийского полуострова. 3. Областной центр. 4. Плод смородины. 5. Левый приток Оки. 6. Род. 7. Официальное наименование учреждений на его фирменном бланке. 8. Летательный аппарат. 11. Первая в мире женщина-посол. 14. Футбольная команда. 15. Начало гонки. 19. Верхняя долгополая распашная одежда русских крестьян. 20. Город в Болгарии. 22. Канат. 24. Мера объема. 27. Грузовой отсек судна. 28. Богато украшенное кресло на возвышении.

Ответы на кроссворд, опубликованный в N 7.

По горизонтали: 2. Ядерное. 6. Штиль. 7. Адепт. 8. Дворня. 9. Авария. 11. Ара. 13. Дежурный. 14. Радиация. 15. Яик. 21. Турель. 22. Гэфель. 23. Пиаже. 24. Берма. 25. Очередь.

По вертикали: 1. Бруствер. 2. Яблона. 3. Ендова. 4. Строй. 5. Эпарх. 8. Делегат. 10. Янгиль. 11. Айя. 12. Арк. 16. Йогачары. 17. Армия. 18. Блажко. 19. Бабель. 20. Ферма.

245

Акционерное общество «Ижевские ружья» — торговый представитель государственного предприятия «Ижевский механический завод» предлагает гражданам и организациям надежные и удобные средства активной защиты

НАШЕ ОРУЖИЕ — ВАША БЕЗОПАСНОСТЬ

Остронаправленное из баллончика, пистолета или револьвера аэрозольное облако укротит любого злоумышленника. Кратковременная задержка дыхания, слезоточивость, жжение глаз и кожи на 10-15 минут заставят преступника забыть о вас

АЭРОЗОЛЬНЫЕ БАЛЛОЧКИ

БАЛЛОЧКИ
«РИУКОН-250»,
газ С-1180

БАЛЛОЧКИ Ч-11М,
газ CN, хлорацетофенон

Максимальная эффективность применения — до 1,5 метра. Габариты: высота — 105 мм; диаметр — 12,5 мм. Крепление типа авторучки.

ГАЗОВЫЕ РЕВОЛЬВЕРЫ И ПИСТОЛЕТЫ

ГАЗОВЫЙ РЕВОЛЬВЕР РГ-22

Калибр — 5,6 мм,
патрон — газовый,
кольцевого
воспламенения ТК 022,
производства
АО «Техкрим», г.Ижевск,
емкость барабана —
7 патронов,
масса револьвера — 385 гр.

Калибр — 8мм,
патроны —
газовый и звуковой,
производства фирм
Wadle, SAX, SM (ФРГ),
емкость магазина —
5 патронов,
масса пистолета — 500 гр.

ГАЗОВЫЙ ПИСТОЛЕТ ИЖ-76

Дальность поражения аэрозольным облаком — до 3 м.
Звуковой сигнал — до 30 м.

НАШ АДРЕС:

426000, г.Ижевск,
пер. Северный, д.61.

Акционерное общество
«Ижевские ружья».

Тел.: 22-80-54, 22-82-92.
Факс: 22-80-54
(код Ижевска — 3412)

НАШИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА:

Барнаул — 23-26-92
Екатеринбург — 22-36-31
Красноярск — 36-22-41
Магнитогорск — 4-90-49
Москва — 975-51-72
Петропавловск-
Камчатский — 2-17-28
Пятигорск — 5-01-11
Тольятти — 30-10-84
Томск — 44-34-22

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ
«ИЖЕВСКИЙ
МЕХАНИЧЕСКИЙ
ЗАВОД»

ПРЕДЛАГАЕТ
ВАМ:

БЫТОВОЙ КОМПЬЮТЕР «КОМПАЬОН-2»

Наш компьютер станет для Вас отличным «компаньоном», при оснащении игровых залов и молодежных центров, при решении инженерных и производственных задач, а также в качестве обучающих устройств в школах.

Компьютер имеет:

- встроенный кодер RGB-SECAM для подключения к антенному входу цветного телевизора или кассетного магнитофона;
- богатый выбор программ популярных «Спектрум»,-совместимых компьютеров;
- расширенную 88-кнопочную русифицированную клавиатуру;
- процессор Z 80 А;
- объем ОЗУ – 48 Кбайт, ПЗУ – 16 Кбайт;
- 8 цветов, 2 градации яркости.

Компьютер комплектуется двухкоординатным манипулятором. Предусмотрена возможность подключения внешнего постоянного запоминающего устройства для быстрого ввода программ, контроллера накопителей на гибких магнитных дисках и принтера.

В ВАШИХ ЗАЯВОК ПО АДРЕСУ:

063, г.Ижевск,
Промышленная, 8
Ижевский механический завод,,

ТАКСОФОНЫ

Особенности наших таксофонов:

- повтор набранного номера без укладки микротелефонной трубки и невозможность повтора после укладки ее на рычаг;
- оплата разговора жетонами, различными по профилю и массе, а также их контроль;
- контроль принимаемой монеты по максимальным размерам, массе и ферромагнитным свойствам сплава;
- подключение внешнего вызывного устройства.

Модификации таксофонов отличаются конструкцией монетного блока в зависимости от достоинства монет или жетонов.

ГАЗОВЫЙ РЕВОЛЬВЕР РГ-22

ОБЕСПЕЧИТ ВАШУ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПОМОЖЕТ ИЗБЕЖАТЬ НЕПРИЯТНЫХ СИТУАЦИЙ

- Небольшие габаритные размеры и масса позволяют носить его как в дамской сумочке, так и в кармане.
 - Надежен и прост в обращении.
 - Применяются 5,6-мм газовые патроны кольцевого воспламенения.
 - Дальность поражения аэрозольным облаком – до 3 м.
 - Вместимость барабана – 7 патронов.
 - Габаритные размеры – не более 115x124x35 мм.
 - Масса – не более 385 граммов.
- Поставляется с комплектом газовых патронов.

Телефоны: 75-37-35, 76-44-88, 76-22-65
Телетайп: 255132 ЩИТ
Телефакс: 3412 764 590